

DOI: 10.21209/2227-9245

DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3

ВЕСТНИК

ЗАБАЙКАЛЬСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА 2025
Том 31. № 3

TRANSBAIKAL STATE UNIVERSITY JOURNAL

Vol. 31. No. 3

УЧРЕДИТЕЛЬ И ИЗДАТЕЛЬ
ФГБОУ ВО «Забайкальский
государственный университет»

672039, Забайкальский край, г. Чита,
ул. Александро-Заводская, 30

АДРЕС РЕДАКЦИИ
672039, г. Чита,
ул. Александро-Заводская, 30
Тел.: +7 (3022) 41-67-18

FOUNDER AND EDITOR
FSBI HE
“Transbaikal State University”

672039, Transbaikal Region, Chita,
Aleksandro-Zavodskaya st., 30

EDITORIAL ADDRESS
672039, Chita,
Aleksandro-Zavodskaya st., 30
Tel.: +7 (3022) 41-67-18

vestnik@zabgu.ru
VestnikZabGU@yandex.ru
<http://zabvestnik.com>

ВЕСТНИК

Забайкальского
государственного
университета

Основан в 1995 г.

Журнал зарегистрирован

Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-71265 от 17.10.2017 г.

Периодичность издания: 4 номера в год

Все материалы, опубликованные в научном журнале
«Вестник ЗабГУ», являются авторскими и защищены
авторскими правами.

Журнал включён в:

- систему Российского индекса научного цитирования (РИНЦ);
- базу данных ВИНТИ РАН;
- НЭБ «Киберленинка»;
- каталог периодических изданий Ulrich's Periodicals Directory

Язык издания: русский, английский, китайский

*Авторы несут полную ответственность
за подбор и изложение фактов, содержащихся
в статьях; высказываемые взгляды могут
не отражать точку зрения редакции*

Редакционная коллегия

Главный редактор

Городкова Светлана Александровна, доктор
экономических наук, доцент

Ответственный секретарь

Петрова Ирина Владимировна, кандидат
социологических наук, доцент

Журнал входит в Перечень ВАК РФ рецензируемых
научных изданий, в которых должны быть опубликованы
основные научные результаты диссертаций на
соискание учёной степени кандидата наук, на
соискание учёной степени доктора наук по научным
специальностям:

- 1.6.10. Геология, поиски и разведка твёрдых полезных ископаемых, минералогия (геолого-минералогические науки, технические науки);
- 1.6.21. Геоэкология (геолого-минералогические науки, географические науки);
- 2.8.9. Обогащение полезных ископаемых (технические науки);
- 5.2.4. Финансы (экономические науки);
- 5.2.5. Мировая экономика (экономические науки);
- 5.5.2. Политические институты, процессы, технологии (политические науки);
- 5.5.4. Международные отношения (политические науки)

Журнал «Вестник ЗабГУ» относится к категории **K2**
в соответствии с категорированием журналов,
входящих в Перечень ВАК

© Забайкальский государственный университет, 2025

Литературный редактор Е. В. Голованова
Редактор перевода С. Е. Каплина, д-р пед. наук, профессор
Технический редактор Г. А. Зенкова

Подписано в печать 27.10.2025. Дата выхода в свет 30.10.2025
Форм. бум. 60x84 1/8. Бумага ксерографическая. Гарнитура "Arial"
Способ печати цифровой. Заказ № 25034. Усл. печ. л. 15,6. Уч.-изд. л. 13,7
Тираж 500 экз. (1-й з-д 1-100 экз.)
Цена свободная

Отпечатано в ФГБОУ ВО «Забайкальский государственный университет»
672039, Россия, г. Чита, ул. Александро-Заводская, 30

Transbaikal State University Journal

Founded in 1995

The Journal is registered

by Federal Service for Supervision in the Sphere of Communications, Information Technology and Mass Communications (Roskomnadzor)

Certificate of registration in Mass Media
PI № FS 7771265 dated by 17.10.2017

Frequency of publication: **4 issues per year**

All materials published in the scientific journal "Transbaikal State University Journal" have intellectual property rights and are protected by copyright.

The journal is included into:

- the system of the Russian Index of Scientific Citation (RISC);
- the database of VINITI RAN;
- SEL "Ciberleninka";
- the catalogue of cabalogue periodicals Ulrich's Periodicals Directory

Language of publication: Russian, English, Chinese

Authors are fully responsible for the choice and presentation of facts contained in the articles; the expressed views do not necessarily reflect the views of the editorial board

Editorial Board**Editor-in-Chief**

Gorodkova Svetlana A., Doctor of Economic Sciences,
Assistant Professor

Executive Secretary

Petrova Irina V., Candidate of Sociological Sciences,
Assistant Professor

The journal is included in the List of the Higher Attestation Commission of the Russian Federation of peer-reviewed scientific publications in which the main scientific results of dissertations for the degree of Doctor of Sciences and Candidate of Sciences in scientific specialties should be published:

- 1.6.10. Geology, prospecting and exploration of solid minerals, mineralogy (Geological and Mineralogical Sciences, Technical Sciences);
- 1.6.21. Geoecology (Geological and Mineralogical Sciences, Geographical Sciences);
- 2.8.9. Mineral processing (Technical Sciences);
- 5.2.4. Finance (Economic Sciences);
- 5.2.5. World Economy (Economic Sciences);
- 5.5.2. Political institutions, processes, technologies (Political Sciences);
- 5.5.4. International Relations (Political Sciences)

The journal "Transbaikal State University Journal" belongs to the category **K2** in accordance with the categorization of journals included in the List of the Higher Attestation Commission

© Transbaikal State University, 2025

Editor E. V. Golovanova
Editor of translation S. E. Kaplina, Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Technical editor G. A. Zenkova

Signed to print 27.10.2025. Date of publication 30.10.2025
Format 60×84 1/8. Xerographic paper. Headset "Arial". Printing method digital. Order No. 25034
Conv. quires 15,6. Ed.-print quires 13,7
Circulation 500 copies (first impression 1–100 copies)
Free price

Printed by FSBEI HE "Transbaikal State University"
672039, Russia, Chita, Aleksandro-Zavodskaya st., 30

Члены редакционного совета

Аедеев Павел Борисович, доктор технических наук, профессор (г. Чита);
Алексеев Владимир Романович, доктор географических наук, профессор (г. Якутск);
Аренс Виктор Жанович, доктор технических наук, профессор (г. Москва);
Атанов Николай Иванович, доктор экономических наук, профессор (г. Улан-Удэ);
Бейдина Татьяна Евгеньевна, доктор политических наук, профессор (г. Чита);
Блиновская Яна Юрьевна, доктор технических наук, профессор (г. Владивосток);
Буров Виталий Юрьевич, доктор экономических наук, доцент (г. Чита);
Бычков Иван Вячеславович, академик РАН, доктор технических наук, профессор (г. Иркутск);
Владимиров Игорь Николаевич, доктор географических наук (г. Иркутск);
Воронов Евгений Тимофеевич, доктор технических наук, профессор (г. Чита);
Воскресенский Алексей Дмитриевич, доктор политических наук, профессор (г. Москва);
Вылкова Елена Сергеевна, доктор экономических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
Галченко Юрий Павлович, доктор технических наук, профессор (г. Москва);
Глазурина Ирина Петровна, доктор экономических наук, профессор (г. Чита);
Гомбоев Байр Октябрьевич, доктор географических наук, доцент (г. Улан-Удэ);
Данилов Борис Борисович, доктор технических наук, профессор (г. Новосибирск);
Дугина Евдокия Лазаревна, доктор экономических наук, профессор (г. Улан-Удэ).
Дунец Александр Николаевич, доктор географических наук, профессор (г. Барнаул);
Зaborцева Татьяна Ивановна, доктор географических наук, доцент (г. Иркутск);
Залесская Ольга Владимировна, доктор исторических наук, доцент (г. Благовещенск);
Заслоновский Валерий Николаевич, доктор технических наук, профессор (г. Иркутск);
Зелинская Елена Валентиновна, доктор технических наук, профессор (г. Иркутск);
Зуляр Юрий Анатольевич, доктор исторических наук, профессор (г. Иркутск);
Казарян Вараздат Амаякович, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва);
Калабин Геннадий Валерианович, доктор технических наук, главный научный сотрудник (г. Москва);
Калпунов Давид Родионович, доктор технических наук, профессор, член-корреспондент РАН (г. Москва);
Кирдышин Алексей Анатольевич, доктор геолого-минералогических наук, профессор РАН (г. Новосибирск);
Кох Лариса Вячеславовна, доктор экономических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
Кучинская Татьяна Николаевна, доктор философских наук, доцент (г. Чита);
Лизункин Михаил Владимирович, доктор технических наук, доцент (г. Чита);
Логачёв Александр Владимирович, доктор технических наук, доцент (г. Новочеркасск);
Макаров Владимир Николаевич, доктор геолого-минералогических наук, профессор (г. Якутск);
Макишин Валерий Николаевич, доктор технических наук, доцент (г. Владивосток);
Малышев Евгений Анатольевич, доктор экономических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
Мартынов Василий Львович, доктор географических наук, профессор (г. Санкт-Петербург);
Матвеева Андрей Иннокентьевич, доктор технических наук, старший научный сотрудник (г. Якутск);
Матвеева Елена Викторовна, доктор политических наук, доцент (г. Кемерово);
Морозов Александр Анатольевич, доктор технических наук (г. Краснокаменск);
Мязин Виктор Петрович, доктор технических наук, профессор (г. Чита);
Новиков Александр Николаевич, доктор географических наук, доцент (г. Чита);
Оборин Матвей Сергеевич, доктор экономических наук, профессор (г. Пермь);
Оглы Зоя Петровна, доктор биологических наук, доцент (г. Чита);
Омеличкин Олег Викторович, доктор политических наук, профессор (г. Кемерово);
Орехова Наталья Николаевна, доктор технических наук, доцент (г. Магнитогорск);
Павленко Юрий Васильевич, доктор геолого-минералогических наук, профессор (г. Чита);
Печерица Владимир Федорович, доктор исторических наук, профессор (г. Владивосток);
Потапов Валентин Яковлевич, доктор технических наук, профессор (г. Екатеринбург);
Размахнин Константин Константинович, доктор технических наук, доцент (г. Чита);
Романова Илona Валерьевна, доктор социологических наук, профессор (г. Чита);
Ростовцев Виктор Иванович, доктор технических наук, старший научный сотрудник (г. Новосибирск);
Санжиева Светлана Егоровна, доктор биологических наук, доцент (г. Улан-Удэ);
Санжина Ольга Петровна, доктор экономических наук, профессор (г. Улан-Удэ);
Секисов Артур Геннадьевич, доктор технических наук, профессор (г. Хабаровск);
Семячков Александр Иванович, доктор геолого-минералогических наук, профессор (г. Москва);
Спасский Евгений Новомиро维奇, доктор политических наук, доцент (г. Хабаровск);
Сысоева Наталья Михайловна, доктор географических наук (г. Иркутск);
Томских Андрей Александрович, доктор географических наук, доцент (г. Чита);
Ульрих Дмитрий Владимирович, доктор технических наук, доцент (г. Челябинск);
Цыренова Татьяна Батомункуевна, доктор политических наук, доцент (г. Улан-Удэ).
Чесноков Алексей Сергеевич, доктор политических наук, доцент (г. Екатеринбург);
Шадрунова Ирина Владимировна, доктор технических наук, профессор (г. Москва);
Шелковников Сергей Александрович, доктор экономических наук, профессор (г. Новосибирск);
Шумилова Лидия Владимировна, доктор технических наук, доцент (г. Чита);
Юргенсон Георгий Александрович, доктор геолого-минералогических наук, профессор (г. Чита).

Члены международного редакционного совета

Асадов Хикмет Гамид оглы, доктор технических наук (Азербайджанская Республика); Ан Сен Ир, профессор (Китай); Баастын Оюнээрэл, доктор географических наук (Монголия); Ван Чжи Хуа, доктор юридических наук, профессор (Китай); Долгоносов Виктор Николаевич, доктор технических наук (Республика Казахстан); Жумабаев Бейшенбек Жумабаевич, доктор технических наук (Кыргызская Республика); Кожогулов Камчыбек Чонмурунович, доктор технических наук, профессор (Кыргызская Республика); Мансур Заали, профессор (Иран); Мехмет Билен, доктор технических наук, профессор (Турция); Нгуен Хоай Тьяу, профессор (Вьетнам); Оюунцэцэг Л., доктор экономических наук, профессор (Монголия); Рысланов Нурлан Бектасович, доктор технических наук, профессор (Республика Казахстан); Шоболотов Тажимамат Тайгараевич, доктор политических наук (Кыргызская Республика); Янь Шуфан, доктор философских наук (Китай).

Editorial Board

Avdeev Pavel B., Doctor of Technical Sciences, Professor (Chita);
Alekseev Vladimir R., Doctor of Geographical Sciences, Professor (Yakutsk);
Arens Viktor Zh., Doctor of Technical Sciences, Professor (Moscow);
Atanov Nikolay I., Doctor of Economic Sciences, Professor (Ulan-Ude);
Beydina Tatyana E., Doctor of Political Sciences, Professor (Chita);
Blinovskaya Yana Yu., Doctor of Technical Sciences, Professor (Vladivostok);
Burov Vitaly Yu., Doctor of Economic Sciences, Associate Professor (Chita);
Bychkov Igor V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Academician of the Russian Academy of Sciences (Irkutsk);
Vladimirov Igor N., Doctor of Geographical Sciences (Irkutsk);
Voronov Evgeniy T., Doctor of Technical Sciences, Professor (Chita);
Voskresensky Alexey D., Doctor of Political Sciences, Professor (Moscow);
Vylkova Elena S., Doctor of Economic Sciences, Professor (Saint Petersburg);
Galchenko Yuri P., Doctor of Technical Sciences, Professor (Moscow);
Glazyrina Irina P., Doctor of Economic Sciences, Professor (Chita);
Gomboev Bair O., Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor (Ulan-Ude);
Danilov Boris B., Doctor of Technical Sciences, Professor (Novosibirsk);
Dugina Evdokia L., Doctor of Economic Sciences, Professor (Ulan-Ude);
Dunets lexander N., Doctor of Geographical Sciences, Professor (Barnaul);
Zabortseva Tatyana I., Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor (Irkutsk);
Zalesskaya Olga V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor (Blagoveshchensk);
Zaslonovsky Valery N., Doctor of Technical Sciences, Professor (Chita);
Zelinskaya Elena V., Doctor of Technical Sciences, Professor (Irkutsk);
Zulyar Yuri A., Doctor of Historical Sciences, Professor (Irkutsk);
Kazaryan Varazdat H., Doctor of Technical Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences (Moscow);
Kalabin Gennady V., Doctor of Technical Sciences, Professor (Moscow);
Kaplinov David R., Doctor of Technical Sciences, Professor, Corresponding Member of Russian Academy of Sciences, (Moscow);
Kirdyashkin Aleksey A., Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences (Novosibirsk);
Kokh Larisa V., Doctor of Economic Sciences, Professor (Saint Petersburg);
Kuchinskaya Tatyana N., Doctor of of Philosophy, Associate Professor (Chita);
Lizunkin Mikhail V., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor (Chita);
Logachev Alexander V., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor (Novocherkassk);
Makarov Vladimir N., Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor (Yakutsk);
Makishin Valery N., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor (Vladivostok);
Malyshев Evgeniy A., Doctor of Economic Sciences, Professor (Saint Petersburg);
Martynov Vasily L., Doctor of Geographical Sciences, Professor (Saint Petersburg);
Matveev Andrey I., Doctor of Technical Sciences, Senior Researcher (Yakutsk);
Matveeva Elena V., Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Kemerovo);
Morozov Alexander A., Doctor of Technical Sciences (Krasnokamensk);
Myazin Viktor P., Doctor of Technical Sciences, Professor (Chita);
Novikov Aleksander N., Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor (Chita);
Oborin Matvey S., Doctor of Economic Sciences, Professor (Perm);
Ogly Zoya P., Doctor of Biological Sciences, Associate Professor (Chita);
Omelichkin Oleg V., Doctor of Political Sciences, Professor (Kemerovo);
Orekhova Natalia N., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor (Magnitogorsk);
Pavlenko Yuri V., Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor (Chita);
Potapov Valentin Ya., Doctor of Technical Sciences, Professor (Yekaterinburg);
Pecheritsa Vladimir F., Doctor of Historical Sciences, Professor (Vladivostok);
Razmakhnin Konstantin K., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor (Chita);
Romanova Ilona V., Doctor of Sociological Sciences, Professor (Chita);
Rostovtzev Viktor I., Doctor of Technical Sciences, Senior Researcher (Novosibirsk);
Sanzhieva Svetlana E., Doctor of Biological Sciences, Associate Professor (Ulan-Ude);
Sanzhina Olga P., Doctor of Economic Sciences, Professor (Ulan-Ude);
Sekisov Artur G., Doctor of Technical Sciences, Professor (Khabarovsk);
Semyachkov Alexander I., Doctor of Geological And Mineral Sciences, Professor (Moscow);
Spassky Evgeny N., Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Khabarovsk);
Sysoeva Natalya M., Doctor of Geographical Sciences (Irkutsk);
Tomskikh Andrey A., Doctor of Geographical Sciences, Associate Professor (Chita);
Ulrikh Dmitry V., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor (Chelyabinsk);
Tsyrenova Tatyana B., Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Ulan-Ude);
Chesnokov Alexey S., Doctor of Political Sciences, Associate Professor (Yekaterinburg);
Shadrunkova Irina V., Doctor of Technical Sciences, Professor (Moscow);
Shelkovnikov Sergey A., Doctor of Economic Sciences, Professor (Novosibirsk);
Shumilova Lidiya V., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor (Chita);
Yurgenson Georgy A., Doctor of Geological and Mineralogical Sciences, Professor (Chita).

Members of the International Editorial Board

Asadov Hikmet Hamid oglu, Doctor of Technical Sciences (Republic of Azerbaijan); *An Sen Ir*, Professor (China); *Baastyn Oyungerei*, Doctor of Geographical Sciences (Mongolia); *Wang Zhi Hua*, Doctor of Law Sciences, Professor (China); *Dolgonosov Viktor N.*, Doctor of Technical Sciences (Republic of Kazakhstan); *Zhumabaev Beishenbek Zh.*, Doctor of Technical Sciences (Kyrgyz Republic); *Kozhogulov Kamchibek Ch.*, Doctor of Technical Sciences, Professor (Kyrgyz Republic); *Mansour Zaali*, Phd (Iran); *Mehmet Bilen*, Doctor of Technical Sciences, Professor (Turkey); *Nguyen Hoai Thieu*, Doctor, Professor (Vietnam); *Oyuntseg L.*, Doctor of Economic Sciences, Professor (Mongolia); *Ryspanov Nurlan B.*, Doctor of Technical Sciences, Professor (Republic of Kazakhstan); *Shobolotov Tazhimat T.*, Doctor of Political Sciences (Kyrgyz Republic); *Yan Shufan*, Doctor of Philosophical Sciences (China).

СОДЕРЖАНИЕ

НАУКИ О ЗЕМЛЕ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

<i>Калихман Т. П.</i> Система территориальной охраны природы в монгольской части Гоби	8
<i>Новиков А. Н.</i> Международный трансграничный трёхзвенный регион восточного стыка границ России, Китая и Монголии: диалектика направленности движения фронтов хозяйственного и природоохранных видов освоения	22

НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЕ, ГОРНЫЕ НАУКИ

<i>Морозов В. В., Пестряк И. В., Дубов Н. А., Троицкий А. В.</i> Выбор режима флотации хвостов обогащения хромовых руд с применением катионных собирателей	34
--	----

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Ананченкова П. И.</i> Инклюзивность возраста: институциональные основы возраст-ориентированной государственной политики	44
<i>Букреева Т. Н.</i> Основные вехи развития дипломатии современного Китая: концептуальные основы и векторы внешней политики	54
<i>Матвеева Е. В.</i> Феномен культуры в системе социокультурных и политических предпочтений студенческой молодёжи на примере отраслевого вуза Кузбасса	65
<i>Матвиенко В. А., Исаев А. В.</i> Образовательная политика как «мягкая сила» процесса трансформации национальной идентичности в контексте концептуализации политологических смыслов	75
<i>Янь Пиньлинь, Большаков А. Г.</i> Новое энергетическое сотрудничество между Китаем и Центральной Азией в рамках инициативы «Пояс и путь»	84

ЭКОНОМИКА

<i>Грозыкин М. Г.</i> Низкоуглеродная модернизация энергетического сектора стран АСЕАН (на примере Индонезии и Вьетнама)	92
<i>Измайлова А. М.</i> Формирование потребительских предпочтений студентов вузов г. Самары на рынке кредитных услуг	101
<i>Федорович В. О., Федорович Т. В.</i> Использование финансовой отчётности для оценки деятельности коммерческого банка: управление финансовым результатом (на примере ПАО «Банк ВТБ»)	112

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ

90-летний юбилей Юргенсона Георгия Александровича	131
---	-----

CONTENTS

EARTH AND ENVIRONMENTAL SCIENCES

<i>Kalikhman T. P.</i> The Territorial Nature Conservation System in the Gobi Desert Mongolian Part	8
<i>Novikov A. N.</i> International Cross-Border Three-Member Region of the Eastern Junction of the Borders of Russia, China and Mongolia: Dialectics of the Direction of Movement of Frontiers of Economic and Environmental Types of Development	22

SUBSOIL USE, MINING SCIENCES

<i>Morozov V. V., Pstryak I. V., Dubov N. A., Troitsky A. V.</i> Selection of the Flotation Mode for Tailings of Chromium Ore Processing Using Cationic Collectors	34
--	----

POLITOLOGY

<i>Ananchenkova P. I.</i> Age Inclusivity: Institutional Foundations of the Age-Oriented Public Policy	44
<i>Bukreeva T. N.</i> The Main Stages of Modern Chinese Diplomacy: Conceptual Basics and Foreign Policy Directions	54
<i>Matveeva E. V.</i> Culture Phenomenon in the System of Socio-Cultural and Political Preferences of Student Youth on the Example of an Industry University in Kuzbass	65
<i>Matvienko V. A., Isaev A. V.</i> Educational Policy as a «Soft Power» of the Transformation Process of National Identity in the Context of Conceptualization of Political Science Meanings	75
<i>Yan Linlin, Bolshakov A. G.</i> New Energy Cooperation between China and Central Asia within the Framework of the Belt and Road Initiative	84

ECONOMY

<i>Grozykin M. G.</i> Low-Carbon Modernization of the ASEAN Energy Sector (Case of Indonesia And Vietnam)	92
<i>Izmailov A. M.</i> Building Consumer Preferences of Students in Credit Market (Case of Universities in Samara)	101
<i>Fedorovich V. O., Fedorovich T. V.</i> Use of Financial Statements to Evaluate the Performance of Commercial Bank: Managing Financial Results (Using the Example of Bank VTB (PJSC))	112

ANNIVERSARY DATES

90th Anniversary of Georgy Aleksandrovich Yurgenson	131
---	-----

НАУКИ О ЗЕМЛЕ И ОКРУЖАЮЩЕЙ СРЕДЕ

EARTH AND ENVIRONMENTAL SCIENCES

Научная статья

УДК 502.4: [502.42+502.45](571.1/.5+ 517.3)

DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-8-21

Система территориальной охраны природы в монгольской части Гоби

Татьяна Петровна Калихман

Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук,
г. Иркутск, Россия
kalikhman@irigs.irk.ru

Рассматриваются особенности системы территориальной охраны природы в монгольской части пустыни Гоби. Актуальность связана с уникальностью рассматриваемого региона в целом и низкой изученностью природоохранных мер. Объект исследования – система особо охраняемых природных территорий, предмет – репрезентативность системы. Цель исследования – анализ формирования и перспектив развития системы охраняемых территорий в аймаке Умнеговь. Задачи исследования: оценка современного состояния и ландшафтного разнообразия, существующих негативных явлений для охраны природы и поиска пути дальнейшего развития системы. В научной литературе отмечается практическое отсутствие обобщающих географических работ по данной тематике, но широко представлены статьи биологической направленности в отношении отдельных видов растений и животных Гоби. Методологическое исследование является аналитическим обобщением, базирующимся на общих статистических сведениях, первичных материалах Министерства охраны природы и изменений климата Монголии, информации, предоставленной дирекциями отдельных охраняемых территорий, полевых исследованиях в 2022–2025 гг. с использованием картографических и дистанционных методов, интервьюирования местного населения, сотрудников охраняемых территорий, администраций сомонов и аймаков. Рассматриваемый регион отличается низкой численностью населения, труднодоступностью, тяжелыми физико-географическими условиями для проживания и хозяйственной деятельности, что позволяет относительно хорошо сохраняться биотическому и ландшафтному разнообразию. Охраняемые территории представлены различными категориями со значительной общей площадью. Вместе с тем существуют природные участки, важные для включения в единую систему территориальной охраны природы. Проблемой остается разделение целостности пространства пустыни Гоби государственной границей с Китаем и действующими транспортными коридорами. Особенно негативный эффект от деятельности горнодобывающих производств и средств доставки их продукции проявляется в отношении широкоареальных и мигрирующих видов животных. В качестве практических рекомендаций обосновывается необходимость увеличения площади отдельных охраняемых территорий и обеспечения проходов под железнодорожными и автомобильными дорогами для обеспечения миграций копытных.

Ключевые слова: пустыня Гоби, строго охраняемые природные территории, национальные парки, природные резерваты, миграции животных, биотическое разнообразие, ландшафтное разнообразие, добыча полезных ископаемых, негативное воздействие на окружающую среду, Монголия

Для цитирования

Калихман Т. П. Система территориальной охраны природы в монгольской части Гоби // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 8–21. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-8-21

Благодарности. Автор выражает искреннюю благодарность Н. Одончимэг, бывшему сотруднику Министерства охраны природы Монголии и бывшему координатору International Environmental NGO «Wildlife Conservation Society (WCS)», специалисту в сфере функционирования ООПТ Монголии, за консультирование и помошь в организации полевых исследований.

Финансирование. Работа выполнена в рамках российско-монгольского проекта РНФ № 24-47-03004 «Геоэкономические и геоэкологические приоритеты нового ресурсно-индустриального освоения районов востока России и Монголии в условиях обострения геополитической ситуации и создания международных транспортных коридоров».

© Калихман Т. П., 2025

Original article**The Territorial Nature Conservation System in the Gobi Desert Mongolian Part****Tatyana P. Kalikhman**

V. B. Sochava Institute of Geography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences,
Irkutsk, Russia
kalikhman@irigs.irk.ru

The article discusses the features of the territorial nature protection system in the Gobi Desert in Mongolia. The relevance of the study is related to the uniqueness of the region under consideration and the low level of research on environmental protection measures. The object of the study is the system of specially protected natural areas, and the subject is the representativeness of the system. The purpose of the study is to analyze the formation and prospects for the development of the system of protected areas in the Umnugovi aimag. The objectives of the work include assessing the current state and landscape diversity, identifying existing negative impacts for nature conservation, and exploring ways to further develop the system. While there is a significant lack of comprehensive geographical studies on this topic in the scientific literature, there are numerous articles focusing on specific plant and animal species in the Gobi Desert. Methodologically, the study is an analytical generalization based on statistical information, primary materials from the Mongolian Ministry of Nature Protection and Climate Change, information provided by the management offices of protected areas, and field research 2022–2025 using cartographic and remote methods, as well as interviews with local residents, employees of protected areas, and aimags and soums administrations. The region is characterized by a low population density, difficult accessibility, and harsh physio-geographical conditions for living and economic activities, which allows for relatively good preservation of biotic and landscape diversity. The protected areas are represented by various categories with a significant total area. However, there are natural areas that are important for inclusion in the unified system of territorial nature protection. The problem remains the division of the Gobi Desert's integrity by the Mongolia-China state border and the existing transport corridors. The negative impact of mining operations and the transportation of their products is particularly evident for wide-ranging and migratory animal species. As a practical recommendation, it is necessary to increase the area of individual protected areas and provide passages under railway and automobile roads to facilitate the wild ungulates migration.

Keywords: Gobi Desert, strictly protected natural areas or natural reserves, national parks, nature refuges, wild animal migrations, biotic diversity, landscape diversity, mining, negative impact on the environment, Mongolia

For citation

Kalikhman T. P. The Territorial Nature Conservation System in the Gobi Desert Mongolian Part // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 8–21. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-8-21

Acknowledgements. The author expresses sincere gratitude to N. Odonchimeg, former employee of the Mongolian Ministry of Nature Protection and former coordinator of the International Environmental NGO "Wildlife Conservation Society (WCS)", a specialist in the functioning of Mongolia's protected areas, for his advice and assistance in organizing the field research.

Funding The work was carried out as part of the Russian-Mongolian project RSF No. 24-47-03004 «Geo-economic and Geoecological Priorities of New Resource and Industrial Development in the Eastern Regions of Russia and Mongolia in the Context of the Escalating Geopolitical Situation and the Creation of International Transport Corridors».

Введение. В рамках научного исследования наиболее быстро развивающихся районов пустыни Гоби в пределах Монголии рассматриваются особенности современного состояния системы территориальной охраны природы. Приведённые районы отличаются низкой численностью населения, труднодоступностью и удалённостью, тяжёлыми физико-географическими условиями для проживания и хозяйственной деятельности. Главные проблемы для гобийских территорий – высокие температуры летом, дефицит воды, резкие погодные колебания. Тем не менее следует отметить

чрезвычайно быстрое возрастание объёмов горнодобывающих отраслей (угля, нефти, газа, металлов) [14; 15], ускорение строительства новых и модернизации существующих автомобильных и железных дорог, увеличение объёмов перевозок добываемых полезных ископаемых, в основном в Китай [12].

Приведённые социально-экономические и физико-географические характеристики позволяют относительно хорошо сохраняться биотическому и ландшафтному разнообразию. Подчеркнём, что пространство пустыни Гоби требует организации значительных по

площади особо охраняемых природных территорий (далее – ООПТ), связанных между собой в единую систему, что особенно важно для сохранения широкоареальных и мигрирующих видов животных со специфическими нишами обитания.

В статье представлено исследование современного состояния и перспектив развития системы гобийских ООПТ в Монголии, а также проблем развития территориальной охраны природы.

Актуальность исследования. Актуальность связана с уникальностью рассматриваемого региона в целом и низкой изученностью, за исключением специальных работ по биологии конкретных видов. Необходимость сохранения связана с тем, что многие виды животных и растений эндемичны или теперь встречаются только в монгольской части пустыни Гоби, например дикий верблюд или хвастагай (*Camelus bactrianus*), гобийский медведь или мазалай баавгай (*Ursus arctos gobiensis*), кулан (*Equus hemionus*), из растений – карагана мелколистная (*Caragana microphylla*), баглур (*Anabasis brevifolia*), аммопиант монгольский или по-монгольски «мупх-харгана» (*Ammopiptanthus mongolicus*), ковыль гобийский (*Stipa gobica*), бридлгрей (*Cleistogenes soongorica*), лишайник *Endopyrenium inaequale*.

Объект исследования – система ООПТ.

Предмет исследования – репрезентативность системы ООПТ.

Цель исследования – анализ формирования современной сети ООПТ и перспектив развития системы территориальной охраны природы в аймаке Умнеговь.

Задачи исследования: оценка современного состояния и ландшафтного разнообразия, существующих негативных явлений для территориальной охраны природы и поиска путей её дальнейшего развития.

Обзор литературы. Следует особо подчеркнуть, что к настоящему времени почти нет публикаций, посвящённых тематике системы ООПТ Гоби в целом в научной географической монголоязычной, русскоязычной и англоязычной литературе, исключение составляют статьи биологической направленности относительно отдельных видов растений [19; 23] или животных [1; 22], в том числе насекомых [20]. Работы о территориальной охране природы посвящены, как правило, либо Монголии в целом [9; 10], причём в них рассматриваются ООПТ только общегосударственного значения, а ООПТ аймачного и сомонного уровня не учитываются, например статьи [3; 4], либо

конкретным ООПТ, например строго охраняемой территории «Говийн Их Дархан» или Большому Гобийскому заповеднику [1; 5], национальному парку «Их Гурван Сайхан уул» (в переводе с монгольского – Три Больших Красивых Горы) [13] и др. О китайской части Гоби в англоязычном секторе пока опубликована одна статья [21], однако она касается только заповедников, тогда как иные категории ООПТ в ней не рассматриваются.

Методология и методы исследования.

Методологически исследование является аналитическим обобщением и базируется на общих статистических сведениях, первичных материалах Министерства охраны природы и изменений климата Монголии, сведениях, предоставленных дирекциями отдельных охраняемых территорий, полевых исследованиях экспедиционного периода 2022–2025 гг. с использованием картографических и дистанционных методов, а также на интервьюировании местного населения, сотрудников ООПТ и администраций сомонов и аймаков.

Во время полевых исследований изучались ООПТ разных категорий и статуса в пустыне Гоби. Следует отметить, что категории ООПТ в Монголии аналогичны российскому подходу. Такие категории ООПТ, как строго охраняемые природные территории, соответствуют российским природным заповедникам, а монгольские природные резерваты и памятники похожи по природоохранному режиму на наши заказники, памятники природы и, по сути, совпадают с аналогичными в России. Данные категории ООПТ появились в Монголии с 60-х гг. XX в. Категория национальных парков, характерная для американского подхода к территориальной охране природы, возникла на закате Советского Союза в 80-х гг. XX в. Кроме того, законы об ООПТ как в России, так и в Монголии впервые приняты в 1995 г. Более детальное сравнение систем территориальной охраны природы России и Монголии проведено автором ранее [16; 18].

Помимо данных, полученных в каждой из ООПТ, использовались сведения из Красной книги Монголии [8]. При картографировании ландшафтной структуры каждой из ООПТ для понимания ландшафтной репрезентативности системы территориальной охраны природы применялся метод одноаспектного атласного картографирования, разработанный автором [6; 11].

Обсуждение результатов

Действующие ООПТ. Территориальная охрана природы представлена в монгольской

части пустыни Гоби охраняемыми территориями аймачного и сомонного значения, а также несколькими категориями общегосударственного значения: строго охраняемыми территориями (монг. – дархан цаазат газар, англ. – strictly protected areas, рус. – заповедник), национальными парками (байгалийн цогцолборт газар, national park), природными резерватами (байгалийн нөөц газар, nature refuge, заказник)¹. По данным Министерства окружающей среды и изменения климата Монголии в наиболее быстро развивающемся аймаке Умнеговь, который является наиболее типичным пустынным регионом, по состоянию на начало 2025 г. расположено 4 ООПТ общегосударственного значения (заповедник, национальный парк и два заказника), 48 – аймачного, 132 – сомонного². В целом приведённые ООПТ имеют значительную общую площадь: 11 755 773,699 га или более 50 % площади аймака (следует учесть, что часть ООПТ расположена в границах аймака Умнеговь частично, т.к. они являются трансграничными с соседними аймаками).

ООПТ общегосударственного уровня отличаются значительными площадями, относительно достаточным уровнем финансирования и кадровым обеспечением. Например, общая площадь ООПТ национального уровня в аймаке Умнеговь составляет 5 697 711,87 га, аймачных ООПТ – 1 533 693,572 га (из них для 20 ООПТ площадь не определена в официальных документах, для 8 ООПТ указан срок прекращения их действия до 2025 г., но информация о них присутствует в действующих официальных документах и, вероятно, планируется продлить их срок действия), для сомонных ООПТ – 4 524 368,257 га (соответственно 15 и 31 ООПТ). Общая площадь общегосударственных ООПТ сопоставима с общей площадью аймачных и сомонных ООПТ. Следует подчеркнуть, что, несмотря на значимость ООПТ сомонного и аймачного значения, в подавляющем числе научных публикаций о Монголии обычно рассматриваются только ООПТ общегосударственного значения.

Заметно, что ООПТ общегосударственного значения практически не имеют между собой связующих элементов – экологических коридоров, за исключением прилегающих друг к другу на границе аймаков Умнеговь и Баянхонгор ООПТ:

¹ Монгол улсын тусгай хамгаалалттай газар нутгийн. Атлас / под ред. Я. Сандагдорж. – Улаанбаатар: Байгаль Орчин, Аялал Жуулчалын Яам, 2022. – 55 х.

² Тусгай хамгаалалттай газар. – URL: <https://eic.mn/spa> (дата обращения: 08.04.2025). – Текст: электронный.

– строго охраняемая территория «Большой Гобийский заповедник», кластер «А» (англ. – Great Gobi «A» SPA, монг. – Говийн Их «А» ДЦГ), который создан 28 мая 1996 г., общая площадь двух кластеров – 1 830 429,42 га;

– национальный парк «Говь Гурван Сайхан», созданный 12 ноября 1993 г., площадь которого – 2 697 170,84 га;

– заказник «Тост, Тосон бумбын нуруу», созданный 14 августа 2019, площадь которого – 896 540,37 га.

Частично функции экологических коридоров выполняют аймачные и сомонные охраняемые территории, но их также недостаточно для связывания всех гобийских ООПТ в единую систему (рис. 1).

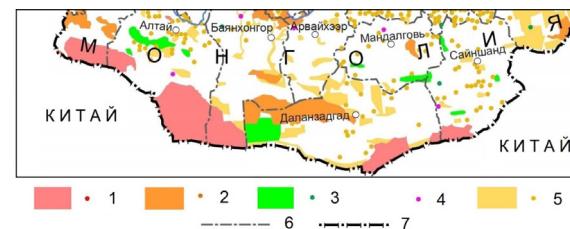

Рис. 1. Действующие охраняемые природные территории в монгольской части Гоби.

Категории ООПТ в Монголии: 1 – строго охраняемые территории; 2 – национальные парки; 3 – природные резерваты; 4 – памятники природы; 5 – ООПТ аймачного значения.

Границы: 6 – аймаков; 7 – государственные /

Fig. 1. Existing protected natural areas in the Gobi Desert Mongolian part. *Categories of protected areas in Mongolia:*

1 – strictly protected areas; 2 – national parks;

3 – natural reserves; 4 – natural monuments;

5 – aimag's significance protected areas. *Borders*

6 – aimags; 7 – state.

С целью сравнительного анализа составлены карты ландшафтной структуры для каждой ООПТ с использованием одноаспектного метода. В качестве примера приведена карта Большого Гобийского заповедника, кластер «А» (рис. 2)³.

Проблемы сохранения широкоареальных и мигрирующих видов животных. Единая система ООПТ важна в первую очередь для создания необходимых условий сохранения редких широкоареальных и мигрирующих видов животных. Важно отметить, что основное ядро многих таких редких видов сосредоточено в Монголии.

³ Монгол улсын тусгай хамгаалалттай газар нутгийн. Атлас / под ред. Я. Сандагдорж. – Улаанбаатар: Байгаль Орчин, Аялал Жуулчалын Яам, 2022. – 55 х; Ecosystems of Mongolia. Atlas / ed. E.A. Vostokova, P.D. Gunin. – Moscow, 2008. – 48 р.

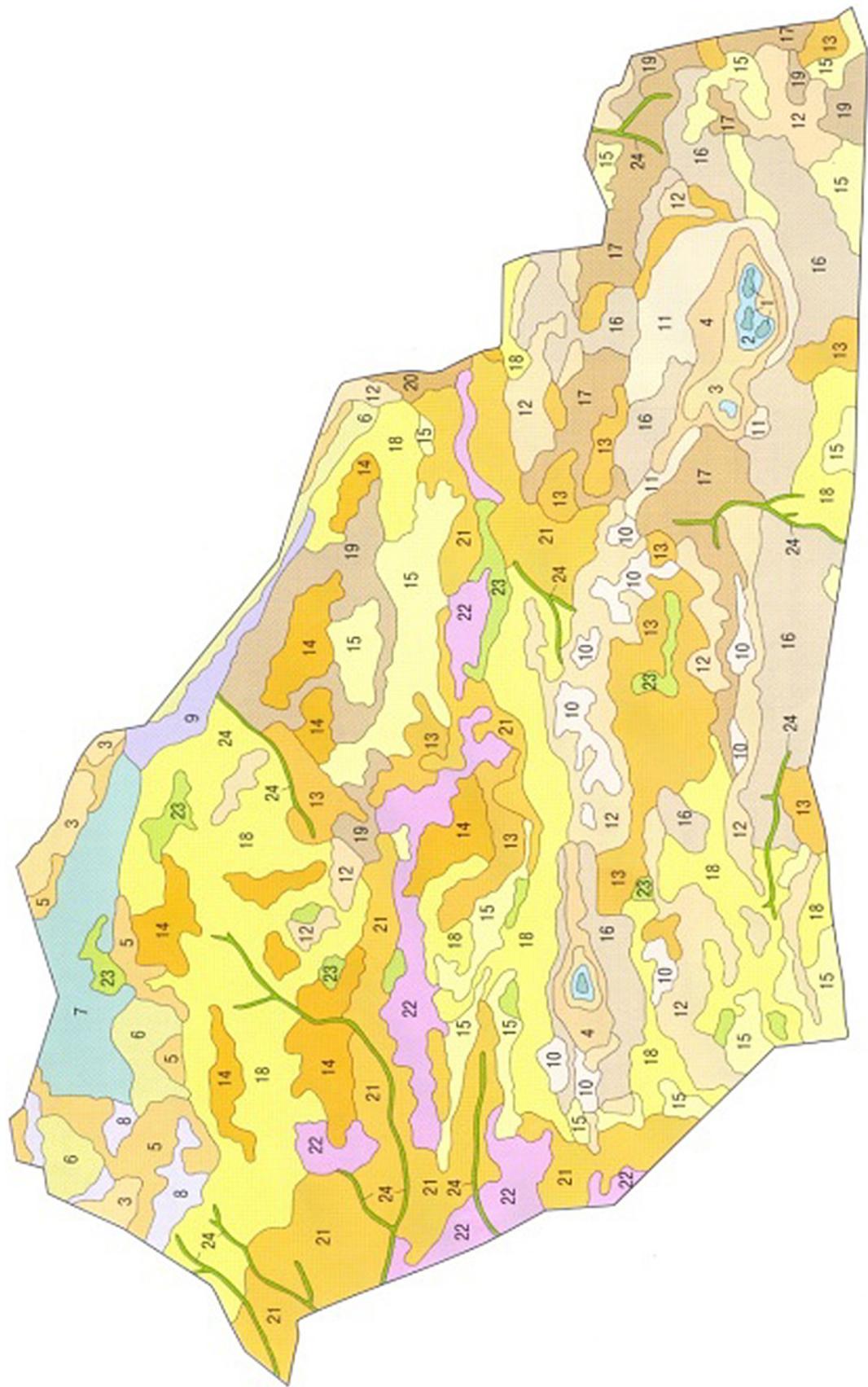

Рис. 2. Ландшафтная структура Большого Гобийского заповедника, кластер «А» / Fig. 2. Great Gobi Nature Reserve "A" landscape structure

Типы ландшафтов: степные опустыненные: 1 – среднегорные с преобладанием ковыльных степей на горных светло-каштановых почвах, преобладанием ковыльных трав на горных каштановых почвах; 2 – среднегорные с преобладанием ковыльных трав на горных светло-каштановых почвах и на горных светло-бурых почвах; настоящие пустыни: 3 – среднегорные с преобладанием ковыльных трав на горных светло-каштановых почвах; 4 – низкогорные с преобладанием сообществ *Anabasis* и *Sympedea* на горных серо-бурых почвах; 5 – холмистые среднегорные с преобладанием сообществ *Anabasis* и *Sympedea* на слаборазвитых серо-бурых почвах; 6 – низкогорные с преобладанием сообществ *Anabasis* и *Sympedea* на слаборазвитых серо-бурых почвах; 7 – пологие равнины с низкими древостоями *Haloxylon* на засоленных серо-коричневых почвах; 8 – высокие межгорные равнины с сообществами *Sympedea* и *Nitraria* на серо-бурых почвах, местами подверженных воздействию солей; 9 – высокие пологие равнины с сообществами *Ephedra* на серо-бурых каменистых почвах; особо засушливые пустыни: 10 – изолированные низкогорья, покрытые особо сухими слабо развитыми почвами с редкими растениями *Anabasis* и сообществами *Sympedea* на склонах северной экспозиции; 11 – предгорные буристые экстра-засушливые с фрагментами разреженных сообществ *Sympedea* и *Anabasis* на серо-бурых слаборазвитых почвах северных склонов; 12 – высокие хамады и невысокие пьедестальные возвышения на дне котловин впадин с разреженными *Anabasis* на склонах с особо засушливыми слаборазвитыми почвами; 13 – низкие хамады с кустарниками зарослями во впадинах на очень сухих слаборазвитых почвах; 14 – низкие хамады с сильно расчлененным буристым рельефом с древостоями *Haloxylon* во впадинах и зарослями кустарников на слаборазвитых почвах; 15 – холмистые хамады пенепена и выходами горных пород с зарослями сообщества *Ephedra* на очень сухих слаборазвитых почвах; 16 – каменистые хамады с зарослями кустарниковых сообществ на особо сухих почвах; 17 – каменистые поверхности с зарослями дуба и саксаула на экстра-сухих почвах; 18 – каменистые высокие равнины заросли и слабонаклонные территории денудационных понижений с кустарниками сообществами на экстра-сухих, а иногда и типсовых почвах; 19 – каменистые хамады на высоких равнинах в сочетании с сообществами *Ephedra* и *Haloxylon* в саярах на экстра-сухих и типсовых почвах; 20 – каменистые хамады со скальными обломками возвышенных равнин и плато сообщества *Nitraria* в саярах на экстра-сухих и сильно типсовых почвах; 21 – каменисто-обломочные хамады низких равнин с сообществами *liliflora* на ступенях на очень сухих сильно запилованных почвах; 22 – скальные завалы в низинах с редкой растительностью на равнинах и ступенях на очень сухих сильно запилованных почвах; временно увлажненные участки: 23 – комплекс ступеней с сообществами *Haloxylon* и кустарников на указанных почвах; 24 – большие ступени с редкой кустарниковой и солончаковой растительностью на четырехподобных солончаковых почвах и песках.

Types of landscapes: desert steppe: 1 – middle mountains with dominating feather grass (*Stipa*) steppes on mountain light-chestnut soils; grass deserts: 2 – middle mountains with dominating *Krascheninikovia* or *Alania* grass on mountain brown soils; steppe deserts: 3 – middle mountains with dominating *Stipa*, *Krascheninikovia* and *Anabasis* brefolia grass on mountain pale-brown soils; true deserts: 4 – low mountains with dominating *Anabasis* and *Sympedea* communities on mountain gray-brown soils; 5 – hummocky topography middle dissected with *Anabasis* brefolia or *Anabasis*-*Sympedea* communities on weakly developed gray-brown soils; 6 – low hummocky topography with *Sympedea* communities on weakly developed gray-brown soils; 7 – high gentle sloping plains with *Haloxylon* stands on saline gray-brown soils; 8 – high inter-hilly plains with *Sympedea* and *Nitraria* communities on gray-brown soils locally salt-affected; 9 – high sloping plains with *Ephedra* communities on gray-brown stony soils; extra-arid deserts: 10 – isolated low-mountains covered by extra-arid weakly developed soils and sparse *Anabasis* and *Sympedea* communities on slopes of northern exposition; 11 – foothill hummocky topography with extra-arid weakly developed soils and fragments of sparse *Sympedea* and *Anabasis* communities on gray-brown weakly developed soils of northern slopes; 12 – high hamadas and low pedestal mountain in bottom of kettle depressions with sparse soils in combination with extra-arid weakly developed soils; 13 – low hamadas with extra-arid weakly developed soils in combination with shrub communities in depressions and sairs; 14 – low hamadas of highly dissected hummocky topography with weakly developed soils in combination with *Haloxylon* stands in depressions and sairs; 15 – penepian hamadas hummocky topography with extra-arid weakly developed soils and rock outcroppings in combination with *Ephedra* communities in the sairs; 16 – stony hamadas covered by extra-arid soils with extra-arid weakly developed soils in combination with shrub communities in the sairs; 17 – stony hamadas covered by extra-arid soils in combination with *Haloxylon* stand in the sairs; 18 – stony hamadas of high plains with extra-arid and gypsic soils in combination with *Ephedra* and *Haloxylon* communities in the sairs; 20 – plum rock debris hamadas of elevated plains and plateaus with extra-arid strongly gypsic soils in combination with *Nitraria* communities in the sairs; 21 – rock debris hamadas of low plains with extra-arid strongly gypsic soils in combination with *liliflora* communities in stais; 22 – plum rock debris hamadas of hollows with extra-arid strongly gypsic soils and sparse plants in flattening and stais; temporary moistened areas: 23 – complexes of stairs with *Haloxylon* stands and shrub communities on said soils; 24 – big stairs with sparse shrub and saltwort vegetation on takyr-like saline and sandy soils.

Существенной проблемой системы для широкоареальных и мигрирующих видов животных является разделение целостности пространства пустыни Гоби государственной границей с Китаем и действующими транспортными коридорами, кроме того, сеть автомобильных и железных дорог продолжает расширяться и реконструироваться. Система ООПТ подвергается негативному воздействию в связи с функционированием горнодобывающих предприятий.

В пустыне Гоби наиболее ценными широкоареальными и мигрирующими видами являются монгольский или гобийский кулан (лат. – *Equus hemionus hemionus*, англ. – gobi kulan, монг. – говийн кулан), монгольский дзэрен или зобатая антилопа (лат. – *proscapra gutturosa*, англ. – mongolian gazelle, монг. – монгол зээр), гобийский бурый медведь (лат. – *ursus arctos gobiensis*, англ. – gobi bear, монг. – говийн баавгай баавгай), аргали или алтайский горный баран (лат. – *ovis ammon ammon*, англ. – altai argali, монг. – алтайн аргалы), чернохвостая газель или монгольский джейран (лат. – *gazella subgutturosa hillieriana*, g.s *yarkandensis*, англ. – goitered gazelle, монг. – монгол жейран), дикий двугорбый верблюд, или бактриан (лат. – *camelus bactrianus*, англ. – bactrian camel, монг. – хавтагай).

В качестве примера приводятся результаты проекта «Глобальная инициатива исследований миграций» кулана и дзэрена (рис. 3, 4)¹. В отношении кулана в пределах Монголии сформировались 7 участков, разделённых транспортными коридорами, практически не перемешивающихся популяций. Анализ перемещений дзэрена показывает, что непрерывные железнодорожные пути для этого вида почти непреодолимы. Кроме того, даже предусмотренные под железнодорожным полотном транспортные проезды, используемые копытными для переходов через насыпное препятствие, часто оказываются засыпанными песком (рис. 5).

Соответственно, транспортные коридоры, способствующие быстрому экономическому развитию региона пустыни Гоби, существенно затрудняют миграционные перемещения широкоареальных и мигрирующих видов животных.

Сужению ареала распространения гобийского бурого медведя способствуют сельскохозяйственная деятельность, нелегальная охота и применение частей организма животного в традиционной восточной медицине [1; 7]. В качестве примера приводится рис. 6, на котором показано постепенное уменьшение территории распространения медведя.

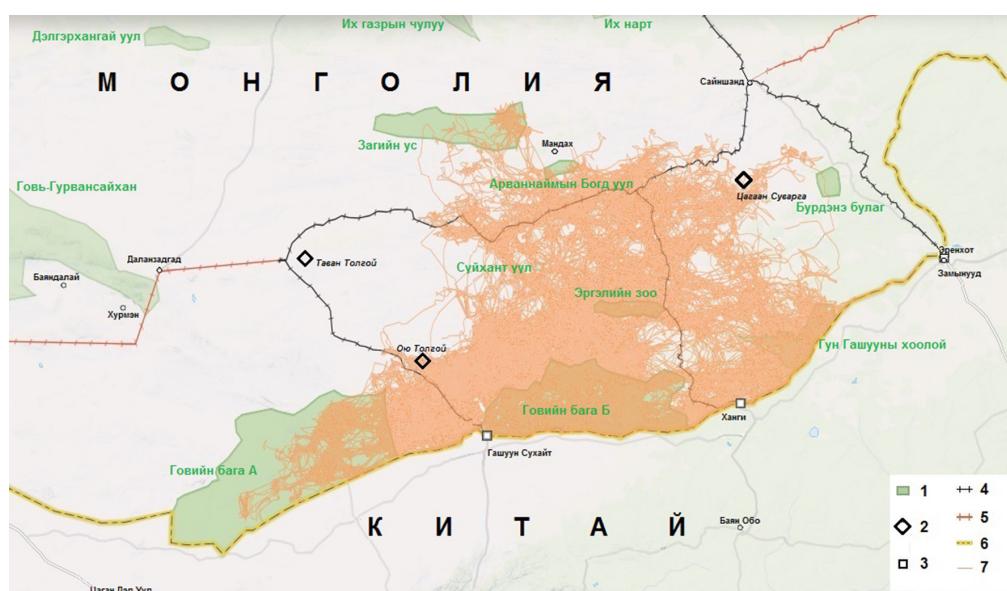

Рис. 3. Транспортные коридоры и месторождения в районе миграции кулана на границе аймаков Умнеговь и Дорноговь: 1 – ООПТ; 2 – месторождения; 3 – пограничные переходы; 4 – действующие железные дороги; 5 – планируемые железные дороги; 6 – государственная граница; 7 – пути миграций кулана /

Fig. 3. Transport corridors and deposits in the kulan migration area on the Umnugovi and Dornogovi aimags border: 1 – protected areas; 2 – deposits; 3 – border crossings; 4 – operating railways; 5 – planned railways; 6 – state border; 7 – kulan migration routes

¹ Global initiative on ungulate migration. 2025. – URL: <https://www.cms.int/gium/resources/migration-atlas.html> (дата обращения: 08.04.2025). – Текст: электронный.

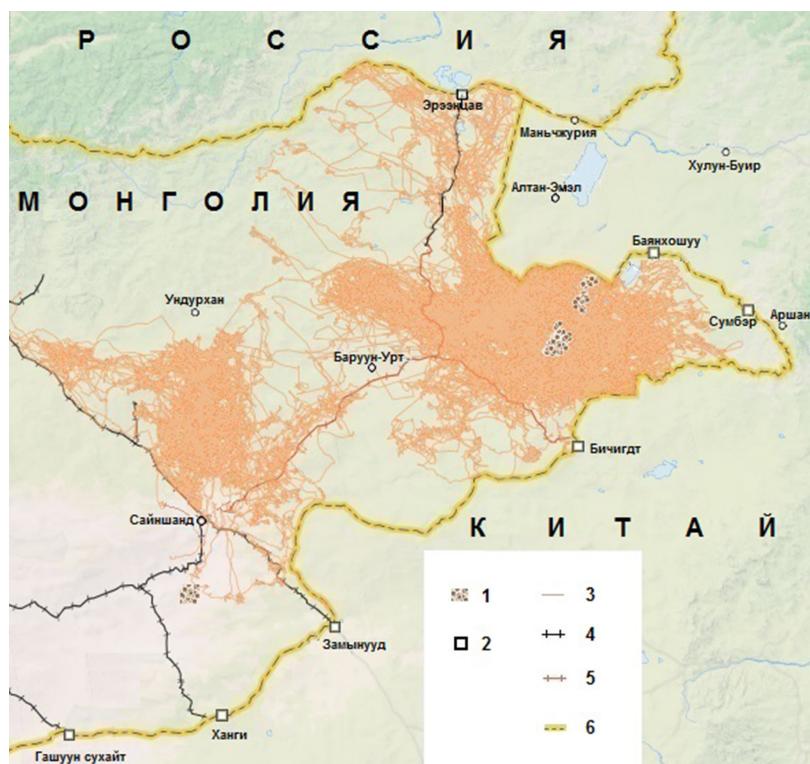

Рис. 4. Транспортные коридоры и нефтяные месторождения в районе миграции дзерена в аймаке Дорноговь: 1 – нефтяные месторождения; 2 – пограничные переходы; 3 – пути миграции дзерена; 4 – действующие железные дороги; 5 – планируемые железные дороги; 6 – государственная граница /

Fig. 4. Transport corridors and oil fields in the dzeren migration area in the Dornogovi region: 1 – oil fields; 2 – border crossings; 3 – dzeren migration routes; 4 – existing railways; 5 – planned railways; 6 – state border

Рис. 5. Проезды под железной дорогой: а – свободный от песка; б – почти засыпанный песком (фото автора); в – полностью засыпанный песком (на космоснимке Google) /

Fig. 5. Passages under the railway:
 a – free of sand; b – almost covered with sand (photo by the author); c – completely covered with sand (on a Google satellite image)

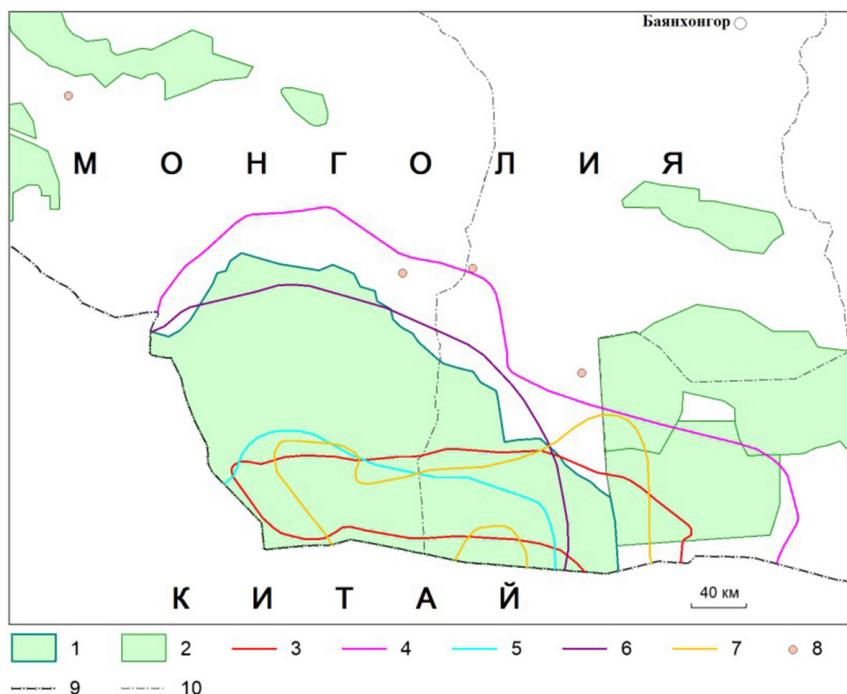

Рис. 6. Прошлые и настоящий ареалы гобийского медведя в районе Большого Гобийского заповедника, кластер «А»: границы: 1 – государственная; 2 – Большого Гобийского заповедника «А»; ареалы гобийского медведя: 3 – современный; 4 – потенциальный вне границ Большого Гобийского заповедника; прошлые ареалы: 5 – 1980 г.; 6 – 1967 г.; 7 – 1954 г.; 8 – отдельные места встреч гобийского медведя по сведениям А.Г. Банникова, 1954 [2] /

Fig. 6. Past and present ranges of the Gobi bear about Great Gobi strictly protected area "A": boundaries 1 – state; 2 – Great Gobi strictly protected area "A"; gobi bear ranges 3 – modern; 4 – potential outside the Great Gobi strictly protected area boundaries; past ranges: 5 – 1980; 6 – 1967; 7 – 1954; 8 – Gobi bear individual meeting places according to A. G. Bannikov, 1954 [2]

Влияние месторождений полезных ископаемых. В пустыне Гоби ведётся разработка нескольких крупных месторождений. Их местоположение оказывает негативное влияние как на состояние ООПТ, так и на популяцию мигрирующих и широкоареальных видов в регионе.

Месторождения Таван-Толгой (коксующийся уголь) и Оюу-Толгой (медь, золото, серебро) не позволяют куланам двигаться в северо-западном направлении – к ранее обычным для них местам обитания. Приведённые месторождения и основной маршрут доставки сырья к контрольно-пропускному пункту Гашуун Сухайт на границе с Китаем расположены между кластерами «А» и «Б» Малого Гобийского заповедника (англ. – Small Gobi SPA «A» and «B», монг. – Говийн Бага ДЦГ, «А» и «Б»). Более того, транспортный коридор, ведущий к переходу Гашуун Сухайт, пересекает территорию Малого Гобийского заповедника в юго-западной части кластера «Б». В частности, во время полевых работ в августе 2024 г. в центральном ядре этой стро-

го охраняемой природной территории, расположенной примерно в 100 км от пограничного перехода, на значительной высоте атмосферы визуально заметно существенное загрязнение воздуха угольной пылью. При посещении перехода выяснилось, что очередь из грузовиков с углём вдоль автомобильной трассы растянулась на 26 км. Есть сведения о том, что в 2018 г. очередь достигала более 100 км¹. Следовательно, господствующие здесь западные и северо-западные ветры переносят загрязнённый атмосферный воздух на территорию заповедника. Одиночные куланы, которые изредка встречаются в районе этого пограничного перехода, даже внешне выглядят сильно испачканными угольной пылью и пытаются они здесь растительностью с примесью вредных веществ.

Обширное месторождение Нарийн Сухайт (уголь), где работают несколько крупных компаний, и маршрут к переходу Шивээ Хурэн

¹ Гашуунсухайт чиглэлийн нүүрс тээврийн дараалал 120 км-т хүрчээ. 28.08.2018. – URL: <https://news.mn/r/1994594> (дата обращения: 08.08.2025). – Текст: электронный.

на границе с Китаем расположены к востоку от кластера «А» Большого Гобийского заповедника и максимально сократили ареал распространения гобийского медведя в западной части аймака Умнеговь. Ранее встречи с медведем здесь отмечались, что видно из экспозиции местного музея национального парка «Говь Гурван Сайхан». В настоящее время его популяция в основном сосредоточена на ограниченном участке и только в границах заповедника, т.е. в южной части аймаков Баянхонгор и Говь-Алтай.

Месторождения по добыче нефти расположены непосредственно в центре концентрации перемещений популяции дзерена. В частности, месторождение с частными нефтяными вышками, расположенное к югу от пос. Зуунбаян в аймаке Дорноговь недалеко от границы с аймаком Умнеговь, занимает площадь более 23 км². Здесь интенсивно продолжается процесс бурения новых нефтяных скважин и расширения территории добычи, который наблюдался и в июне 2023 г., и августе 2024 г., и в сентябре 2025 г. Такие месторождения оказывают негативное влияние на миграцию дзерена, состояние пастбищ этих аймаков и составляющих их сомонов. Кроме того, число нефтяных «качалок» быстро увеличивается: в 2024 г. их насчитывалось больше сотни, а за 1 ч наблюдения за дорогой в августе 2025 г. отмечено 8 машин с бурильным и иным оборудованием. Здесь же, почти на границе этого аймака, находятся месторождения Мандахнуур и Айлбаян (каменный уголь) – к северо-востоку от заказника «Эргэлийн зоо», с соответствующими негативными последствиями для сохраняемых здесь мигрирующих видов животных.

Присутствие поблизости экономического гиганта в лице Китая в ближайшее вре-

мя не снизит антропогенную нагрузку на южные районы пустыни Гоби в Монголии. Единственным выходом в такой ситуации является безусловное выполнение природоохранного законодательства Монголии, а также поощрение экологически ответственного отношения горнодобывающих компаний к окружающей среде, их активное участие в восстановлении природных условий. Наиболее известным подходом, важным при тяжёлых социальных вызовах и экологических проблемах на пустынных территориях, в настоящее время является стратегия ESG (environmental, social, corporate governance), которая представляет собой набор характеристик управления компаниями, вовлекающими предприятия в решение экологических, социальных и управлений проблем регионов их присутствия¹.

Планируемые ООПТ. В пределах пустыни Гоби существуют ценные для сохранения ландшафтного и биотического разнообразия земельные участки, которые требуют создания новых охраняемых территорий для связывания их в единую систему [8]. Планы по развитию системы территориальной охраны природы можно разделить на следующие направления: расширение действующих ООПТ и создание новых ООПТ. Создание новых ООПТ подразумевает как организацию охраняемых территорий впервые, так и смену статуса на более высокий для существующих аймачных или сомонных ООПТ с возможным расширением территории или без него. Например, общая площадь планируемых ООПТ в аймаке Умнеговь составляет 4 951 020,1 га (табл. 1–3, рис. 7). Следует подчеркнуть, что из них 4 ООПТ являются трансграничными с аймаками Дорноговь и Баянхонгор, поэтому в пределах аймака Умнеговь показатель общей площади будет меньше.

Таблица 1 / Table 1

**Планируемое расширение действующих общегосударственных ООПТ /
Planned expansion of existing national protected areas**

№	Наименование / Name	Площадь, га / Area, ha	Местоположение (аймак) / Location (aimag)
1	Заповедник Малый Гоби «Б» / Small Gobi Strictly Protected Area «B»	1 216 743,9	Дорноговь, Умнеговь / Dornogovi, Umnugovi
2	Заповедник Малый Гоби «А» / Small Gobi Strictly Protected Area «A»	303 112,9	Умнеговь / Umnugovi
3	Национальный парк Говь гурван сайхан / Gobi Gurvan Saikhan National Park	24 821,3	Умнеговь / Umnugovi

¹ UN Sustainable Development Goals – The Leading ESG Framework for Large Companies. – URL: <https://corggov.law.harvard.edu/2018/10/04/un-sustainable-development-goals-the-leading-esg-framework-for-large-companies> (дата обращения: 08.08.2025). – Текст: электронный.

Таблица 2 / Table 2

Планируемое создание новых ООПТ / Planned creation of new protected areas

№	Наименование/ Name	Площадь, га Area, ha	Местоположение (аймак) Location (aimag)
1	Төлөгийн тал / Tulug Tal	229 114,8	Өмнөговь / Umnugovi
2	Цагаан толгойн тал / Tsagaan Tolgoi Tal	17 494,1	Өмнөговь / Umnugovi
3	Хөхөлзэхийн сархия / Khukhulzukh Sarkhia	13 955,0	Өмнөговь / Umnugovi
4	Загийн тойром / Zagiin Toirom	833 125,0	Өмнөговь / Umnugovi
5	Бугийн холой – Таван сухайн хөндий / Bugiin Khooloi – Tavan sukhain khundii	984 084,4	Өмнөговь / Umnugovi

Таблица 3 / Table 3

Планируемые ООПТ с изменением статуса / Planned protected areas with changing status

№	Наименование Name	Площадь, га Area, ha	Местоположение (аймак) / Location (aimag)	Примечание / Note
1	Дэшийн тойром / Dushiin Toyrom	119 724,5	Өмнөговь / Umnugovi	Действующая сомонная ООПТ «Дэшийн тойром», срок действия – 25.04.2036, площадь – 27 070,03 га / "Dushiin Toyrom" functioning soum's level protected area, valid until 25.04.2036, area 27 070,03 ha
2	Баянгол / Bayangol	28 837,5	Өмнөговь / Umnugovi	Действующая сомонная ООПТ «Баянгол, Халзан, Хавирга, Дэрвэлж», срок действия закончился 22.04.2020, общая площадь – 137 959,43 га / "Bayangol, Khalzan, Kharvirga, Durvulzh" functioning soum's level protected area expired on 22.04.2020, total area – 137 959,43 ha
3	Сэвхүүлийн хөндий / Sevkhuuliin Khundii	11 319,7	Дорноговь, Өмнөговь / Dormogovi, Umnugovi	Действующая сомонная ООПТ, срок действия – 28.08.2025, площадь – 8 131,64 га / functioning soum's level protected area, expiration date is 28.08.2025, area 8 131.64 ha
4	Галбын говь / Galbyn Gobi	686 716,5	Өмнөговь / Umnugovi	Действующая сомонная ООПТ, срок действия – 29.09.2030, площадь – 340 410,39 га / functioning soum's level protected area, expiration date is 29.09.2030, area 340 410,39 ha
5	Арц Богд / Arts Bogd	481 970,5	Өмнөговь, Баянхонгор / Umnugovi, Bayanhongor	Действующая сомонная ООПТ «Арц богдын ёвөр хонгил/Арлын тээг», создана 25.03.2014 без ограничения срока действия и указания площади / "Arts Bogdyn Uvur Khongil/Arlyn Teeg" functioning soum's level protected area was established on 25.03.2014 without a specified expiration date or area

Рис. 7. Планируемое расширение системы ООПТ в монгольской части пустыни Гоби: ООПТ общегосударственного значения: 1 – действующие; 2 – планируемые; 3 – планируемые и согласованные с местными сообществами; 4 – аймачные центры; границы: 5 – государственная; 6 – аймаков; 7 – зоны пустыни Гоби / Fig. 7. Planned expansion of the protected area system in the Mongolian part of the Gobi Desert: protected areas of national importance: 1 – existing; 2 – planned; 3 – planned and agreed with local communities; 4 – Aimag's centers; borders: 5 – state; 6 – aimags; 7 – Gobi Desert zone

Заключение. В статье предпринята попытка рассмотреть современную ситуацию в области территориальной охраны природы в монгольской части пустыни Гоби на основании проведённых исследований за экспедиционный период 2023–2025 гг. В частности, в наиболее быстро развивающемся аймаке Умнеговь, представляющем собой сердце этой пустыни, представлены существенные по площади три общегосударственные ООПТ, относительно не связанные между собой территориально. Общая площадь аймачных и сомонных ООПТ сопоставима с ними и составляет часть необходимых экологических коридоров для ООПТ более высокого ранга.

В целом при сравнении ситуации с сохранением окружающей среды в части функционирования разного уровня ООПТ в Монголии и Сибири можно констатировать, что монгольская территориальная охрана природы эффективнее и составляет более значительную долю площади страны¹ [17].

Следует особо подчеркнуть, что пустынные сообщества неустойчивы, что демонстрируют саксауловые леса, которые в течение последних лет повсеместно существенно сократились в пустыне Гоби так, что уже требует искусственного их восстановления. Такие работы начаты, но пока недо-

статочны. В связи с этим в Гоби необходимы более значимые показатели для системы ООПТ. Соответственно, в работе предложены варианты создания новых ООПТ, повышения статуса ООПТ и расширения некоторых из действующих ООПТ. Кроме того, расширение системы охраняемых территорий в целом позволит создать дополнительные возможности организации экологических коридоров между функционирующими ООПТ, восстановить естественные ареалы мигрирующих и широкоареальных видов редких диких животных. Выявленная необходимость создания эффективных переходов через транспортные коридоры также может обеспечить нормальное функционирование дальних передвижений для диких копытных и помочь избежать разделения на отдельные популяции, т.е. процесса, стимулирующего инбридинг внутри меньших по численности групп животных.

В будущем важно продолжить рассмотрение проблемы трансграничного взаимодействия охраняемых территорий пустыни Гоби как в Монголии, так и в автономном районе Внутренняя Монголия в Китае. В настоящее время опубликована только одна статья, касающаяся охраняемых территорий Внутренней Монголии [21].

Список литературы

1. Амгалан Л., Рейнольдс Г., Ядъяя Я., Туя Ц., Баясгалан А., Одбаяр Т. Обзор исследований гобийского медведя (*Ursus arctos gobiensis* Sokolov et Orlov, 1992) // Аридные экосистемы. 2016. Т. 22, № 3. С. 76–83.
2. Банников А.Г. Млекопитающие Монгольской Народной Республики // Труды Монгольской комиссии. М.: Изд-во АН СССР, 1954. Вып. 53. С. 653–669.
3. Баяраа У. Особо охраняемые природные территории Монголии // Вестник Московского государственного строительного университета. 2011. № 6. С. 1–5. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osoboo-ohranyayemye-prirodnye-territorii-mongolii-1/viewer> (дата обращения: 08.04.2025)]. Текст: электронный. EDN: OWFTFT
4. Беляева Е.А. Эколого-экономические проблемы устойчивого развития особо охраняемых природных территорий Монголии. Текст: электронный // Тенденции развития науки и образования. 2017. С. 35–38. URL: <https://doicode.ru/doicode/lj/29/lj-31-08-2017-09.pdf> (дата обращения: 08.04.2025). DOI: 10.18411/lj-31-08-2017-09. EDN: WUSWCR
5. Бугаев К., Жирнов Л., Тимур Ч. Большой Гобийский заповедник // Охота и охотничье хозяйство. 1983. № 3. С. 44–45.
6. Калихман Т.П., Богданов Т.П., Огородникова Л.Ю. Особо охраняемые природные территории Сибирского федерального округа. Иркутск: Оттиск, 2012. 384 с. EDN: PNJQSD
7. Дэлгэрчимэг Д., Амгалан Л., Баярсайхан Ф., Андреас З.Р., Харри В.Р. Мазаалай баавгай (*Ursus arctos gobiensis*, Sokolov and Orlov, 1992)-н тархаын судалгаа. Шинжлэх ухааны тайлан Говийн Их Дархан цаазат газрын архив. Алтай, 2021. 8 х.
8. Монгол орны Өмнийн Говийн бүс нутаг «Хөгжлийг байгаль орчинд нөлөө багатай төлөвлөх нь». Улаанбаатар: Байгаль орчин, ногоон хөгжлийн яам, 2014. 431 х.
9. Оюунгэрэл Б. Этапы развития сети особо охраняемых природных территорий Монголии // Бюллетень Ботанического сада-института ДВО РАН. 2008. Вып. 2. С. 52–62. EDN: NXCOAR
10. Оюунгэрэл Б. Система особо охраняемых природных территорий Монголии и перспективы её развития // Аридные экосистемы. 2010. Т. 16, № 3. С. 57–66. EDN: MUXNAL

¹ Монгол улсын үндэсний атлас. II хэвлэл / Еренхий редактор акад. Д. Доржготов – Улаанбаатар: Монгол улсын шинжлэх ухааны академи газаруйн хүрээлэн, 2009. – 248 х.

11. Эрдэнцэцэг Д., Калихман Т.П. Метод односпектрального атласного картографирования в оценке эффективности охраняемых природных территорий // Газаруйн Асуудлууд. 2010. №. 334. Х. 9–23.
12. Altanbagana M., Tsedevish O., Gankhuyag U. Population settlement and internal migration of the region along the Mongolia–Russia–China economic corridor // Mongolian Journal of Geography and Geoecology. 2024. No. 61. P. 108–120. DOI: 10.5564/mjgg.v61i45.3377
13. Bedunah D.J., Schmidt S.M. Pastoralism and Protected Area Management in Mongolia's Gobi Gurvansaikhan National Park // Development and Change. 2004. No. 35. P. 167. DOI: 10.1111/j.1467-7660.2004.00347.x. EDN: FMGDKB
14. Bezrukov L.A., Fartyshov A.N., Enkh-Amgalan S. Export transportability of Mongolia and Russia–Mongolia relations in the commodity markets // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 2021. No. 885. P. 12–16.
15. Bezrukov L.A., Vorobyev N.V., Emelyanova N.V., Vladimirov, I.N., Enkh-Amgalan, S. The Trans-Siberian transport corridor and development of urban agglomerations. IOP Conf. Ser.: Earth and Environ. Sci. 2021. No. 629. P. 16–34. DOI: 10.1088/1755-1315/629/1/012034. EDN: GURKRP
16. Kalikhman T.P. Review of the Current State of Territorial Nature Protection in Siberia and Mongolia // Geography and Water Resources (География жэне су ресурстары, Казахстан). 2023. No. 2. P. 48–59. DOI: 10.55764/2957-9856/2023-2-48-59.11. EDN: FQHBWO
17. Kalikhman T.P., Bardash A.V., Enkh-Amgalan S. Protected Natural Areas of Siberia and Mongolia: A Comparative Analysis // Geography and Natural Resources. 2022. Vol. 43, no. 2. P. 108–118. DOI: 10.1134/s1875372822020056. EDN: VBJEZW
18. Kalikhman T.P., Enkh-Amgalan S. Territorial Nature Protection System of Siberia and Mongolia // SHS Web of Conferences (Euro-Asian Law Congress, 2021). 2022. No. 134. P. 134–173.
19. Kaczensky P., Enkhsaikhan N., Oyunsaikhan G., Walzer Ch. The Great Gobi B Strictly Protected Area in Mongolia – refuge or sink for wolves *Canis lupus* in the Gobi // Wildlife Biology. 2008. No. 14. P. 444–456. DOI: 10.2981/0909-6396-14.4.444. EDN: ZABLIT
20. Liu J.-L., Li F.-R., Liu Ch.-A., Liu Q.-J. Influences of shrub vegetation on distribution and diversity of a ground beetle community in a Gobi desert ecosystem // Biodiversity and Conservation. 2012. No. 21. P. 2601–2619. DOI: 10.1007/s10531-012-0320-4. EDN: YEDYBD
21. Ma W., Feng G., Zhang Q. Status of Nature Reserves in Inner Mongolia, China // Sustainability. 2016. No. 8. P. 809–889.
22. Othman S.N., Choe M., Chuang M.F., Purevdorj Z., Maslova I., Schepina N.A., Jang Y., Borzée A. Across the Gobi Desert: impact of landscape features on the biogeography and phylogeographically-structured release calls of the Mongolian Toad, *Strauchbufo Raddei* in East Asia // Evolutionary Ecology. 2022. No. 36. P. 1007–1043. DOI: 10.1007/s10682-022-10206-4. EDN: SVYGKR
23. Yu F., Price K.P., Ellis J., Feddema J.J., Shi P. Interannual variations of the grassland boundaries bordering the eastern edges of the Gobi Desert in central Asia // International Journal of Remote Sensing. 2010. No. 25. P. 327–346. DOI: 10.1080/0143116031000084297

References

1. Amgalan L, Reynolds H, Adiya Ya, Tuya Ts, Bayasgalan A, Odbayar T. Review of gobi bear research (*Ursus arctos gobiensis*, Sokolov et Orlov, 1992). *Arid Ecosystems*. 2016;22(3):76–83. (In Russian).
2. Bannikov AG. Mammals of the Mongolian People's Republic. In: Proceedings of the Mongolian Commission; 1954. Vol. 53. P. 653–669. (In Russian).
3. Bayara U. Special natures protections for territories of Mongolia. *Vestnik MGSU*. 2011;(6):1–5. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobo-ohranyaemye-prirodnye-territorii-mongolii-1/viewer> (accessed 08.04.2025). EDN: OWFTFT (In Russian).
4. Belyaeva EA. Environmental and Economic Issues of Sustainable Development in Mongolia's Protected Natural Areas. *Trends in Science and Education*. 2017:35–38. Available at: <https://doicode.ru/doofile/lj/29/lj-31-08-2017-09.pdf> (accessed 08.04.2025). DOI: 10.18411/lj-31-08-2017-09. EDN: WUSWCR (In Russian).
5. Bugaev K, Zhirnov L, Timur CH. The Great Gobi Nature Reserve. *Hunting and Hunting Management*. 1983;(3):44–45. (In Russian).
6. Kalikhman TP, Bogdanov TP, Ogorodnikova LYu. Specially Protected Natural Areas of the Siberian Federal District. Atlas. Irkutsk: Ottisk; 2012. 384 p. EDN: PNJQSD (In Russian).
7. Dehlgehrchimehg D, Amgalan L, Bayarsaikhan Θ, Andreas ZR, Kharri VR. Research on the distribution of the Gobi bear. (*Ursus arctos gobiensis*, Sokolov and Orlov, 1992). Archive of scientific reports from the Great Gobi Nature Reserve. Altai; 2021. 8 p. (In Mongolian).
8. Umnegovi Aimag in Mongolia "Planned Development with Low Environmental Impact". Ulaanbaatar: Baigal' orchin, nogoon khiegzhlii yaam; 2014. 431 p. (In Mongolian).
9. Oyungerel B. Mongolia's of Specially Protected Natural Areas Network Development Stages. *Bulletin of the BGI FEB RAS*. 2008;2:52–62. EDN: NXCOAR (In Russian).
10. Oyungerel B. System of strictly protected natural areas of mongolia and perspectives of its development. *Arid Ecosystems*. 2010;16(3):57–66. EDN: MUXNAL (In Russian).

11. Ehrdehtsehtsehg D, Kalikhman TP. Metod odnoaspektnogo atlasnogo kartografirovaniya v otsenke effektivnosti okhranyayemykh prirodnnykh territorii. *Gazaruin Asuudluud*; 2010.(334):KH.9–23. (In Russian).
12. Altanbagana M, Tsedevish O, Gankhuyag U. Population settlement and internal migration of the region along the Mongolia-Russia-China economic corridor. *Mongolian Journal of Geography and Geoecology*. 2024;(61):108–120. DOI: 10.5564/mjgg.v61i45.3377
13. Bedunah DJ., Schmidt SM. Pastoralism and Protected Area Management in Mongolia's Gobi Gurvansaikhan National Park. *Development and Change*. 2004;(35):167. DOI: 10.1111/j.1467-7660.2004.00347.x. EDN: FMGDKB
14. Bezrukov LA, Fartyshev AN, Enkh-Amgalan S. Export transportability of Mongolia and Russia-Mongolia relations in the commodity markets // IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 2021. No. 885 (1). P. 12–16.
15. Bezrukov LA, Vorobyev NV, Emelyanova NV, Vladimirov IN, Enkh-Amgalan S. The Trans-Siberian transport corridor and development of urban agglomerations. In: IOP Conf. Ser.: Earth and Environ. Sci; 2021. No. 629. P. 16–34. DOI: 10.1088/1755-1315/629/1/012034. EDN: GURKRP
16. Kalikhman TP. Review of the Current State of Territorial Nature Protection in Siberia and Mongolia. *Geography and Water Resources*. 2023;(2):48–59. DOI: 10.55764/2957-9856/2023-2-48-59.11. EDN: FQHBWO
17. Kalikhman TP, Bardash AV, Enkh-Amgalan S. Protected Natural Areas of Siberia and Mongolia: A Comparative Analysis. *Geography and Natural Resources*. 2022;43(2):108–118. DOI: 10.1134/s1875372822020056. EDN: VBJEZW
18. Kalikhman TP, Enkh-Amgalan S. Territorial Nature Protection System of Siberia and Mongolia. *SHS Web of Conferences (Euro-Asian Law Congress, 2021)*. 2022;(134):134–173.
19. Kaczensky P, Enkhsaikhan N, Oyunsaihan G, Walzer Ch. The Great Gobi B Strictly Protected Area in Mongolia – refuge or sink for wolves *Canis lupus* in the Gobi. *Wildlife Biology*. 2008;(14):444–456.
20. Liu JL, Li FR, Liu ChA, Liu QJ. Influences of shrub vegetation on distribution and diversity of a ground beetle community in a Gobi desert ecosystem. *Biodiversity and Conservation*. 2012;(21):2601–2619. DOI: 10.1007/s10531-012-0320-4. EDN: YEDYBD
21. Ma W, Feng G, Zhang Q. Status of Nature Reserves in Inner Mongolia, China. *Sustainability*. 2016;(8):809–889.
22. Othman SN, Choe M, Chuang MF, Purevdorj Z, Maslova I, Schepina NA (et al). Across the Gobi Desert: impact of landscape features on the biogeography and phylogeographically-structured release calls of the Mongolian Toad, *Strauchbufo Raddei* in East Asia. *Evolutionary Ecology*. 2022;(36):1007–1043. DOI: 10.1007/s10682-022-10206-4. EDN: SVYGKR
23. Yu F, Price KP, Ellis J, Feddema JJ, Shi P. Interannual variations of the grassland boundaries bordering the eastern edges of the Gobi Desert in central Asia. *International Journal of Remote Sensing*. 2010;(25):327–346. DOI:10.1080/0143116031000084297

Сведения об авторе

Калихман Татьяна Петровна, д-р геогр. наук, заслуженный эколог России, заслуженный эколог Монголии, ведущий научный сотрудник, Институт географии им. В. Б. Сочавы Сибирского отделения Российской академии наук, г. Иркутск, Россия; kalikhman@irigs.irk.ru. Область научных интересов: территориальная охрана природы в Сибири, на Дальнем Востоке, в Монголии и иных сопредельных азиатской части России странах.

Information about the author

Kalikhman Tatyana P., Doctor of Geography, Honored Ecologist of Russia, Honored Ecologist of Mongolia, Leading Researcher, V. B. Sochava Institute of Geography of Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Irkutsk, Russia; kalikhman@irigs.irk.ru. Research interests: territorial nature conservation in Siberia, the Far East, Mongolia, and other countries bordering the Asian part of Russia.

Статья поступила в редакцию 04.10.2025; одобрена после рецензирования 10.10.2025; принята к публикации 11.10.2025.

Received 2025, October 4; approved after review 2025, October 10; accepted for publication 2025, October 11.

Научная статья

УДК 913

DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-22-33

**Международный трансграничный трёхзвенный регион восточного стыка границ
России, Китая и Монголии: диалектика направленности движения фронтов
хозяйственного и природоохранного видов освоения**

Александр Николаевич Новиков

Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия
geonov77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7086-6278>

Проблемы охраны природы в международных трансграничных трёхзвенных регионах (далее – МТТР) обостряются в последние годы из-за интенсификации хозяйственного освоения. Объект исследования – специфические территориальные структуры – МТТР, которые формируются у точки стыка государственных границ трёх стран. Цель исследования – разработать представление о движении фронтов хозяйственного и природоохранного видов освоения. Задачи исследования: обобщить представления о движении фронтов из различных ветвей географии; разработать идеальную модель; адаптировать работу модели к МТТР восточного стыка границ России, Китая и Монголии. Главные методы исследования: обобщение и пространственное моделирование. Результатом обобщения мировой практики взаимодействия фронтов двух видов освоения стала модель встречного движения: хозяйственного – центростремительного, и природоохранного центробежного. Вокруг стыка трёхграницья, как реакция на угрозу хозяйственного освоения и исчезновения естественных ландшафтов, формируется трёхсторонняя особо охраняемая природная территория (далее – ООПТ) – заповедник, который стремится расширить свои границы. У восточного стыка границ России, Китая и Монголии центральную зону «пронзили» трассы пионерного освоения, которые лишили трёхсторонний заповедник, образованный из трёх приграничных, возможности образования континуальности. Хозяйственный вид освоения пошёл к приграничным заповедникам с китайской и монгольской сторон фронтиром баз, образующих сплошные сети. С российской стороны хозяйственный фронт – клиновидный, который образует древовидный базо-трассовый рисунок и даёт возможность для центробежного расширения и включения в состав заповедника более мелких приграничных ООПТ. Хозяйственный фронт образует незамкнутую на монгольско-китайском участке границе дугу, но именно конечности дуги продвигаются к стыку наиболее активно.

Ключевые слова: базы освоения территории, заповедник, Китайская Народная Республика, Монголия, Российская Федерация, стык государственных границ трёх стран, трансграничное взаимодействие, трёхстороннее трансграничье, трассы освоения территории, фронт

Для цитирования

Новиков А. Н. Международный трансграничный трёхзвенный регион восточного стыка границ России, Китая и Монголии: диалектика направленности движения фронтов хозяйственного и природоохранного видов освоения // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 22–33. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-22-33

Финансирование: работа выполнена в рамках государственного задания Министерства науки и высшего образования Российской Федерации (тема № 124110700039-6 «Оценка пространственной корреляции потенциалов и ограничений регионального развития»).

Original article

**International Cross-Border Three-Member Region of the Eastern Junction
of the Borders of Russia, China and Mongolia: Dialectics of the Direction
of Movement of Frontiers of Economic and Environmental Types of Development**

Aleksandr N. Novikov

Transbaikal State University, Chita, Russia
geonov77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7086-6278>

Environmental protection issues in international cross-border three-member regions (I.C-B.T-M.Rs) have become increasingly acute in recent years due to the intensification of economic development. The object of this study is specific territorial structures — I.C-B.T-M.Rs — that form at the junction of the state borders of three countries. The objective of this study is to develop an understanding of the movement of frontiers for economic

© Новиков А. Н., 2025

and environmental development. The objectives of the study are to summarize concepts of frontier movement from various branches of geography; develop an ideal model; and adapt the model to the I.C-B.T-M.Rs at the eastern junction of the borders of Russia, China, and Mongolia. The main research methods are generalization and spatial modeling. The result of generalizing global practices of interaction between frontiers of two types of development has been a model of counter-movement: economic (centripetal) and environmental (centrifugal). Around the junction of the three borders, in response to the threat of economic development and the disappearance of natural landscapes, a tripartite specially protected natural area – a nature reserve – is being formed, which seeks to expand its boundaries. At the eastern junction of the borders of Russia, China, and Mongolia, the central zone has been pierced by pioneering development routes, depriving the trilateral reserve, formed from three border reserves, of the possibility of creating continuity. Economic development has approached the border reserves on the Chinese and Mongolian sides through a frontier of bases forming continuous networks. On the Russian side, the economic frontier is wedge-shaped, forming a tree-like base-and-route pattern and allowing for centrifugal expansion and the incorporation of smaller border specially protected natural areas into the reserve. The economic frontier forms an open arc along the Mongolian-Chinese border, but it is the ends of this arc that are most actively advancing toward the junction.

Keywords: development bases, nature reserve, People's Republic of China, Mongolia, Russian Federation, junction of state borders of three countries, cross-border interaction, trilateral cross-border, development routes, frontier.

For citation

Novikov A.N. International Cross-Border Three-Member Region of the Eastern Junction of the Borders of Russia, China and Mongolia: Dialectics of the Direction of Movement of Frontiers of Economic and Environmental Types of Development // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 22–33. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-22-33

Funding: the work was carried out within the framework of the state assignment of the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation (topic No. 124110700039-6 "Assessment of the spatial correlation of potentials and limitations of regional development").

Введение. Взаимодействие природы и общества, выражающееся в глобальной экологической проблеме, активно рассматривается в трансграничном формате. Однако почти все работы посвящены двухстороннему трансграничью, т.е. представляют взаимодействие относительно линии государственной границы приграничных территорий двух стран. Это двухзвездный взгляд – рассмотрение двух приграничных территорий – двух контактных звеньев. Рассмотрение относительно точки стыка границ взаимодействия трёх звеньев имеет свою специфику, которая не видна при восприятии трёхграничья как механической суммы трёх двухзвездных территорий.

Актуальность исследования. На планете Земля можно насчитать 117 международных трансграничных трёхзвездных регионов (далее – МТТР), 21 из которых имеют вокруг стыка трёхграничья особо охраняемую природную территорию (далее – ООПТ). Каждый стык нарабатывает свой опыт взаимодействия хозяйственного и заповедного типов освоения, который нуждается в обобщении.

Экономическое развитие трансграничных территорий всегда имело и будет иметь две цели: во-первых, укрепление приграничья, во-вторых, дальнейшее развитие международного сотрудничества [1, с. 71]. Устойчивое экологическое развитие трансграничных территорий преследует те же цели. Однако

фронтиры экономического (хозяйственного) и природоохранного освоения имеют диалектический (противоречивый) характер взаимодействия. Развитие трансграничных регионов носит противоречивый характер [2, с. 115].

Результаты обобщения необходимы всем МТТР для построения стратегий регионального развития. МТТР восточного стыка границ России, Китая и Монголии образуют следующие приграничные территории: с российской стороны – Забайкальский край (столица – г. Чита) площадью 431,8 тыс. км², с китайской – Хулун-Буир – городской округ на северо-востоке Автономного района Внутренняя Монголия (столица – г. Хайлар) площадью 263,9 тыс. км², с монгольской – Восточный (Дорнод) аймак (столица – г. Чойбалсан) площадью 123,5 тыс. км².

Объект исследования – специфические территориальные структуры – МТТР, которые формируются у точки стыка государственных границ трёх стран.

Предмет исследования – диалектика направленности движения фронтов хозяйственного и природоохранного видов освоения у восточного стыка границ России, Китая и Монголии.

Цель исследования – разработать представление о движении фронтов хозяйственного и природоохранного видов освоения в МТТР.

Задачи исследования: обобщить представления о движении хозяйственного фронтира, разработанные в экономической и социальной географии, и природоохранного фронтира, разработанные в геоэкологии; создать идеальную географическую модель взаимодействия фронтов в формате МТТР; адаптировать работу модели к МТТР восточного стыка границ России, Китая и Монголии.

Методология и методы исследования. Главными методами исследования стали обобщение и пространственное моделирование, которое выражает это обобщение. В своих предыдущих работах автор проводил исследования территориальных структур в двух направлениях, которые оформились в различных науках. Первое направление – исследование транспортно-расселенческих структур МТТР, осуществлявшееся в формате специальности 1.6.13 Экономическая, социальная, политическая и рекреационная география, которую для лаконичности лучше называть географией человека (в зарубежной науке – «human geography») [3–5]. Второе направление – это исследование природоохраных структур МТТР, которое осуществлялось в формате специальности 1.6.21 Геоэкология (географические науки) [6–8]. Суть обобщения – выявление общего механизма взаимодействия территориальных структур различных видов, которые изучаются различными ветвями географических наук.

Результаты исследования. Прежде чем рассмотреть заявленную в названии новую закономерность, необходимо проанализировать предшествующую логику развития научных представлений.

Международные трансграничные трёхзвездные территории – географические структуры, заметные на политической карте мира при первом же знакомстве с ней. На планете можно насчитать 117 стыков трёхграницья. Конечно, если учитывать непризнанные государства, то количество окажется больше.

Несмотря на то что стыки трёхграницья существуют с момента появления самих государственных границ, активная структуризация их приграничных территорий стала осуществляться только в последние 20–30 лет. Именно в эти последние десятилетия МТТР оформились как специфические географические структуры вокруг точки стыка. Двадцать два стыка из 117 формируют вокруг себя ООПТ: природные парки, заповедники или заказники. Это особые – трансграничные – ООПТ, которые являются трёхсторонними, т.е. формируются из трёх приграничных

ООПТ. В этих случаях вокруг стыка трёхграницья организуются экологоцентрированные регионы, которые представляют научный интерес с точки зрения формирования трансграничных структур, т.к. демонстрируют согласованность развития приграничных территорий сразу трёх стран. Достичь согласованного развития трансграничья не всегда получается в формате двухзвенного (двуихстороннего) региона, что в формате трёхстороннего – трёхзвенного – сделать ещё сложнее.

Понятие «трёхзвенная трансграничная территория», на базе которой появилось представление о МТТР, ввели в науку П. Я. Бакланов и С. С. Ганзей [9], разработавшие представление, а после уточнившие его в отношении особого случая – трёхзвездной территории. Сопредельные приграничные территории они рассматривали как контактные звенья трансграничной интеграции.

Рассмотрим принципиальное отличие понятий «международная трансграничная трёхзвенная территория» и «международный трансграничный трёхзвенный регион». Первое понятие указывает на территориальную, природную, хозяйственную общность компонентов, расположенных у стыка трёхграницья, а второе – на географические механизмы взаимодействия территориальных структур. Дело в том, что одни и те же географические компоненты структур могут взаимодействовать в различных комбинациях, т.е. иметь вариативность организации механизмов. Географическая наука отходит от классических географических открытий (рек, гор, островов). На поверхности Земли уже практически не осталось «белых пятен». Почти все территориальные структуры уже открыты. Однако это не означает исчерпания географического знания. Завершён описательный этап развития науки. Географы переходят от изучения структур к изучению механизмов их функционирования. В формате представленного исследования употребление понятия «регион» обязывает показать связанность компонентов, т.е. механизм, а точнее диалектический характер процессов хозяйственного и заповедного видов освоения.

Группе исследователей под руководством академика РАН П. Я. Бакланова, в состав которой входил и автор статьи, удалось установить, что характер природопользования в МТТР ужесточается по мере приближения к стыку трёхграницья [10]. По сути, авторы адаптировали к рассмотрению трёхграницья концепцию «Поляризованного ландшафта» Б. Б. Родомана [11], но с дополнениями:

выделение у стыка туристических аттракторов, туристических троп к ним; установление аналогии трёхграницья с термодинамической диаграммой воды, которая отражает три агрегатных состояния (три приграничные территории) и взаимосвязь между ними. Свои модели Б.Б. Родоман построил на основе шестиугольных решёток систем расселения (идеальной модели) В. Кристаллера [12]. Такая преемственность развития научной мысли отражает логику развития географической науки.

Долгое время исследователи трансграничья не видели принципиальной разницы между двухзвенными и трёхзвенными трансграничными регионами. Трёхзвенные регионы воспринимались как совокупность трёх двухзвенных, каждый из которых обладает билатеральной симметрией территориальных структур, т.е. симметрией относительно государственной границы. Однако автору [3] удалось показать, что в МТТР зеркальность территориальных структур относительно границы – это элемент радиальной симметрии относительно точки стыка, который в формате двухграницья воспринимается как билатеральная симметрия.

В исследовании трёхсторонних ООПТ, которые в последние три десятилетия активно формируются на различных континентах (кроме Австралии и Антарктиды), описана закономерность центробежного развития, когда появившийся приграничный заповедник или природный парк объединяется с аналогичными ООПТ на двух сопредельных территориях. Статус объединённого ООПТ качественно меняется с приграничного на трансграничный – на международный. Начинается масштабное привлечение средств международных фондов на охрану природы, появляются новые рабочие места. Локальные приграничные ООПТ, связанные с появившейся международной ООПТ природными коридорами (реками, долинами, маршрутами перелётных птиц), стремятся стать её частью (филиалом). Их привлекают возможности: присоединиться к природоохранным мероприятиям, получить международное финансирование и новейшие технологии наблюдения за природой. Это центробежное движение фронтира экологического освоения МТТР, уже выявленное в науке [6]. Отметим самые известные ООПТ, где наблюдается данная реалия: Трансграничный парк Большой Лимпопо (англ. Great Limpopo Transfrontier Park) (Зимбабве, Мозамбик, ЮАР), Национальный парк Вирунга

(Parc national des Virunga), расположенный в восточной части Демократической Республики Конго, т.е. на границе с Угандой и Руандой. Продлением территории заповедника в соседней Руанде является Национальный парк Вулканов, а в Уганде – Национальный парк Бвинди, Государственный природный заповедник «Пасвик» (Россия, Финляндия, Норвегия).

Дело в том, что природоохранное освоение в формате МТТР проявилось в очень короткий срок последних двух-трёх десятилетий, а хозяйственному виду сотни лет. Его можно назвать традиционным.

В этой части объяснения необходимо обратиться к понятийно-терминологическому аппарату. Термин «фронтир» не использовался в отечественной науке советского периода. Однако он не просто хорошо вписывается в её учение об освоении территории, которое разработано в советской экономической географии и региональной экономике, а ещё и конкретизирует это учение.

Теория фронтира разработана в зарубежной (американской) исторической географии, где фронтир – это граница между различными культурами. В представленном исследовании теория фронтира рассматривается в контексте различных культур освоения (хозяйственной и природоохранной).

Отечественными учёными [13] теория фронтира адаптирована к рассмотрению исторических процессов, которые происходили на территории в границах современной России.

Термин «освоение территории», напротив, активно использовался в советской науке, но в последние десятилетия стал заменяться другим понятием – «территориальное развитие». Причина состоит в том, что в звучании понятия «освоение территории» людям, далёким от науки, представляется существование в государстве неконтролируемых пространств. Историко-географический процесс освоения территории ассоциируется с заселением необжитых земель для разработки минеральных месторождений и распашкой залежных земель, с расширением границ России, включением в её состав новых районов и установлением над ними контроля. Термин «территориальное развитие» – более политически корректный, а его звучание подчёркивает, что всё у нас освоено, т.е. всё контролируется, и остаётся только развивать. Кроме того, нет англоязычного аналога термина «освоение», а используется понятие «территориальное развитие» (*development*

of the territory). Однако в понятие «освоение территории» советские учёные вложили более глубокий смысл, чем отражено в его звучании.

Процесс освоения территории означает её насыщение вложениями материальных средств и человеческого труда различной энерговооружённости и разной степени механизации, в результате чего природная основа территории видоизменяется техническими сооружениями того или иного рода и их системами [14, с. 9].

По представлению советских географов, процесс освоения – это бесконечный процесс развёртывания всё новых и новых инфраструктурных слоёв поверх предыдущих. Однако каждый процесс развёртывания (именно такой термин используется) нового слоя можно рассматривать как движение фронтира. У каждого слоя освоения территории есть свой фронт, т.к. развёртывание каждого слоя имеет своё направление. Советские географы не акцентировали на нём внимание. Фокус внимания смешался на базы и трассы освоения.

Главная установка отечественных географов состоит в том, что базо-трассовая система процесса освоения едина, а каждый новый слой развёртывается поверх предыдущего на одной и той же географической матрице, т.е. имеет тот же самый вектор. Образно выражаясь, «одна волна идёт за другой». Этую закономерность на примере информационно-коммуникационных сетей освоения показал В.И. Блануца [15], которым выявлено последовательное развёртывание пяти поколений информационно-коммуникационных сетей (ИК-сетей) в Сибири: почтовая, телеграфная, телефонная, радиоволновая и компьютерная. Суть закономерности состоит в том, что каждый слой развёртывается по одной и той же схеме географической матрицы.

Если развёртывание хозяйственных слоёв не вызывает вопросов, т.к. понятен мотив – получение материальных благ, а механизм развития базо-трассовой структуры – строительство дорог, развитие сети поселений, то природоохранный вид нуждается в пояснении.

У автора статьи после изучения опыта отечественной теории освоения территории появился ряд вопросов. Могут ли в географической матрице слои освоения развёртываться не последовательно, а параллельно,

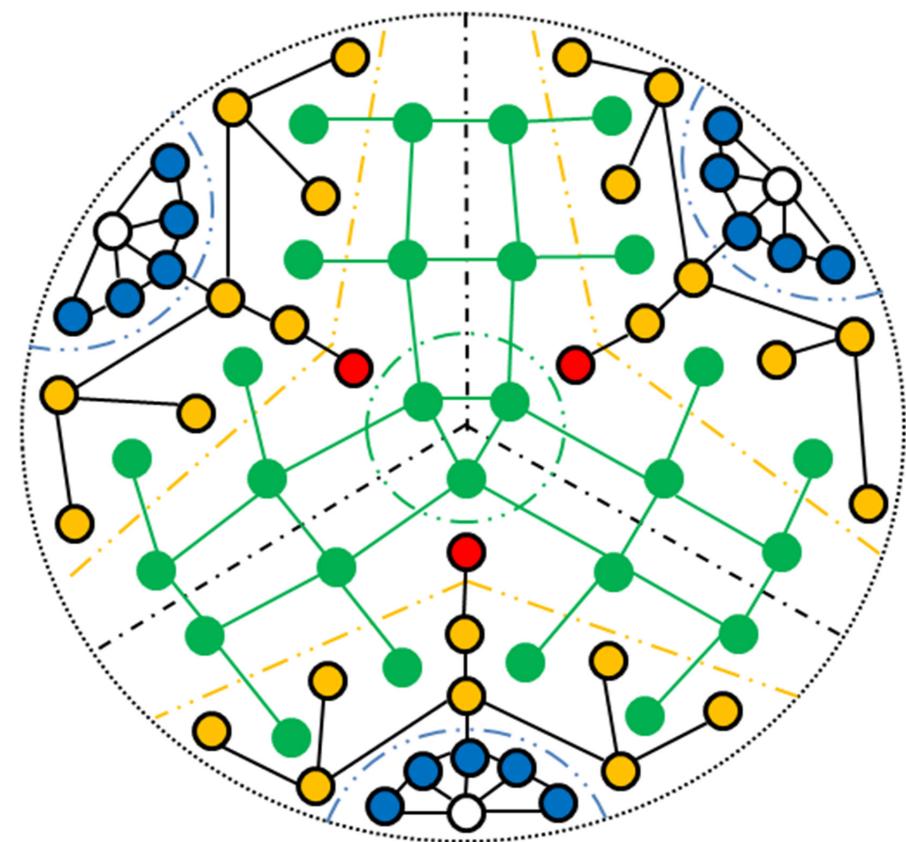
не копируя в точности механизм предыдущего, как показывают в своих работах К.П. Космачёв [14] и В.И. Блануца [15], а двигаться навстречу друг другу? Можно ли определить зоны встречи фронтов процессов освоения, двигающихся навстречу друг другу? Имеет ли место конфликт интересов у различных слоёв освоения?

На первый вопрос ответ уже очевиден после сравнения двух приведённых обзоров движения фронтов МТТР в геоэкологии и географии человека. Ответы на второй и третий вопросы лежат в области философско-географического обобщения. Для ответа на поставленные вопросы обратимся к методу моделирования. Представим идеальные модели – картоиды (геоизображения), построенные автором на основе анализа мирового опыта, и объясним с их помощью трансграничные процессы МТТР восточного стыка границ России, Монголии и Китая.

Фронт освоения отражает *территориальные отношения в диалектическом единстве*, как существующие связи и как их предпосылки – отношения. Объяснить движение одного фронтира бывает сложно, а нескольких – ещё сложнее. Однонаправленное волновое движение нескольких фронтов освоения (военного, миссионерского, хозяйственного) более очевидно, однако разнонаправленное, когда фронты движутся навстречу друг другу, заметить сложно. Именно такому случаю посвящено данное исследование.

В процессе освоения Сибири хозяйственний вид имел вторичный характер. Первыми шли казаки-землепроходцы и священнослужители. Казаки строили остроги – военные пионерные базы каркаса освоения территории, задача которых – обеспечить дальнейшее – трамплинное – продвижение военного фронтира, для баз которого характерна очаговая организация (нерегулярное функционирование трасс).

Со временем пионерные базы, обозначенные на рисунке кольцами с красным центром, качественно изменили свою позицию в процессе освоения с военного вида на хозяйственний, стали своеобразным «локомотивом» клиновидного фронтира. Это переходная стадия от точечно-линейного (базо-трассового) к более совершенному площадному (сетевому) освоению.

Условные обозначения:

- точка стыка границ трёх стран;
 - пионерные базы освоения территории;
 - фронтально-клиновидные базы древовидного освоения территории;
 - фронтально-дуговидные базы решётчатого освоения территории;
 - глубинные базы освоения территории;
 - природные территории, включая ООПТ;
 - государственная граница;
 - дуговидный фронтр хозяйственного освоения территории;
 - клиновидный фронтр хозяйственного освоения территории;
 - фронтр заповедного освоения территории;
 - зелёные коридоры, связывающие ООПТ;
 - границы зон освоения;
 - трасса освоения территории;
 - пионерная трасса очагового освоения территории

Взаимное проникновение хозяйственного и природно-охранного видов освоения территории / Mutual penetration of economic and natural conservation types of development of the territory

Фронтально-клиновидные базы, обозначенные на рисунке кольцами со светло-коричневым центром, не только поддерживают связь между пионерными и глубинными базами (кольца с белым центром), но и дают ответвление от основной трассы освоения. Расстояние между базами в зоне освоения клиновидного фронтира значительно больше, чем в зоне освоения дуговидного фронтира. На географической карте в этом случае образуется древовидный рисунок. Со временем клиновидный фронтир может изменить свою форму и превратиться в дуговидный, но для этого нужно не просто изменить геометрию, а качественно преобразовать характер сообщения между базами, установив коммуникацию с соседними по фронтиру базами. В этом случае линейное освоение трансформируется в площадное, угроза заповеднику возрастает, т.к. пояс нетронутых ландшафтов за периметром заповедника – это его внешняя буферная зона, которая отделяет границу заповедника, ставшую природоохранным фронтиром, от хозяйственного фронтира. Буферная зона – это пространство компромисса, а в данном случае он есть, т.к. древовидные базо-трассовые структуры хозяйственного освоения «перерезали» не все зелёные коридоры, а «островки» естественных ландшафтов сформировали свою древовидную базо-трассовую структуру. Приведённая структура сохраняет континуальность (непрерывность), пусть и древовидной конфигурации.

Кризис взаимодействия хозяйственных и природоохранных структур возникает, когда дуговидный фронтир, как следующая волна освоения, догоняет и сливаются с клиновидным фронтиром, который вплотную подошёл к природоохранному фронтиру. В указанном случае природоохранное освоение потеряет возможность для расширения своего фронтира. *Вот здесь и происходит столкновение фронтиров.*

По мере удаления от стыка трёхграницья площади ООПТ уменьшаются: у стыка трёхграницья площадь ООПТ максимальная (в пределах природоохранного фронтира), между клиновидным и дуговидным фронтарами она значительно меньше, а в зоне дуговидного фронтира – минимальная.

У основной трассы клиновидного фронтира, которая соединяет пионерную базу с базой дуговидного фронтира, как уже сказано ранее, могут быть боковые трассы, но все они – тупиковые, представляют собой транспортно-расселенческие древа, которые в конфигурационном плане выглядят как реки

с притоками и притоками притоков. У этой базо-трассовой структуры есть один минус – отсутствие альтернативных маршрутов движения между населёнными пунктами тупиковых баз. Древовидный рисунок – индикатор слабой освоенности территории.

Базо-трассовая древовидность отчётливо прослеживается на конфигурации железнодорожной сети Сибири и Дальнего Востока. Однако в совокупности с речным, автомобильным и авиационным видами транспорта образуется решетчатая структура. Соответственно, различные слои дополняют друг друга.

В отношении МТТР точечная волна пионерных баз – это своеобразная разведка, которая не гарантирует последующих волн. Клиновидный фронтир освоения не всегда следует за пионерной базой.

Обсуждение результатов. Представленная модель демонстрирует черты взаимной пространственной организации населения и хозяйства трёх приграничных территорий восточного стыка границ России, Китая и Монголии. Глубинными базами освоения являются города, которые выполняют функции транспортных узлов, перераспределяющих потоки пассажиров и грузов. В Забайкальском крае ей является г. Чита, на монгольской стороне Чойбалсан – административный центр Восточного аймака (Дорнод), на китайской стороне – Хайлар – административный центр Хулунбуирского аймака Автономного района Внутренней Монголии. Каждая база обозначена на рисунке кольцом с белым центром. Проблема состоит в том, что базы пионерного освоения у России, Монголии и Китая слишком близко проникли к стыку трёхграницья и соединили свои трассы, что выразилось в железной дороге от г. Борзи (Забайкальский край) до Чойбалсана и от г. Борзи до г. Маньчжурии.

Город Борзя относится к фронтально-дуговидным базам освоения территории, которые обозначены на рисунке окружностями с синим центром. В 1939 г. в связи с событиями на Халхин-Голе при строительстве железнодорожной линии Борзя – Байн-Тумен открыта железнодорожная станция Соловьёвск¹. До строительства железной дороги со стандартной колеёй на её месте была узкоколейная железная дорога, т.е. ещё до 1939 г. г. Борзя выполнял функцию фронтально-дуговидной базы. Кроме того, сообщение с соседними

¹ Солодова Б. Н. Соловьёвск. Официальный сайт научно-образовательного проекта «Энциклопедия Забайкалья». – URL: <https://ez.chita.ru/encycl/concepts/?id=4639> (дата обращения: 22.08.2025). – Текст: электронный.

базами фронтально-дуговидного освоения поддерживалось по грунтовым дорогам. Со строительством железной дороги в 1939 г. дуговидный фронт освоения вышел на качественно новый уровень.

Транспортно-расселенческие структуры освоили пространство до Даурского заповедника дуговидным фронтом, т.е. системой баз, связанных между собой. Если базы клиновидного фронта предоставляли возможность для взаимного проникновения с сетью ООПТ (см. рисунок), то дуговидный фронт «перезаёт» зелёные коридоры своими трассами между фронтально-дуговидными базами. Нетронутые природные ландшафты превращаются в «островки», а пути миграции животных пересекаются транспортными магистралями (железными или грунтовыми дорогами).

Дорога от г. Борзи до Чойбалсана пересекает участок российско-монгольской границы на отрезке, расположенному между стыком трёх границ и контактным участком приграничных заповедников Даурия (Россия) и Монгол Даур (Монголия), что мешает организации единого континуального трёхстороннего заповедника. Параллельно железной дороге проходит автомобильная трасса. Для организации континуальности международного заповедника странам придётся строить мосты через железнодорожное полотно и автомобильную трассу для миграции животных. Такая практика уже существует в мире. На российско-монгольской границе работает пограничный переход Соловьёвск – Эренцев. Данные парные населённые пункты являются базами пионерного освоения.

В Забайкальском крае к стыку трёх государственных границ примыкает Забайкальский район, который тоже имеет трансграничный российско-китайский транспортный переход «Забайкальск – Маньчжурия» (пионерные базы) с железнодорожной магистралью и автомобильной трассой, идущими параллельно друг другу. Это тоже контакт двух баз пионерного освоения. На китайской стороне – от Хайлара, как глубинной базы, идут две трассы до пионерных баз: на северо-запад – к российской границе до г. Маньчжурии (железная и автомобильная магистраль), на юго-запад к монгольской границе – до Амгалана (автомобильная трасса). Хайлар, Маньчжурия и Амгалан соединены автомобильной дорогой, образуя треугольник. Таким образом, сформирована решётчатая сеть с дуговидным фронтиром освоения. Озеро Далайнор и его заповедник оказались внутри этой решётки. У заповедника Далайнор не

остаётся возможности беспрепятственного расширения своих границ до стыка трёхграницья России, Монголии и Китая.

На китайско-монгольской границе в зонах дуговидного фронтира такой проницаемости нет. Дуговидные фронтиры трёх стран еще не сомкнулись и не образовали единого периметра вокруг стыка трёхграницья.

В экологоцентрированных МТТР мира фронтиры хозяйственного освоения движутся к стыку трёхграницья, т.е. центростремительно. Вокруг стыка трёхграницья, как реакция на угрозу хозяйственного освоения и исчезновения естественных ландшафтов, формируется трёхсторонняя ООПТ, которая стремится расширить свои границы, т.е. природоохраный фронтонир движется центробежно. Центральная ООПТ включает в свой состав, в юридическом плане, удалённые от стыка приграничные заповедники, заказники и парки, установив с ним физическую связь через оформление в качестве ООПТ природных коридоров (участков рек и долин) и полностью сливаясь в континуальный ареал. Граница центрального заповедника становится природоохраным фронтониром (см. рисунок).

На первый взгляд хозяйственное освоение порождает экологические проблемы, а природоохранное освоение – это попытка учесть интересы природы, но в последние годы базы природоохранного освоения, которыми выступают ООПТ различных типов (заповедники, заказники, парки, памятники природы), становятся местом притяжения туристов и начинают выполнять не только экологические задачи сохранения природы, но и экономические. Трассы заповедного освоения не сводятся к зелёным коридорам миграции животных между базами (ООПТ) и включают туристические маршруты, идущие параллельно для наблюдения за этими миграциями. ООПТ становятся работодателями для населения не только в туристической индустрии, но и самом процессе охраны природы, т.к. заповедная деятельность тоже требует исполнителей.

В природном (физико-географическом) плане своеобразие приведённой территории заключается в том, что место локализации стыка трёхграницья располагается на Улзда-Торейской равнине, а по мере удаления от неё высота горных систем нарастает, т.е. образуется горный амфитеатр – своеобразная «горная чаша».

Точка стыка границ трёх стран находится в границах бессточного бассейна, который

на территории Забайкальского края ограничивается с трёх сторон света водосборным бассейном р. Амур. Именно на этой территории расположены бессточные озёра, т.к. реки в них впадают, но не вытекают, и они не имеют связи с Мировым Океаном. На российской стороне – Торейские озёра (Зун-Торей и Барун-Торей), а на китайской – оз. Далайнор, которое в отдельные годы всё-таки имеет связь с р. Аргунью, когда его уровень повышается. Юго-западная часть оз. Барун-Торей расположается на территории Монголии. Площади озёр и границы береговых линий год от года нестабильны. Эти озёра охраняются Рамсарской конвенцией и программой ЮНЕСКО «Человек и биосфера».

В октябре 1995 г. в г. Чите подписаны документы о международном сотрудничестве и создании международного российско-монгольско-китайского заповедника на базе заповедников «Даурский» (Россия), «Монгол Даур» (Монголия) и «Далайнор» (Китай)¹.

В марте 1994 г. в г. Улан-Баторе по по嘱чанию правительства трёх стран подписано Соглашение между природоохранными ведомствами о создании «в районах, прилегающих к российско-монгольско-китайской государственной границе, совместного заповедника». Соглашением предусмотрено создание смешанной российско-монгольско-китайской комиссии, которая должна координировать все виды сотрудничества в совместном заповеднике. Стороны приняли на себя обязательство обеспечить в совместном заповеднике «беспрепятственное перемещение диких животных из одной части заповедника в другую». В октябре 1996 г. на II Заседании смешанной комиссии в г. Чойбалсане (Монголия) приняты официальная символика международного заповедника и его название, которое звучит на английском языке следующим образом: China-Mongolia-Russian “Daurua” International Protected Area, в сокращённом варианте – CMR “Daurua” IPA [16].

Вокруг стыка на правовом уровне сформировался дискретный (разорванный) ареал заповедного освоения, т.к. трёхсторонний международный заповедник представлен тремя приграничными. В будущем необходимо слияние их границ в единый континуальный (непрерывный) ареал. На российской стороне наблюдается процесс центробежного расширения природоохранного фронтира. Заповедник Даурский включил в свой состав

¹ Государственный доклад о состоянии окружающей природной среды в Читинской области за 1997 г. и некоторые итоги охраны природы за 1988–1997 гг. – Чита: ИПРЭК СО РАН, 1998. – 216 с.

клластер «Адон-Челон», заказники «Долина дзерена» и «Цасучейский бор».

На китайской и монгольской сторонах ареал естественных (нетронутых) ландшафтов «пронзил» клиновидный фронтр центростремительной направленности и достиг природоохранного фронтира, а затем его «догнал» и дуговидный фронтр.

На китайской стороне уже в 50-х гг. XX в. началась крупномасштабная добыча угля в верхнем течении р. Мутной. Выход воды из Далайнора оказался закрыт, что привело к резкому повышению воды в озере. Чтобы избежать в дальнейшем резкого сброса огромной массы воды, которая, попав в р. Аргунь, а дальше в р. Амур, могла бы оказать разрушительное воздействие на города и посёлки, прорыт новый выход для озера. Это был компромисс двух древовидных структур. В настоящее время вокруг озера сформирована решётчатая структура. Отметим, что и межгосударственные отношения на данной трансграничной территории тоже носят компромиссный характер. Конфликтов из-за нехватки поверхностных вод в условиях изменения климата нет, что отмечают зарубежные коллеги Жуйцзе Цзян (R. Jiang), Хуэй Лу (H. Lu,), Делян Чен (D. Chen) в специальном исследовании «Трансграничный конфликт из-за нехватки поверхностных вод в условиях изменения климата» [17].

Фронтиры хозяйственного и природоохранного видов освоения у восточного стыка границ России, Монголии и Китая вступили в конфронтацию на всех трёх приграничных территориях. Однако только на российской стороне приоритетом обладают природоохранные виды освоения, а на китайской и монгольской сторонах хозяйственный вид более активен. Китайская сторона приняла решение приостановить сотрудничество в формате единого заповедника, что приведёт к остановке движения природоохранного фронтира.

Заключение. Отечественная теория освоения территории органично дополняется теорией фронтира. Базо-трассное восприятие логично завершается рассмотрением конфигурации границ их слоёв развертывания: у линейных (пioneerных) баз – очаги без образования сплошной границы освоения; у фронтально-клиновидных баз остаётся в тылу линейно-древовидный рисунок сети, демонстрирующий переход от линейного к площадному типу освоения, а «выстраиваются» они в клиновидный фронтр освоения; у фронтально-дуговидных баз образуется ду-

говидный фронтир, оставляя позади решётчатый рисунок. В хозяйственном виде освоения базами выступают населённые пункты, трассами – транспортные пути, в природоохранном виде базами – ООПТ, а трассами – зелёные коридоры между ними, включающие пути миграции животных и туристические маршруты.

Природоохраный вид освоения отличается от традиционных (военного, миссионерского, хозяйственного и инфокоммуникационного) видов тем, что не разворачивается с ними в единой географической матрице, т.е. имеет противоположный – встречный – вектор движения фронтира. Именно поэтому он вступает с ними в противоречие. Зоной столкновения становятся пространства естественных ландшафтов, которые образуют буферную зону вокруг ООПТ. Если в буферную зону вошёл клиновидный фронтир с древовидной сетью, то у сети ООПТ есть возможности для роста, однако если это дуговидный фронтир с решётчатой сетью, то конфликт не оставляет шансов

для компромисса, т.е. для образования новых ООПТ и зелёных коридоров.

В масштабах МТТР противостояние между хозяйственным и заповедными видами проявляется наиболее ярко, чем в глубинных районах стран. Конфликт между хозяйственным и природоохранным видами освоения выходит с национального на иной – международный – уровень. Образовавшиеся международные ООПТ находятся в фокусе внимания международного сообщества, т.к. демонстрируют особый природоохраный формат взаимодействия между странами, как и транспортно-расселенческие сети, выполняющие функции экономических контактных звеньев между государствами.

Кроме того, в МТТР движение фронтиров трёх стран стремится сомкнуться в кольцо вокруг стыка. На глубинных территориях ООПТ очень редко попадают в окружение. Как правило, хозяйственный фронтир приближается с одной стороны и имеет место – тыл – в виде естественных ландшафтов с противоположной стороны.

Список литературы

1. Баранова О.А. Поведенческие реакции населения на изменение условий жизни в трансграничье // Периферия. Журнал исследования нестоличных пространств. 2025. № 1. С. 68–73. DOI: 10.38161/2949-6152-2025-1-68-73. EDN: EHFSVU
2. Малашенков Б.М., Петрянин В.В. Проблемы пространственного развития трансграничных регионов // Государственное управление. Электронный вестник. 2023. № 99. С. 115–130. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-115-130. EDN: PMPRTX
3. Новиков А.Н. Приграничное положение Забайкальского края в трансграничном трёхзвенном регионе: роль в территориальной организации населения и хозяйства: монография. Чита: ЗабГУ, 2015. 94 с.
4. Бакланов П.Я., Новиков А.Н., Новикова М.С. Влияние трансграничности на территориальные структуры Приморского края России и сопредельных территорий // Учёные записки Казанского университета. Серия «Естественные науки». 2018. Т. 160, № 1. С. 162–177.
5. Novikov A.N., Novikova M.S., Gilfanova V.I. Transport and settlement structures of Zabaykalskiy kray in the international cross-border ecology-centered region of the eastern junction points of the borders of Russia, Mongolia, and China // Turismo Estudos & Práticas. 2020. S4.
6. Биксаляев А.А., Новиков А.Н. Международные трансграничные трёхзвенные регионы: теоретическое обобщение опыта интеграции приграничных особо охраняемых природных территорий // Успехи современного естествознания. 2021. № 12. С. 95–100. DOI: 10.17513/use.37742. EDN: VTEIZD
7. Novikov A.N., Biksaleev A.A. Stages of cross-border integration of border specially protected natural areas at the junctions of the state borders of the three countries in various parts of the planet // 2022 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 1045 012160. DOI: 10.1088/1755-1315/1045/1/012160. EDN: KUMQZS
8. Новиков А.Н., Биксаляев А.А. Оценка готовности особо охраняемых природных территорий Забайкальского края к неблагоприятно изменяющемуся характеру соседства (в условиях хозяйственного освоения региона) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 4. С. 33–43. DOI: 10.2109/2227-9245-2023-29-4-33-43. EDN: QUQMKJ
9. Бакланов П.Я., Ганзей С.С. Трансграничные территории: проблемы устойчивого природопользования: монография. Владивосток: Дальнаука, 2008. 216 с.
10. Бакланов П.Я., Новиков А.Н., Птицын А.Б. Структурно-географический анализ трансграничных трёхзвенных территорий // Доклады Академии наук. 2016. Т. 468, № 1. С. 97–99. DOI: 10.7868/S0869565216130132. EDN: VVHKWX
11. Родоман Б.Б. «Поляризованный ландшафт»: полвека спустя // Известия Российской академии наук. Серия «Географическая». 2021. Т. 85, № 3. С. 467–480. DOI: 10.31857/S2587556621030122. EDN: SJVCUH
12. Christaller W. Die zentralen Orte in Deutschland. USA: Prentice Hall, 1966. 230 p.

13. Якушенков С.Н., Якушенкова О.С. Американский фронтон и российские аналогии в поволжье и на нижней Волге // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2010. № 1. С. 109–115.
14. Космачев К.П. Пионерное освоение тайги (экономико-географические проблемы). Новосибирск: Наука, 1974. 143 с.
15. Бланутца В.И. Развёртывание информационно-коммуникационной сети как географический процесс (на примере становления сетевой структуры сибирской почты): монография. М.: Инфра-М, 2016. 246 с.
16. Бриних В.А., Ткаченко Е.Э., Кирилюк В.Е., Горошко О.А., Сараева Л.И., Кирилюк О.К., Васильченко А.А., Васильченко З.А., Сыроечковский Е.Е. Даурский заповедник. // Заповедники России. Заповедники Сибири. М.: Логата, 1999. С. 210–220.
17. Jiang R., Lu H., Chen D., Yang K., Guan D., Huang G., Tian F. Transboundary conflict from surface water scarcity under climate change // Nat Commun. 2025. No. 16. DOI: 10.1038/s41467-025-63568-y

References

1. Baranova OA. Behavioral reactions of the population to changes in living conditions in transborder areas. *Periphery. Journal of the Peripheries Studies*. 2025;(1):68–73. DOI: 10.38161/2949-6152-2025-1-68-73. EDN: EHFSVU (In Russian).
2. Malashenkov BM, Petryanin VV. Problems of spatial development of cross-border regions. *E-Journal Public Administration*. 2023;(99):115–130. DOI: 10.24412/2070-1381-2023-99-115-130. EDN: PMPRTX (In Russian).
3. Novikov AN. Border position of the Transbaikal Territory in the transboundary three-link region: role in the territorial organization of the population and economy. Chita: ZaBGU; 2015. 94 p. (In Russian).
4. Baklanov PYa, Novikov AN, Novikova MS. The influence of transboundariness on the territorial structures of Russian Primorsky krai and adjacent areas. *Uchenye Zapiski Kazanskogo Universiteta. Seriya Estestvennye Nauki*. 2018;160(1):162–177. (In Russian).
5. Novikov AN, Novikova MS, Gilfanova VI. Transport and settlement structures of Zabaykalskiy kray in the international cross-border ecology-centered region of the eastern junction points of the borders of Russia, Mongolia, and China. *Turismo Estudios & Práticas*. 2020. P. 4.
6. Biksaleev AA, Novikov AN. International cross-border three-link regions: theoretical generalization of the experience of integration of border specially protected natural territories. *Advances in Current Natural Sciences*. 2021;(12):95–100. DOI: 10.17513/use.37742. EDN: VTEIZD (In Russian).
7. Novikov AN, Biksaleev AA. Stages of cross-border integration of border specially protected natural areas at the junctions of the state borders of the three countries in various parts of the planet. 2022 IOP Conf. Ser.: Earth Environ. Sci. 1045 012160. DOI: 10.1088/1755-1315/1045/1/012160. EDN: KUMQZS
8. Novikov AN, Biksaleev AA. Assessment of the readiness of specially protected natural areas of the Transbaikal territory to the adversely changing nature of the neighborhood (in the context of the economic development of the region). *Transbaikal State University Journal*. 2023;29(4):33–43. DOI: 10.2109/2227-9245-2023-29-4-33-43. EDN: QUQMKJ (In Russian).
9. Baklanov PYa, Ganzei SS. Trans-boundary territories: the problems of sustainable nature use. Vladivostok: Dal'nauka; 2008. 216 p. (In Russian).
10. Baklanov PY, Novikov AN, Ptitsyn AB. Structural and geographical analysis of cross-border three-member areas. *Doklady Akademii Nauk*. 2016;468(1):97–99. DOI: 10.7868/S0869565216130132. EDN: VVHKWX (In Russian).
11. Rodoman BB. "Polarized Landscape": Half a Century Later. *Izvestiya Rossiiskoi Akademii Nauk. Seriya Geograficheskaya*. 2021;85(3):467–480. DOI: 10.31857/S2587556621030122. EDN: SJVCUH (In Russian).
12. Christaller W. Die zentralen Orte in Deutschland. USA: Prentice Hall; 1966. 230 p.
13. Yakushenkov SN, Yakushenkova OS. The American Frontier and Russian Analogies in the Volga and Lower Volga Regions. *The Caspian Region: Politics, Economics, Culture*. 2010;(1(22)):109–115. (In Russian).
14. Kosmachev KP. Pioneer development of taiga (economic and geographical problems). Novosibirsk: Nauka; 1974. 143 p. (In Russian).
15. Blanutza VI. Deployment of an information and communication network as a geographical process (on the example of the formation of the network structure of the Siberian post). Moscow: Infra-M; 2016. 246 p. (In Russian).
16. Brinikh VA, Tkachenko EEh, Kirilyuk VE, Goroshko OA, Saraeva LI, Kirilyuk OK (et al). Daursky Reserve. In: Nature reserves of Russia. Nature reserves of Siberia. Moscow: Logata; 1999. P. 210–220. (In Russian).
17. Jiang R., Lu H., Chen D., Yang K., Guan D., Huang G., Tian F. Transboundary conflict from surface water scarcity under climate change. *Nat Commun*. 2025;(16). DOI: 10.1038/s41467-025-63568-y

Информация об авторе

Новиков Александр Николаевич, д-р геогр. наук, доцент, Забайкальский государственный университет, г. Чита, Россия; geonov77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7086-6278>. Область научных интересов: территориальные структуры хозяйства и охраны природы.

Information about the author

Novikov Aleksandr Nikolaevich, Doctor of Geography, Associate Professor, Transbaikal State University, Chita, Russia; geonov77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7086-6278>. Research interests: territorial structures of economy and nature conservation.

**Статья поступила в редакцию 15.09.2025; одобрена после рецензирования 26.09.2025;
принята к публикации 30.09.2025.**

**Received 2025, September 15; approved after review 2025, September 26;
accepted for publication 2025, September 30.**

НЕДРОПОЛЬЗОВАНИЕ, ГОРНЫЕ НАУКИ

SUBSOIL USE, MINING SCIENCES

Научная статья

УДК 622.765.4

DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-34-43

Выбор режима флотации хвостов обогащения хромовых руд с применением катионных собирателей

Валерий Валентинович Морозов¹, Ирина Васильевна Пестряк²,
Николай Александрович Дубов³, Артемий Владимирович Троицкий⁴

^{1,2,4}Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Россия

³ООО «РАМ Инжиниринг», г. Москва, Россия

⁴ООО «РАМ», г. Москва, Россия

¹ dchmgu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4105-944X>

² spestryak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1745-6579>

³clariant@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2597-1456>

⁴a.v.troitski@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-7469-6938>

Актуальность исследования определяется важностью решения задачи переработки хромсодержащих лежальных хвостов, представляющих собой перспективный ресурс увеличения производства хромового концентрата и уменьшения экологической нагрузки на окружающую среду. Объект исследования – процессы переработки хромсодержащих лежальных хвостов с применением флотационной технологии. Предмет исследования – пробы лежальных хвостов Донского ГОКа. Цель исследования – определение оптимальных параметров флотационного обогащения лежальных хромовых хвостов. Основные задачи исследования: определение рациональных границ крупности фракции хромовых хвостов, переработка которой флотационным методом будет эффективна с позиции получения марочного концентрата при приемлемом извлечении ценного компонента; определение оптимального расхода собирателя, обеспечивающего получение требуемых конечных результатов флотационного обогащения по извлечению и качеству получаемого концентрата. Для выбора рациональных режимов обогащения применён метод оптимизации флотационного обогащения лежальных хромовых хвостов, который базируется на использовании нового экономически ориентированного критерия – функции стоимости не извлекаемого металла и потерь вследствие снижения качества получаемого концентрата (приведённых потерь хрома). Результатами проведённых исследований являются оптимальные параметры флотационного обогащения лежальных хромовых хвостов. Определён оптимальный расход собирателя, при котором достигается наименьшее значение приведённых потерь хрома. При применении выбранного расхода собирателя достигается содержание Cr_2O_3 в интервале 47–50 %, что соответствует марке концентрата М3 с соблюдением ограничений по массовой доле железа и оксида кремния. Показано, что выбранный для флотационного обогащения диапазон крупности хвостовой фракции, несмотря на отличающуюся флотируемость отдельных классов крупности, не требует корректировки путём доизмельчения или дополнительного обесшламливания. Основной вывод из проведенных исследований заключается в обосновании возможности и целесообразности применения флотационной технологии обогащения лежальных хромсодержащих хвостов широкого диапазона крупности, позволяющей получить марочный концентрат М3 с извлечением Cr_2O_3 72–76 %.

Ключевые слова: хромсодержащие хвосты, классы крупности, флотация, собиратель, расход, концентрация, содержание, извлечение, оптимизация, экономико-ориентированный критерий

Для цитирования

Морозов В. В., Пестряк И. В., Дубов Н. А., Троицкий А. В. Выбор режима флотации хвостов обогащения хромовых руд с применением катионных собирателей // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 34–43. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-34-43

© Морозов В. В., Пестряк И. В., Дубов Н. А., Троицкий А. В., 2025

Original article

Selection of the Flotation Mode for Tailings of Chromium Ore Processing Using Cationic Collectors

Valery V. Morozov¹, Irina V. Pestryak², Nikolay A. Dubov³, Artemiy V. Troitskiy⁴

^{1,2,4}National University of Science and Technology "MISIS", Moscow, Russia

³"RAM Engineering" Ltd, Moscow, Russia

⁴"RAM" Ltd, Moscow, Russia

¹dchmggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4105-944X>

²spestryak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1745-6579>

³clariant@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2597-1456>

⁴a.v.troitski@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-7469-6938>

The relevance of the work is determined by the importance of solving the problem of processing chromium-containing stored tailings, which represent a promising resource for increasing the production of chromium concentrate and reducing the environmental impact on the environment. The object of this study is the processing of chromium-containing tailings using flotation technology. The subject of the study is samples of stored tails of the Donskoy Mining and Processing Complex. The purpose of the research is to determine the optimal parameters of the flotation enrichment of the chromium-containing tailings. The main objectives of the research are to determine the rational interval of the fraction size of chromium-containing tailings, the processing of which by the flotation method would be effective from the point of view of obtaining a concentrate with acceptable recovery of a valuable component, and to determine the optimal collector consumption, ensuring the required final results of flotation enrichment in plane the recovery and quality of the chromium concentrate. To select rational enrichment modes, a method for optimizing the flotation enrichment of stored chromium-containing tailings has been applied, which is based on the use of a new economically oriented criterion - a function of the cost of non-recoverable metal and losses due to a decrease in the quality of the concentrate obtained (reduced chromium losses). The results of the conducted research are the optimal parameters of flotation enrichment of stored chromium-containing tailings. The optimal collector consumption has been determined, at which the lowest value of the reduced chromium losses is achieved. When using the selected collector flow rate, the Cr_2O_3 content is achieved in the range of 47–50 %, which corresponds to the M3 concentrate grade, subject to restrictions on the mass fraction of iron and silicon oxide. It is shown that the range of fineness of the tail fraction chosen for flotation enrichment, despite the different flotation capacity of individual fineness classes, does not require adjustment by additional grinding or additional desliming. The main conclusion from the conducted research is to substantiate the possibility and expediency of using flotation technology for processing stored chromium-containing tailings of a wide range of fineness, which makes it possible to obtain branded M3 concentrate with 72–76 % Cr_2O_3 recovery tailings using flotation technology.

Keywords: chrome tailings, class size, flotation, collector, consumption, concentration, content, recovery, optimization, economy-oriented criterion

For citation

Morozov V. V., Pestryak I. V., Dubov N. A., Troitskiy A. V. Selection of the Flotation Mode for Tailings of Chromium Ore Processing Using Cationic Collectors // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 34–43. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-34-43

Введение. Перспективным источником хрома в России и за рубежом являются техногенные образования, в первую очередь хромсодержащие хвосты, накопившиеся в процессе гравитационного обогащения руд [1; 2, с. 16, 17]. Содержание Cr_2O_3 в этих продуктах может достигать 30 % и более, что делает их привлекательным объектом с экономической точки зрения [3, с. 17, 18]. Такие техногенные месторождения могут быть повторно переработаны с применением комбинированных технологий, включающих процессы гравитационного, магнитного, флотационного обогащения и гидрометаллургической переработки [4, с. 12–14; 5, с. 6, 7; 6, с. 11], что определяет актуальность проведенного исследования.

Объект исследования – процессы переработки хромсодержащих лежальных хвостов с применением флотационной технологии.

Предмет исследования – пробы лежальных хвостов Донского ГОКа.

Цель исследования – определение оптимальных параметров флотационного обогащения лежальных хромовых хвостов.

Анализ литературных данных показывает, что для обогащения лежальных хвостов гравитационного обогащения хромовых руд перспективно применение флотационной или комбинированной гравитационно-флотационной технологии, обеспечивающей извлечение рудных минералов из тонких классов

[7, с. 39, 40; 8, с. 40]. В зависимости от основы минерального комплекса (хромит, хромшпинелиды, оливин или серпентин) выбирают реагентные режимы с применением жирнокислотных собирателей, алифатических аминов и других реагентов [9; 10, с. 823]¹.

Использование флотационной технологии предполагает выбор рациональной схемы пульпоподготовки и эффективного реагентного режима. Наиболее важным параметром подготовительных операций является выбор крупности флотируемого материала [11, с. 4, 5]. Как правило, во флотационный передел направляют определённый диапазон классов крупности исходных песков. По данным проведённых исследований зашламливание исходного питания или, напротив, подача чрезмерно крупного материала приводит к ухудшению показателей флотации [12, с. 60–62; 13, с. 24].

Основным параметром реагентного режима флотации хромовых и других типов руд являются концентрации и расходы реагентов, в первую очередь – собирателя [14, с. 584; 15, с. 126, 127]. Чрезмерные расходы собирателя, с одной стороны, увеличивают затраты на переработку сырья, а с другой – создают трудности при организации экологически безопасного замкнутого водооборота обогатительной фабрики.

Основной задачей исследований стал выбор оптимальных значений крупности флотируемого материала и расхода собирателя Oxfloat A-780. Для определения оптимальных параметров рудоподготовки, флотации схемы и технологии обогащения лежальных хвостов гравитационного обогащения хромовых руд Донского ГОКа проведены флотационные исследования в условиях варьирования крупности обогащаемого продукта и расхода собирателя.

Методология и методы исследования. Для получения питания процессов флотации с различной крупностью исходный материал – пробу лежальных хвостов Донского ГОКа – подвергали классификации гидроциклонированием на лабораторной установке в полузамкнутом режиме с выделением восьми продуктов. Контроль качества классификации пробы осуществляли рассевом мокрым способом по крупности 37 мкм. Удаляемая из процесса гидроциклонирования начальная фракция содержала наиболее крупные фракции (выход класса -37 мкм 17–30 %). Средние

фракции характеризовались выходом класса -37 мкм в 45–65 %. Мелкие фракции содержали 83–96 % класса -37 мкм.

Флотационные опыты проводили в механических флотомашинках механического типа «Механобр» с объёмом камеры 0,5 и 1,0 дм³. Навеску хвостов массой 200 г переносили в стакан объёмом 1 л, куда добавляли 800 мл оборотной воды. После агитации с собирателем в течение 2 мин пробу перегружали в лабораторную флотационную машину, где проводили операции флотации хромовой головки, основной и контрольной флотации (рис. 1).

Хвосты контрольной флотации являлись отвальным продуктом. Пенный продукт основной и контрольной флотации направлялся на перечистку во флотационную машину объёмом камеры 0,5 дм³. Расход воздуха во флотомашину, число оборотов импеллера и частота съёма пены поддерживались постоянными.

Концентрат перечистки и хромовая головка 4-го цикла, как и камерный продукт контрольной флотации, являлись конечными продуктами. Хвосты перечистки и концентрат контрольной флотации 1–3-го циклов флотации направлялись в голову последующего цикла.

В качестве собирателя и одновременно вспенивателя применяли реагент Oxfloat A-780, представляющий собой преимущественно смесь алифатических аминов и ацетамидов, разработанный для флотации окисленных металлических и неметаллических руд [16]. К особенностям данного собирателя относят высокую селективность и наличие вспенивающего эффекта². Расход собирателя в операции хромовой головки, основной и контрольной флотации, перечистной флотации составил 35, 30, 20 и 15 % соответственно.

Продолжительность флотации по указанным операциям составила 3, 5, 3 и 5 мин соответственно.

Замкнутый опыт включал 4 цикла флотации, что обеспечивало требуемое приближение к реальному процессу [17, с. 145].

Твёрдая фаза концентрата и хвостов поступала на химический анализ, проводившийся в соответствии с рекомендованными методиками.

¹ Методические рекомендации по применению Классификации запасов месторождений и прогнозных ресурсов твёрдых полезных ископаемых. Хромовые руды. – М., 2007. – 38 с.

² ГОСТ 15848.1-90. Руды хромовые и концентраты. Метод определения оксида хрома (III). – URL: <https://files.stroyinf.ru/Data2/1/4294836/4294836472.pdf> (дата обращения: 12.06.2025). – Текст: электронный.

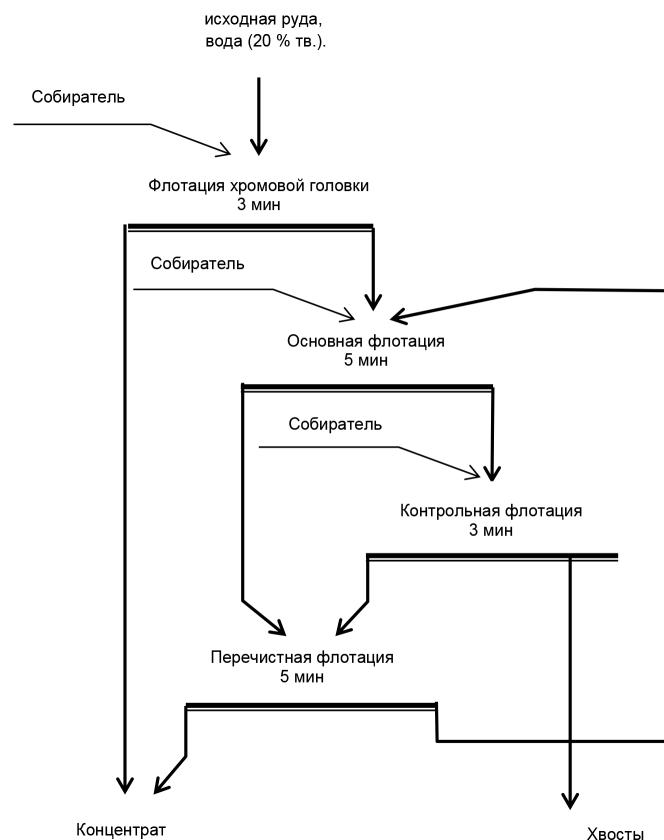

Рис. 1. Схема замкнутого флотационного опыта по флотации хромовых хвостов /
Fig. 1. Scheme of a closed flotation experiment on chrome tailings flotation

Для измерения концентрации применяемого собирателя применён титриметрический метод с индикатором Эозин Н [18, с. 49–51; 19, с. 30–32].

Результаты исследования. Результаты измерений остаточной концентрации собирателя в водной фазе операции кондиционирования, проведённых титриметрическим ме-

тодом с индикатором Эозин Н, показали, что мелкие классы хромовых хвостов в большей мере поглощают собиратель (таблица). Это приводит к более существенному снижению остаточной концентрации собирателя и обуславливает необходимость увеличения его расхода для поддержания требуемых условий флотации [20, с. 234, 235; 21, с. 29, 30].

Результаты измерения остаточной концентрации собирателя при кондиционировании хромсодержащих хвостов различной крупности с раствором различной концентрации /
Results of measuring the residual concentration of the collector during conditioning of chromium-containing tailings of various sizes with a solution of different concentrations

Содержание класса -37 мкм в пробе, % / Content of the class is less than 37 microns in the sample, %	Расход собирателя, г/т / Collector's consumption, g/t		
	600	700	800
	остаточная концентрация собирателя, мг/л / residual concentration of the collector, mg/l		
17	25,0	34,3	44,5
30	22,4	29,5	37,4
36	21,4	27,5	35,5
45	18,4	24,5	31,9
53	16,7	23,4	28,5
67	14,4	20,4	26,4
83	12,4	18,6	23,9
96	10,4	15,6	20,9
	Выбранные для экспериментов интервалы остаточных концентраций и расходы собирателя The ranges of residual concentrations selected for the experiments and the collector's expenses		

При флотации выделенных навесок различной крупности поддерживался расход собирателя 600, 700 и 800 г/т. В соответствии с практикой флотации хромовых руд, больший расход собирателя (800 г/т) использовали при флотации проб крупностью 83 и 96 % класса -37 мкм, меньший (600 г/т) – при флотации проб крупностью 17, 30 и 36 % класса 37 мкм. По данным измерений остаточной концентрации собирателя выбранный интервал варьирования расхода реагента – собирателя – обеспечивал близкую остаточную концентрацию собирателя – 20–25 мг/л (см. таблицу).

Задачей первого цикла исследований стало определение флотируемости отдельных классов крупности хромовых хвостов. Такие исследования необходимы для выбора границ крупности флотируемого класса, а также для установления уровня влияния шламовых классов на флотацию объединённой пробы [22, с. 203]. Конечной целью исследований стало установление целесообразности доизмельчения или разделения исходного материала на отдельные классы крупности для достижения их лучшей обогатимости [23, с. 11–13].

Результаты флотационных опытов, проводимых в замкнутом цикле, показали, что при варьировании крупности флотируемого материала прослеживается закономерность снижения технологических показателей – извлечения хрома и качества концентратата при флотации крупных (менее 30 % класса -37 мкм) и мелких (более 60 % класса -37 мкм) фракций (рис. 2).

Сопоставление качественно-количественных показателей, полученных после измерения содержания Cr_2O_3 и расчёта технологических балансов, показало, что для всех классов крупности показана возможность получения концентрата с содержанием Cr_2O_3 46–51 % при достаточно высоком извлечении (63–77 %). Суммарное извлечение Cr_2O_3 в концентрат составило 70,2 %, содержание хрома в концентрате – 49,6 %.

Обогатимость отдельных классов крупности хвостов гравитационного обогащения флотацией оценивалась с применением экономически ориентированного комплексного критерия. Применённый критерий оптимизации представлял собой функцию приведённых потерь, определяющую стоимость теряемого металла и дополнительно учитывавшую изменение стоимости концентратата при изменении его качества. Используемый критерий, по сути, аналогичен предложенному авторами работы [24, с. 1227, 1228]. Расчёчная зависимость для определения значения критерия приведённых потерь имеет следующий вид:

$$Q_t = \varepsilon^* \mathbb{U}_{\text{Cr}} \alpha_{\text{Cr}} + \varepsilon_{\text{Cr}} \mathbb{U}_{\text{Cr}} \alpha_{\text{Cr}} (50 - \beta_{\text{Cr}}) \Delta \mathbb{U}_{\text{Cr}} \quad (1)$$

где $\varepsilon^* \mathbb{U}_{\text{Cr}}$ – извлечение и потери Cr_2O_3 в процессе флотации; \mathbb{U} – цена металла в концентрате M3; α_{Cr} , β_{Cr} – содержание Cr_2O_3 в исходном питании и концентрате; $\Delta \mathbb{U}_{\text{Cr}}$ – потери стоимости концентратата при снижении массовой доли Cr_2O_3 менее 50 % (в расчёте на 1 %).

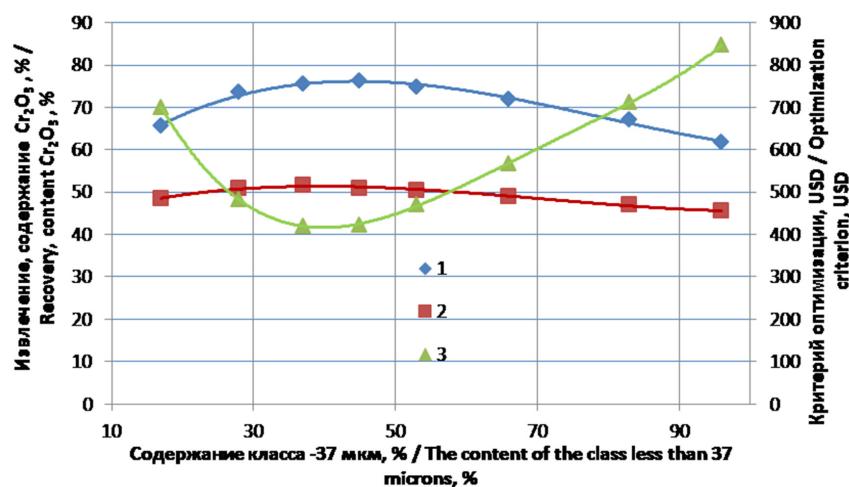

Рис. 2. Зависимости извлечения (1), содержания (2) Cr_2O_3 в концентрате и критерия оптимизации (3) от содержания класса -37 мкм во флотируемом материале /

Fig. 2. Dependences of recovery (1), Cr_2O_3 content (2) in the concentrate and optimization criterion (3) on the content of class -37 microns in the floated material

Целесообразность применения экономических критериев оценки эффективности технологического процесса обусловлена в первую очередь противоположным влиянием расхода собирателя на извлечение ценного компонента и качества получаемого концентрата [25, с. 180, 181].

Анализ полученной зависимости (см. рис. 2, кривая 3) показывает заметные отличия во флотируемости различных классов крупности и, в частности, существенное увеличение потерь ценного компонента в стоимостном выражении, связанных с уменьшением извлечения хрома и снижения качества концентрата при флотации более мелких классов.

В целом, полученные результаты позволяют заключить, что общая проба не содержит труднофлотируемых классов, а её дополнительная классификация с целью удаления

мелких классов или доизмельчение крупных классов нецелесообразны. Сравнение расчётных показателей обогащения отдельных классов крупности с фактически полученными показателями при флотации объединённой пробы показало, что использование раздельной флотации позволит увеличить извлечение и содержание Cr_2O_3 на 0,5–1,5 %, однако такой прирост не компенсирует затраты на операции гидравлической классификации и раздельной флотации.

Дальнейшие исследования, целью которых стало определение оптимального расхода собирателя, проводили на общей пробе со средним содержанием класса -37 мкм 50 %. Результаты проведённых флотационных экспериментов показали, что увеличение расхода собирателя закономерно уменьшает потери Cr_2O_3 , но при этом снижается качество получаемого концентрата (рис. 3).

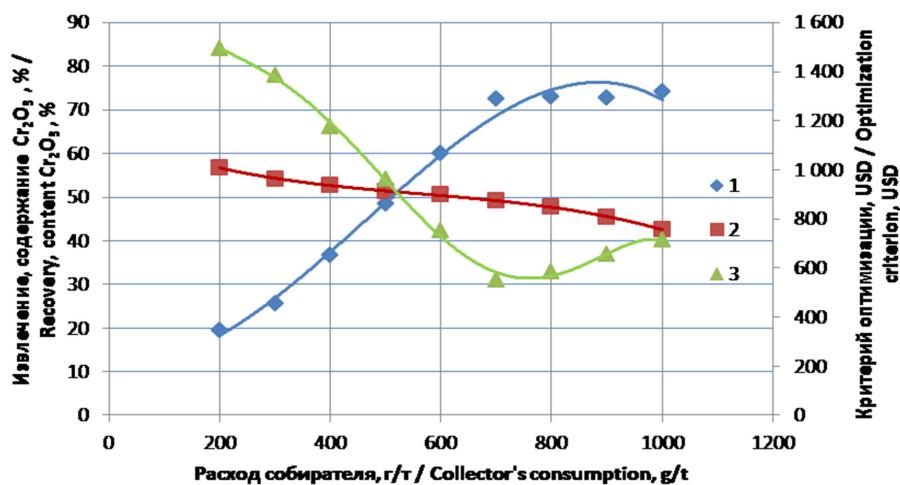

Рис. 3. Зависимости извлечения (1), содержания (2) Cr_2O_3 в общем концентрате и критерия оптимизации от расхода собирателя / **Fig. 3.** Dependences of recovery (1) and content (2) of Cr_2O_3 in the total concentrate and optimization criterion on collector consumption

Извлечение хрома плавно увеличивается при увеличении расхода собирателя от 200 до 600 г/т и стабилизируется при расходе 800–1000 г/т (см. рис. 2). При этом во всём диапазоне расходов имеет место снижение массовой доли Cr_2O_3 (см. рис. 3). Максимальное извлечение Cr_2O_3 в концентрат достигается при общем расходе собирателя 650–800 г/т, при этом достигается массовая доля Cr_2O_3 в интервале 47–50 %, что соответствует марке концентрата М3 по ТУ 2111-003-52967881-2009. Массовая доля железа и оксида кремния не превышает установленных кондиций.

Оптимальный расход собирателя во флотационный цикл так же, как и в предыдущих исследованиях, определён с использованием экономически ориентированного критерия приведённых потерь.

Полученная зависимость критерия оптимизации (см. рис. 3, кривая 3) характеризуется выраженным минимумом в области расхода собирателя 700 г/т. Полученная величина расхода собирателя позволяет оценить предполагаемые затраты на реагенты при использовании флотационной технологии обогащения лежальных хвостов Донского ГОКа.

Таким образом, проведённые эксперименты показали возможность и целесообразность применения флотационного обогащения лежальных хвостов, позволяющего получить марочный концентрат МЗ с извлечением Cr_2O_3 в концентрат 72–76 %. Показано, что выбранный диапазон крупности хвостовой фракции не требует корректирования гранулометрического состава путём доизмельчения или дополнительного обесшламливания. В результате технико-экономической оценки также определён рациональный расход собирателя – 700 г/т, при котором достигается наименьшее значение экономически ориентированного критерия оптимизации – приведённых потерь хрома.

Заключение. Проведённое исследование позволило определить параметры флотационного обогащения лежальных хромовых хвостов. С использованием экономико-ориентированного критерия – функции стоимости теряемого с хвостовыми продуктами металла и стоимостных потерь вследствие снижения

качества концентратов (приведённых потерь хрома) – определена обогатимость рудного материала различной крупности и выбран диапазон оптимального расхода собирателя.

Показано, что мелкие классы флотируемого материала в большей мере поглощают собиратель, что приводит к снижению его остаточной концентрации и обуславливает необходимость увеличения расхода.

Подтверждены возможность и целесообразность применения флотационной технологии обогащения лежальных хвостов Донского ГОКа, позволяющей получить марочный хромовый концентрат с извлечением 72–76 %.

Установлено, что выбранный для флотационного обогащения диапазон крупности хвостовой фракции не требует корректирования гранулометрического состава путём доизмельчения или дополнительного обесшламливания. Показано, что минимальные значения используемого критерия оптимизации (приведённых потерь хрома) достигаются при расходе собирателя 700 г/т.

Список литературы

- Гришин И. А., Князбаев Ж.А. Анализ современного состояния теории и практики обогащения хромовых руд. Обзор // Комплексное использование минерального сырья. 2017. № 1. С. 10–15.
- Абдулвалиев Р.А., Абыкирова Г.Ж., Дюсенова С.Б., Имангалиева Л.М. Обогащение хромитсодержащих шламов // Обогащение руд. 2017. № 6. С. 15–19. DOI: 10.17580/or.2017.06.03. EDN: ZWMLPJ
- Газалеева Г. И., Шихов Н. В., Власов И. А., Шигаева В. Н. Разработка технологии дообогащения хромитовых хвостов Донского ГОКа // Обогащение руд. 2017. № 2. С. 15–19. DOI: 10.17580/or.2017.02.03. EDN: YKVZEF
- Гладышев С.В., Абдулвалиев Р.А., Кенжалиев Б.К., Дюсенова С.Б., Имангалиева Л.М. Получение хромитового концентратов из хвостов обогащения // Комплексное использование минерального сырья. 2018. № 1. С. 12–17.
- Mati S., Cukalla M., Bakallbashi J. New concepts and solutions for beneficiation of low-grade chrome ores in Albania. 2024. URL: <https://www.researchgate.net/publication/385903331> (дата обращения: 14.05.2025). Текст: электронный.
- Tastanov Y., Serzhanova N., Ultarakova A., Sadykov N., Erzhanova Z., Tastanova A. Recycling of chrome-containing waste from a mining and processing plant to produce industrial products // Processes. 2023. Vol. 11. DOI: 10.3390/pr11061659. EDN: NIFUFA
- Имекешова М.А., Серик Ж.С. Особенности обогащения хромсодержащих шламовых хвостов в условиях южно-кемпирского месторождения (Республика Казахстан) // Современные проблемы транспортного комплекса России. 2024. Т. 14, № 3. С. 38–42.
- Морозов Ю.П., Абыкирова Г.Ж., Бекчурин Е.А., Дюсенова С.Б. Повышение эффективности флотоклассификации руд и хвостов обогащения // Обогащение руд. 2017. № 2. С. 38–43. DOI: 10.17580/or.2017.02.07. EDN: YKVZFT
- Yigit E., Saridede M. N., Ozcimen D. The flotation of South African chromite ores in acidic media // Proceedings 23rd International Conference on Metallurgy and Materials. 2014. P. 1357–1361. URL: https://www.researchgate.net/publication/288108263_The_flotation_of_South_African_chromite_ores_in_acidic_media (дата обращения: 12.06.2025). Текст: электронный.
- Güven O., Serdengeçti V., Tunç B., Ozdemir O., Karaağaoğlu I., Çelik M. Effect of particle shape properties on selective separation of chromite from serpentine by flotation // Physicochemical Problems of Mineral Processing. 2020. No. 56. P. 818–828. DOI: 10.37190/ppmp/125734. EDN: YDKSZG
- Ross V., Ramonotsi M., Marape G. A study on the recovery of fine chromite from UG2 tailings // Minerals Engineering. 2022. No. 187. 107801. DOI: 10.1016/j.mineng.2022.107801. EDN: NMACIS
- Тусбаев Б.Н., Алиакпарова Г.М., Акимжанов Ж.А., Кауанова Л.С., Сандыбеков Р.А., Абдуразакова Б.Б. Исследование флотационного обогащения хромсодержащих шламовых хвостов шламохранилищ Донского ГОКа в период 2017–2020 годов // Интернаука. 2021. No. 43. DOI: 10.32743/26870142.2021.43.219.314207. EDN: LPTNVL

13. Иванов Г.И., Шевченко И.В., Каменева Е.В., Кузьмин С.А. Флотация шламов хромовых руд из отходов гравитационного обогащения // Интеграция науки и производства в горно-металлургической промышленности: сб. науч. тр. ВНИИЦВЕТМЕТ. 2016. С. 22–28.
14. Deniz V. Application of multiple linear regression (MLR) analysis for concentration of chromite tailings by the flotation // Physicochemical Problem of Mineral Processing. 2020. № 56. Р. 579–589. DOI: 10.37190/prmp/122710.
15. Кондратьев С.А., Семьянова Д.В. Закономерности флотации несульфидных минералов катионными сорбентами // Физико-технические проблемы разработки полезных ископаемых. 2016. № 2. С. 119–130.
16. Yingyong G., Kuangdi X. Aliphatic Amine Collector // The ECPH Encyclopedia of Mining and Metallurgy / ed. K. Xu. Springer, Singapore, 2023. DOI: 10.1007/978-981-19-0740-1_864-1
17. Митрофанов С.И., Барский Л.А., Самыгин В.Д. Исследование полезных ископаемых на обогащаемость. М.: Недра, 1974. 352 с.
18. Сергеев И.А., Суслов С.Ю., Тимофеев Н.В. Аналитические методики определения содержания полиаминов в водах ТЭС // Энергетик. 2014. С. 48–52.
19. Пестряк И.В., Морозов В.В., Гордей Ю.А., Новиков Н.Д., Королев А.В. Разработка методик измерения концентрации катионного сорбента и флокулянта в водной фазе флотационной пульпы // Научные основы и практика переработки руд и техногенного сырья: сб. ст. XXX Междунар. науч.-техн. конф. Екатеринбург, 2025. С. 30–33.
20. Gallios G.P., Deliyanni E.A., Peleka E.N., Matis K.A. Flotation of chromite and serpentine // Separation and Purification Technology. 2007. Vol. 55, iss. 2. Р. 232–237. DOI: 10.1016/j.seppur.2006.12.015. EDN: KNTAOX
21. Yuexian Yu, Liqiang Ma, Mingli Cao, Qi Liu. Slime coatings in froth flotation: A review // Minerals Engineering. 2017. Vol. 114. Р. 26–36. DOI: 10.1016/j.mineng.2017.09.002. EDN: YHGLUW
22. Phiri T., Tepa C., Nyati, R. Effect of Desliming on Flotation Response of Kansanshi Mixed Copper Ore // Journal of Minerals and Materials Characterization and Engineering. 2019. No. 7. Р. 193–212. DOI: 10.4236/jmmce.2019.74015
23. Cedrick I.S., Patrick T.N., Gigi K.K., Jean-Marie K.N., Hugues D.W.M. Influence of particle size on the batch flotation of Concentrator Tailings with a view to their industrial recovery // Advance Research Journal of Multidisciplinary Discoveries. 2022. No. 78. Р. 7–15. DOI: 10.5281/zenodo.7590252
24. Morozov V.V., Lodoy, Delgerbat, Ishgen Churelchuluun, Jargalsaikhan Erdenezul. Application of optical analysis of ore for automated control of the ore beneficiation. IFAC-PapersOnLine. 2021. No. 54. Р. 1224–1229. DOI: 10.1016/j.ifacol.2021.08.145. EDN: BLXUSR
25. Эрдэнээул Жаргалсайхан, Морозов В.В. Оптимизация крупности измельчения медно-молибденовых руд с использованием модельориентированных критериев // Горный информационно-аналитический бюллетень. 2018. No. 8. С. 176–183. DOI: 10.25018/0236-1493-2018-8-0-176-183. EDN: LXSWMX

References

1. Grishin IA, Knyazbaev ZhA. Analysis of the current state of theory and practice of chrome ore beneficiation. *Kompleksnoe Ispol'zovanie Mineral'nogo Syriya*. 2017;(1):10–15. (In Russian).
2. Abdulvaliev RA, Abdykirova GZh, Dyusenova SB, Imangaliyeva LM. Concentration of chromite-containing slimes. *Obogashchenie Rud*. 2017;(6):15–19. DOI: 10.17580/or.2017.06.03. EDN: ZWMLPJ (In Russian).
3. Gazaleeva GI, Shikhov NV, Vlasov IA, Shigaeva VN. The Donskoy ore mining and processing industrial complex chromite tailings retreatment technology development. *Obogashchenie Rud*. 2017;(2):15–19. DOI: 10.17580/or.2017.02.03. EDN: YKVZEF (In Russian).
4. Gladyshev SV, Abdulvaliyev RA, Kenzhaliyev BK, Dyusenova SB, Imangaliyeva LM. Production of chromite concentrate from tailing of ore beneficiation. *Kompleksnoe Ispol'zovanie Mineral'nogo Syriya*. 2018;(1):12–17. (In Russian).
5. Mati S, Cukalla M, Bakallbashi J. New concepts and solutions for beneficiation of low-grade chrome ores in Albania; 2024. Available at: <https://www.researchgate.net/publication/385903331> (accessed 14.05.2025).
6. Tastanov Y, Serzhanova N, Ultarakova A, Sadykov N, Erzhanova Z, Tastanova A. Recycling of chrome-containing waste from a mining and processing plant to produce industrial products. *Processes*. 2023;11. DOI: 10.3390/pr11061659. EDN: NIFUFA
7. Imekeshova M, Serik Zh. Peculiarities of processing of chromium-containing slurry tailings in conditions of the south kempirsay deposit (republic of Kazakhstan). *Subsurface Management and Transportation Systems*. 2024;14(3):38–42. (In Russian).
8. Morozov YuP, Abdykirova GZh, Bekchurina EA, Dyussenova SB. Ores and processing tailings flotation classification efficiency increase. *Obogashchenie Rud*. 2017;(2):38–43. DOI: 10.17580/or.2017.02.07. EDN: YKVZFT (In Russian).
9. Yigit E, Sarıdede MN, Ozçimen D. The flotation of South African chromite ores in acidic media. In: Proceedings 23rd International Conference on Metallurgy and Materials; 2014. P. 1357–1361. Available at: https://www.researchgate.net/publication/288108263_The_flotation_of_South_African_chromite_ores_in_acidic_media (accessed 12.06.2025).

10. Güven O, Serdengeçti V, Tunç B, Ozdemir O, Karaağaçlıoğlu I, Çelik M. Effect of particle shape properties on selective separation of chromite from serpentine by flotation. *Physicochemical Problems of Mineral Processing*. 2020;(56):818–828. DOI: 10.37190/ppmp/125734. EDN: YDKSZG
11. Ross V, Ramonotsi M, Marape G. A study on the recovery of fine chromite from UG2 tailings. *Minerals Engineering*. 2022;(187):107801. DOI: 10.1016/j.mineng.2022.107801. EDN: NMACIS
12. Tusbayev B, Aliakparova G, Akimzhanov Zh, Kauanova L, Sandybekov R, Abdurzakova B. Study of flotation enrichment of chromium-containing sludge tails of slurry deposits of the Donskoy GOK in the period of 2017–2020. *Internauka*. 2021;(43). DOI: 10.32743/26870142.2021.43.219.314207. EDN: LPTNVL (In Russian).
13. Ivanov GI, Shevchenko IV, Kameneva EV, Kuzmin SA. Flotation of chromite ore slimes from gravity concentration waste. In: Integration of Science and Production in the Mining and Metallurgical Industry. Proceedings of VNIItsvetmet; 2016. P. 22–28. (In Russian).
14. Vedat Deniz. Application of multiple linear regression (MLR) analysis for concentration of chromite tailings by the flotation. *Physicochemical Problem of Mineral Processing*. 2020;(56):579–589. DOI: 10.37190/ppmp/122710
15. Kondratiev SA, Semyanova DV. Patterns of flotation of non-sulfide minerals with cationic collectors. *Fiziko-Tekhnicheskiye Problemy Razrabotki Poleznykh Iskopaemykh*. 2016;(2):119–130. (In Russian).
16. Yingyong G, Kuangdi X. Aliphatic Amine Collector. In: Xu K (ed). The ECPH Encyclopedia of Mining and Metallurgy. Springer, Singapore; 2023. DOI: 10.1007/978-981-19-0740-1_864-1
17. Mitrofanov SI, Barskii LA, Samygin VD. Study of minerals for beneficiation. Moscow: Nedra; 1974. 352p. (In Russian).
18. Sergeev IA, Suslov SYu, Timofeev NV. Analytical methods for determining the content of polyamines in thermal power plant waters. *Energetik*. 2014;48–52. (In Russian).
19. Pestryak IV, Morozov VV, Gordei YuA, Novikov ND, Korolev AV. Development of methods for measuring the concentration of cationic collector and flocculant in the aqueous phase of flotation pulp. In: Scientific foundations and practice of processing ores and technogenic raw materials: collection of articles. XXX Int. scientific and technical. conf. Ekaterinburg; 2025. P. 30–33. (In Russian).
20. Gallios GP, Delianni EA, Peleka EN, Matis KA. Flotation of chromite and serpentine. *Separation and Purification Technology*. 2007;55(2):232–237. DOI: 10.1016/j.seppur.2006.12.015. EDN: KNTAOX
21. Yuexian Yu, Liqiang Ma, Mingli Cao, Qi Liu. Slime coatings in froth flotation: A review. *Minerals Engineering*. 2017;114:26–36. DOI: 10.1016/j.mineng.2017.09.002. EDN: YHGLUW
22. Phiri T, Tepa C, Nyati R. Effect of Desliming on Flotation Response of Kansanshi Mixed Copper Ore. *Journal of Minerals and Materials Characterization and Engineering*. 2019;(7):193–212. DOI: 10.4236/jmmce.2019.74015
23. Cedrick IS, Patrick TN, Gigi KK, Jean-Marie KN, Hugues DWM. Influence of particle size on the batch flotation of Concentrator Tailings with a view to their industrial recovery. *Advance Research Journal of Multidisciplinary Discoveries*. 2022;(78):07–15. DOI: 10.5281/zenodo.7590252
24. Morozov VV, Loday, Delgerbat, Ishgen Churelchuluun, Jargalsaikhan Erdenezul. Application of optical analysis of ore for automated control of the ore beneficiation. In: IFAC-PapersOnLine. 2021;(54):1224–1229. DOI: 10.1016/j.ifacol.2021.08.145. EDN: BLXUSR
25. Erdenesul J, Morozov VV. Optimizing copper-molybdenum ore milling coarseness using model-oriented criteria. *Mining Informational and Analytical Bulletin (Scientific and Technical Journal)*. 2018;(8):176–183. DOI: 10.25018/0236-1493-2018-8-0-176-183. EDN: LXSWMX (In Russian).

Сведения об авторах

Морозов Валерий Валентинович, д-р техн. наук, профессор, профессор кафедры общей и неорганической химии, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Россия; dchmggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4105-944X>. Область научных интересов: исследование и моделирование физико-химических процессов переработки рудного сырья, автоматизированный контроль процессов обогащения.

Пестряк Ирина Васильевна, д-р техн. наук, доцент, зав. кафедрой общей неорганической химии, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Россия; spestryak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1745-6579>. Область научных интересов: исследование и моделирование физико-химических процессов переработки техногенного сырья, методики аналитического контроля процессов обогащения.

Дубов Николай Александрович, ведущий технолог, ООО «PAM Инжиниринг», г. Москва, Россия; clariant@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2597-1456>. Область научных интересов: исследование и разработка технологий процессов обогащения.

Троицкий Артемий Владимирович, аспирант кафедры общей и неорганической химии, Национальный исследовательский технологический университет «МИСИС», г. Москва, Россия; старший технолог, ООО «PAM», г. Москва, Россия; a.v.troitski@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-7469-6938>. Область научных интересов: исследование и разработка технологий процессов обогащения.

Information about the authors

Morozov Valery V., Doctor of Technical Sciences, Professor, Professor of the General and Inorganic Chemistry department, National University of Science and Technology "MISIS", Moscow, Russia; dchmggu@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-4105-944X>. Research interests: research and modeling of physical and chemical processes of ore processing; automated control of enrichment processes.

Pestryak Irina V., Doctor of Technical Sciences, Associate Professor, Head of the General Inorganic Chemistry department, National University of Science and Technology "MISIS", Moscow, Russia; spestryak@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1745-6579>. Research interests: research and modeling of physical and chemical processes of processing technogenic raw materials; methods of analytical control of enrichment processes.

Dubov Nikolay A., Leading Process Engineer, "RAM Engineering" Ltd, Moscow, Russia; clariant@mail.ru, <https://orcid.org/0009-0009-2597-1456>. Research interests: research and development of technologies for enrichment processes.

Troitskiy Artemiy V., Postgraduate Student, General and Inorganic Chemistry department, National University of Science and Technology "MISIS", Moscow, Russia; senior process engineer, "RAM" Ltd, Moscow, Russia; a.v.troitski@gmail.com, <https://orcid.org/0009-0006-7469-6938>. Research interests: research and development of technologies for enrichment processes.

Вклад авторов в статью

Морозов В.В. – выбор направления, разработка программы исследований, анализ результатов.

Пестряк И. В. – разработка методик исследований, анализ результатов.

Дубов Н. А. – экспериментальные исследования.

Троицкий А. В. – экспериментальные исследования.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors' contribution to the article

Morozov V.V – selection of the direction, development of the research program, analysis of the results.

Pestryak I. V. – development of the research methods, analysis of the results.

Dubov N. A. – experimental research.

Troitskiy A. V. – experimental research.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 28.07.2025; одобрена после рецензирования 26.08.2025; принята к публикации 25.09.2025.

Received 2025, July 28; approved after review 2025, August 26; accepted for publication 2025, September 25.

ПОЛИТОЛОГИЯ

POLITOLOGY

Научная статья

УДК 321.02

DOI 10.21209/2227-9245-2025-31-3-44-53

Инклюзивность возраста: институциональные основы возраст-ориентированной государственной политики

Полина Игоревна Ананченкова

Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддина

Национальной академии наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан

ananchenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3683-5168>

Статья посвящена анализу институциональных основ возраст-ориентированной государственной политики в условиях глобального демографического старения. Несмотря на растущее признание возраста как политически значимой категории, во многих странах сохраняются фрагментарность возрастной повестки, доминирование патерналистских практик и слабая институциональная чувствительность к проблемам эйджизма и возрастной сегрегации. Объект исследования – возрастная политика государств, предмет – институциональные формы и механизмы реализации политики возрастной инклюзивности. Цель исследования – проанализировать концептуальные и институциональные основания age mainstreaming как стратегии включения возрастного измерения в процессы государственного управления. В рамках исследования решаются следующие задачи: обоснование теоретико-методологических оснований возрастной инклюзии; анализ международных и национальных стратегий age mainstreaming; выявление институциональных практик, обеспечивающих вовлечение пожилых граждан в общественно-политическую жизнь; обозначение вызовов реализации возрастно-чувствительной политики на уровне государства. Методология исследования основана на институциональном анализе, нормативной политологии и сравнительном подходе к политическим практикам демографической адаптации. В результате показано, что возрастная инклюзивность требует переосмысления старости как активного этапа жизни и трансформации архитектуры государственного управления. Раскрываются барьеры к институционализации age mainstreaming, включая слабую межведомственную координацию, недостаточную представленность пожилых в органах власти, ограниченное нормативное признание возраста как фактора неравенства. Отмечается значимость международного опыта (Организации Объединённых Наций, Всемирной организации здравоохранения, Европейского союза), а также анализируются российские инициативы в рамках национального проекта «Демография». В целом, государственная политика по отношению к пожилому населению находится на этапе становления, и, несмотря на определённые подвижки, отсутствует системное внедрение принципов age mainstreaming, как и межведомственная согласованность действий. Это создаёт риски для устойчивого развития и усиливает возрастные неравенства. Сделан вывод о том, что возрастная инклюзия – это не только социальная необходимость, но и политический вызов, требующий системной интеграции возрастного измерения в политику устойчивого развития, равенства и демократии.

Ключевые слова: возрастная инклюзия, политика активного долголетия, демографическое старение, институционализм, участие пожилых, серебряная экономика, эйджизм, устойчивое развитие, политика равенства, социальная справедливость

Для цитирования

Ананченкова П.И. Инклюзивность возраста: институциональные основы возраст-ориентированной государственной политики. // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 44–53. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-44-53

© Ананченкова П. И., 2025

Original article**Age Inclusivity: Institutional Foundations of the Age-Oriented Public Policy****Polina I. Ananchenkova**

A. Bakhvaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan
ananchenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3683-5168>

The article is devoted to the analysis of the institutional foundations of age-oriented public policy in the context of global demographic aging. Despite the growing recognition of age as a politically significant category, in many countries the fragmented age agenda remains the dominance of paternalistic practices and weak institutional sensitivity to the problems of ageism and age segregation. The object of the research is the age policy of states; the subject is the institutional forms and mechanisms for implementing the policy of age inclusivity. The purpose of the work is to analyze the conceptual and institutional foundations of age mainstreaming as a strategy for integrating the age dimension into public administration processes. The research solves the following tasks: substantiation of the theoretical and methodological foundations of age inclusion; analysis of international and national strategies of age mainstreaming; identification of institutional practices that ensure the involvement of older citizens in public and political life; identification of challenges to the implementation of age-sensitive policies at the state level. The research methodology is based on institutional analysis, normative political science and a comparative approach to the political practices of demographic adaptation. As a result, it is shown that age inclusivity requires rethinking old age as an active stage of life and transforming the architecture of public administration. The barriers to the institutionalization of age mainstreaming are revealed, including weak interagency coordination, insufficient representation of the elderly in government, and limited normative recognition of age as a factor of inequality. The importance of international experience (UN, WHO, EU) is noted, as well as Russian initiatives within the framework of the national Demography project are analyzed. In general, the state policy towards the elderly population is at the stage of formation, and despite some progress, there is no systematic implementation of the principles of age mainstreaming, as well as interdepartmental coordination of actions. This poses risks to sustainable development and increases age inequalities. It is concluded that age inclusion is not only a social necessity, but also a political challenge that requires the systematic integration of the age dimension into the policy of sustainable development, equality and democracy.

Keywords: age inclusion, active longevity policy, demographic aging, institutionalism, participation of the elderly, silver economy, ageism, sustainable development, equality policy, social justice

For citation

Ananchenkova P.I. Age Inclusivity: Institutional Foundations of the Age-Oriented Public Policy // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 44–53. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-44-53

Введение. Актуальность темы исследования. Демографическое старение, охватывающее подавляющее большинство стран мира, привело к формированию новой парадигмы в сфере государственной политики, требующей признания возраста как ключевой категории социального и политического анализа. Согласно прогнозам Организации Объединённых Наций (далее – ООН) к середине XXI в. доля людей старше 65 лет превысит 16 % общего населения планеты, а в некоторых развитых странах – и 25 % [1]. Данные трансформации делают необходимым институциональный переход от традиционной патерналистской модели обращения с пожилыми к модели, основанной на принципах инклюзивности, прав человека и равенства возможностей.

Категория инклюзивности возраста обозначает подход, при котором все возрастные группы признаются равноправными субъектами общественной и политической жизни, а

сама возрастная разность становится основой для конструктивной институциональной адаптации. В рамках такого подхода возраст рассматривается не как источник ограничений, а как социальный и политический ресурс, требующий системной поддержки через управление, участие, нормативное регулирование и инфраструктурную модернизацию.

Концепт age mainstreaming, зафиксированный в ряде международных документов (включая Мадридский международный план действий по проблемам старения 2002 г.), выступает ключевым методологическим и управлением ориентиром. Он предполагает включение возрастного измерения на всех уровнях принятия решений, в том числе при разработке законов, программ, бюджетов и мониторинговых систем. Институциональное оформление возрастно-чувствительной политики становится неотъемлемым элементом стратегии устойчивого развития, справедливости и социальной сплочённости.

Несмотря на растущее признание возраста как политически значимой категории, во многих странах сохраняются фрагментарность возрастной повестки, доминирование патерналистских практик и слабая институциональная чувствительность к проблемам эйджизма и возрастной сегрегации, что обуславливает актуальность анализа именно институциональных основ возраст-ориентированной государственной политики, включающих правовые нормы, управлеческие практики, межведомственные механизмы и инструменты политического участия пожилых граждан.

Объект исследования – возрастная политика государств.

Предмет исследования – институциональные формы и механизмы реализации политики инклюзивности возраста.

Цель исследования – проанализировать концептуальные и институциональные основания *age mainstreaming* как стратегии включения возрастного измерения в процессы государственного управления.

Для достижения цели в статье решаются следующие **задачи**:

- обосновать теоретические и методологические основания возрастной инклюзивности;
- проанализировать международные и национальные стратегии, закрепляющие *age mainstreaming*;
- выявить институциональные практики, обеспечивающие вовлечение пожилых в общественно-политическую жизнь;
- обозначить вызовы реализации возрастно-инклюзивной политики на уровне государства.

Методологическую основу исследования составили институциональный анализ, методы нормативной политологии, а также сравнительный подход к исследованию политических практик в области демографической адаптации в контексте возрастной инклюзии как процесса активного включения пожилых граждан в социальные, политические, экономические, культурные и иные практики.

Разработанность темы исследования. Конец XX и начало XXI в. с точки зрения социально-демографических процессов актуализировали возрастную повестку и обусловили повышенное внимание учёных – социологов, политологов, медиков – к вопросам старения. Российские учёные Н.Н. Шестакова, М.Г. Джанелидзе и М.Б. Скворцова указывают на то, что «установленной и подтверждённой общеизвестной демографической тенденцией являются

изменение возрастной структуры населения в направлении увеличения доли старших возрастов. Этот процесс, дополненный выраженным фактором увеличения продолжительности жизни человека, носит название «демографическое старение населения» [2, с. 59].

Известный российский социолог М.Э. Елютина отмечает: «Проблема старения в некотором смысле представляет собой совершенно новый социальный феномен, с которым человечество столкнулось лишь в XX в., особенно в последние его десятилетия... Век XX характерен тем, что он сформировал и пытается решить проблему стариков. Старость, становясь длительным и значительным этапом индивидуального развития, индикатором направлений изменения социальных процессов макроструктурного уровня, концептуализирует основы социальной политики в контексте глобальной ситуации на рубеже веков» [3, с. 9].

Институциональная теория занимает центральное место в современной политической науке, предлагая разнообразные подходы к анализу политических институтов и их влияния на поведение акторов из числа социальных групп населения, которые относятся к старшим возрастным.

Американский экономист, лауреат Нобелевской премии по экономике 1993 г. Дуглас Норт считается одним из основателей нового институционализма. Он определял институты как «человеческие изобретения, ограничивающие политическое, экономическое и социальное взаимодействие», подчёркивая их роль в снижении транзакционных издержек и формировании устойчивых экономических систем [4, с. 103]. В свою очередь Б. Гай Питерс – один из ведущих теоретиков институционализма в политической науке, который в своей книге «Institutional Theory in Political Science» выделяет восемь направлений нового институционализма и анализирует их применимость в политических исследований [5, с. 96].

Дж. Марч и Й. Олсен ввели в институциональный анализ концепцию «логики уместности», противопоставляя её рациональному выбору и подчёркивая роль норм, идентичностей в поведении политических акторов [6, с. 738]. Т. Мо исследует влияние политических институтов на бюрократию и образование, анализируя то, как политические интересы формируют структуру и эффективность государственных организаций [7]. Д. Аддемоглу и Дж. Робинсон исследуют, как полити-

ческие и экономические институты влияют на развитие стран, выделяя различие между инклюзивными и экстрактивными институтами [8, с. 24–27].

В научной среде возрастная инклюзия – включение пожилых граждан в активную социальную, экономическую и политическую жизнь – является предметом междисциплинарных исследований. Среди наиболее значимых работ можно выделить публикации А.А. Ипатовой, которая изучает барьеры и возможности социальной инклюзии пожилых людей, уделяя внимание вопросам социальной изоляции и депривации [9], И.И. Задорожной – в рамках исследования социальных практик инклюзии пожилых людей и опыта государственного управления в данной сфере [10], профессора Е.Р. Ярской-Смирновой [11], О.А. Зеликовой [12], К.А. Галкина [13], И.А. Григорьевой [14–16], А.Г. Голубева, А.В. Сидоренко [17] и др.

Результаты исследования. Понятие инклюзивности, традиционно ассоциируемое с социальной интеграцией уязвимых групп, в последние десятилетия претерпело содержательное расширение и стало использоваться в контексте возраста как одного из важнейших маркеров социального неравенства. Возрастная инклюзивность обозначает стремление к формированию такой общественной и политической среды, в которой представители всех возрастных групп, в том числе пожилые, обладают равными возможностями участия, доступа к ресурсам, услугам, принятию решений и социальной самоактуализации.

На теоретическом уровне возраст как категория анализа долгое время находился на периферии политической науки. Однако в условиях глобального демографического старения возраст становится фактором, непосредственно влияющим на структуру избирательного поведения, распределение ресурсов, формирование норм социальной справедливости и легитимацию институтов, что требует институционального признания возраста как структурирующей переменной в публичной политике.

Современная политика активного долголетия во многом основывается на признании возраста как периода новых возможностей и активной самореализации. Данная трактовка возрастной идентичности становится универсальной и распространяется независимо от уровня развития социальной политики, культурных традиций или укоренившихся представлений о старости в разных странах. При этом уходят в прошлое стереотипы, связыва-

ющие пожилой возраст исключительно с пассивностью и утратой функций. Одним из ключевых изменений в подходах к возрасту также становится отказ от навязчивой модели обязательного выхода на пенсию, восходящей к временам введения первых пенсионных систем в эпоху О. Бисмарка.

«Рубежной чертой, которая создала множество резонансных конфликтов и способствовала переосмыслению возраста пожилого человека, выступила пандемия COVID-19, которая привела к полному переосмыслению возраста в ситуации, когда пожилые люди стали заложниками своих крайне ограниченных пространств домов и квартир, не имея никакой возможности для реализации социальной жизни, практически полностью ограниченной биологическими смыслами понимания возраста – с мыслями, связанными с определением возраста как времени немощи, ограничений, увядания», – отмечает в своей работе К.А. Галкин [13, с. 45].

Современные подходы к возрастной инклюзивности базируются на нескольких методологических основаниях.

1. Права человека и концепция «достойного старения». Возрастная инклюзия тесно связана с универсальными правами человека и принципом недискриминации. Согласно положениям Всеобщей декларации прав человека¹ и Международного пакта о гражданских и политических правах² ни одна группа не может быть ограничена в правах по признаку возраста. Концепция «достойного старения» (decent ageing), закреплённая в документах Всемирной организации здравоохранения (далее – ВОЗ), ООН и Европейского союза (далее – ЕС), предполагает обеспечение активного, здорового и безопасного старения с возможностью самореализации и участия на всех уровнях, что формирует основу для нормативного институционализма, ориентированного на права, равенство и участие пожилых граждан.

2. Теория age mainstreaming как принцип государственной политики. Термин age mainstreaming впервые введён в практику ЕС и закреплён в документах Совета Европы и

¹ Всеобщая декларация прав человека: [принята Генеральной Ассамблеей ООН 10.12.1948 г.]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_120805/?ysclid=mafndh4eln661533864 (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

² Международный пакт о гражданских и политических правах: [принят 16.12.1966 г. Резолюцией 2200 (XXI) на 1496-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН]. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5531 (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

Европейской платформы пожилых людей (AGE Platform Europe)¹. Он обозначает стратегию систематического включения возрастного измерения во все этапы разработки, реализации и оценки государственной политики, что подразумевает:

- оценку воздействия законопроектов и программ на пожилых граждан;
- разработку возрастно-чувствительных бюджетов (age-sensitive budgeting);
- вовлечение пожилых в органы принятия решений;
- развитие инфраструктуры, доступной для всех возрастов.

Age mainstreaming рассматривается как инструмент институционального равенства, позволяющий бороться с эйджизмом, латентной дискриминацией и возрастной маргинализацией.

3. Институционализм и политика признания. С позиций институциональной теории устойчивость политических решений определяется не только нормативной базой, но и механизмами воспроизведения практик и структур. Возрастная инклюзивность требует не только юридического оформления, но и устойчивого институционального признания пожилых как значимой общественной группы, что предполагает:

- создание возрастно-дружественных политических институтов (например, советов старшего поколения, парламентских комитетов по делам пожилых);
- развитие гражданского участия пожилых;
- поддержку форматов наставничества, межпоколенческого диалога, общественного мониторинга политики.

Соответственно, возрастная инклюзия выступает не только ценностным, но и институционально-политическим феноменом, который требует пересмотра подходов к проектированию государственной политики. В условиях демографического старения игнорирование возрастной чувствительности обрачиваются политической неустойчивостью, социальной фрагментацией и подрывом доверия к государству [18]. И.А. Григорьева подчёркивает: «Сегодня демографы и даже медики много пишут о том, что старение наступает позже и нелинейно связано с возрастом. Появились поддержанные на политическом уровне концепты “активное старение”, “актив-

ное долголетие” и, в последнее время, “отсроченное старение”» [19, с. 7].

Развитие возраст-ориентированной государственной политики в XXI в. приобретает транснациональный характер. В условиях стремительного старения населения государственные и наднациональные институты всё чаще обращаются к разработке стратегий, ориентированных на инклюзивное старение. Возрастная инклюзия становится частью глобальной повестки устойчивого развития, прав человека, социальной справедливости и демократического участия.

На глобальном уровне ключевую роль в формировании норм и механизмов возрастной инклюзии играют:

– ООН и её специализированные структуры (в частности, Отдел по вопросам старения при Департаменте экономических и социальных вопросов). Так, с 1982 г. в рамках ООН проводится работа по международной стандартизации возрастной политики. Кульминацией стало принятие в 2002 г. Мадридского международного плана действий по проблемам старения, который призывает к созданию инклюзивного «общества для всех возрастов»²;

– ВОЗ, которая выдвинула концепцию healthy ageing и в 2020 г. инициировала Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.)³. Эта программа предполагает развитие age-friendly environments, борьбу с эйджизмом, внедрение интегрированных систем здравоохранения и расширение возможностей пожилых для участия в общественной жизни;

– ЕС, который разрабатывает и реализует политику age mainstreaming в рамках таких программ, как «European Pillar of Social Rights» («Европейская опора социальных прав»)⁴, AGE Platform Europe⁵, Active Ageing Index⁶. В 2012 г. проведён Год активного старения и солидарности поколений, что способ-

² MIPAA: The Madrid International Plan of Action on Ageing. – URL: <https://unece.org/population/ageing/mipaaris> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

³ Десятилетие здорового старения (2021–2030 гг.). – URL: <https://www.who.int/ru/initiatives/decade-of-healthy-ageing> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

⁴ European Pillar of Social Rights. – URL: <https://op.europa.eu/webpub/empl/european-pillar-of-social-rights/en> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

⁵ AGE Platform Europe. – URL: <https://www.age-platform.eu> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

⁶ Active Ageing Index. – URL: <https://unece.org/population/active-ageing-index> (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

¹ Мейнстриминг старения – новый взгляд. Программная справка ЕЭК ООН по вопросам старения № 27. Февраль 2022 г. – URL: https://unece.org/sites/default/files/2024-07/PB27_RU.pdf (дата обращения: 12.04.2025). – Текст: электронный.

ствовало активизации дискурса о правах пожилых граждан в странах-членах ЕС.

Все приведённые документы и инициативы указывают на закрепление возраста как правовой и политической категории, требующей межсекторального институционального отклика.

На уровне национальных государств инклюзивность возраста институционализируется в форме:

- стратегий и программ активного долголетия (например, система комплексного медицинского обслуживания на уровне общин (Japan's Community-based Integrated Care System) в Японии, Стратегия развития «серебряной» экономики (Silver Economy Strategy) во Франции, федеральный проект «Старшее поколение» в России);

- законодательных инициатив по борьбе с возрастной дискриминацией (например, Закон о дискриминации по возрасту при приёме на работу (Age Discrimination in Employment Act) в США, возрастные квоты в некоторых органах местного самоуправления);

- создания специализированных агентств и комитетов (например, Office for Seniors в Канаде, Kompetenzzentrum für den demografischen Wandel в Германии);

- поддержки некоммерческих организаций и гражданских инициатив в области наставничества, межпоколенческого диалога, цифровой инклюзии пожилых.

Особого внимания заслуживает опыт Японии – одной из стран с самым старым населением в мире. Здесь с конца 90-х гг. XX в. действует система так называемых «Серебряных центров управления персоналом» (Silver Human Resource Centers), включающая пожилых в рынок труда, а также одновременно функционирует комплексная сеть услуг по принципу «всё в одном месте» (медицинское обслуживание, долгосрочный уход, жильё, вовлечение в общественные мероприятия и пр.). Это пример целостного управления, учитывающего возрастные особенности (*age-sensitive governance*).

В Российской Федерации возрастная повестка начала активно формироваться с 2018 г. в рамках национального проекта «Демография». Федеральный проект «Старшее поколение» ориентирован на развитие инфраструктуры, цифровую грамотность, профилактику заболеваний, мобильные медицинские бригады¹. Однако институциональ-

¹ Старшее поколение – ресурс будущего. Комплексный подход к активному долголетию. – URL: https://национальныепроекты.рф/upload/starshee-pokolenie/doklad_starshee_pokolenie_new-3.pdf?ysclid=maffvdufjx988068729

ные механизмы *age mainstreaming* пока слабо интегрированы в структуру принятия решений, в частности возраст рассматривается скорее как объект социальной политики, а не как субъект участия.

Несмотря на положительную динамику, институционализация возрастной инклюзии сталкивается с рядом вызовов, среди которых слабая межведомственная координация, недостаточная представленность пожилых в политических институтах, эйджизм на уровне принятия решений, ориентация преимущественно на пожилых как на «объект заботы», а не как на носителей социального капитала. Перспективы развития возрастной инклюзии связаны с внедрением процедур оценки возрастного воздействия (*age impact assessment*), расширением форм партисипативного участия пожилых в проектировании политики, признанием возраста в качестве пересекающегося фактора неравенства (*intersectionality*) в связке с полом, этничностью, доходом.

Таким образом, возрастная инклюзия как институциональная практика требует не только разработки стратегий, но и фундаментальной трансформации архитектуры государственной политики.

Вместе с тем следует отметить, что современное государственное управление всё чаще обращается к инструментам, обеспечивающим инклюзивность социальных групп на этапе проектирования, реализации и оценки политики. Одной из таких технологий выступает *age mainstreaming* – концепт, оформленный в международной практике как ответ на вызовы демографического старения и необходимость признания пожилых людей полноправными участниками социального и политического процесса.

Age mainstreaming можно определить как системную интеграцию возрастного измерения в процессы формирования, реализации и оценки политик на всех уровнях управления и во всех секторах. Соответственно, при принятии любого управленческого решения предполагается анализ последствий для различных возрастных групп, особенно уязвимых и маргинализированных, включая пожилых.

Концепция уходит корнями в практики *gender mainstreaming*, но отличается более сложной структурой, поскольку возраст является динамической, нефиксированной категорией. Каждый человек в течение жизни проходит через разные возрастные статусы, что делает возрастное измерение универсаль-

ным, но одновременно сложно операционализируемым.

Age mainstreaming предполагает:

- возрастную чувствительность политики;
- переход от патернализма к участию;
- интеграцию пожилых как политических субъектов;
- учёт кумулятивного неравенства, накапливающегося на протяжении жизни.

Страны с высоким уровнем институциональной зрелости age mainstreaming, такие как Швеция, Германия, Финляндия, демонстрируют политическую волю к включению пожилых в процессы соуправления (через общественные советы, бюджеты участия, наставничество), а также развитие нормативных рамок против возрастной дискриминации.

В Канаде и Новой Зеландии age mainstreaming проявляется в этнокультурно чувствительном ключе – с учётом специфики старения коренных и мигрантских сообществ.

В российской практике элементы age mainstreaming пока представлены фрагментарно. Возраст как фактор учитывается преимущественно в социально-страховых, демографических и пенсионных стратегиях, но не в политике занятости, транспорта, образования или цифровизации [20]. Среди наиболее проблемных зон, ограничивающих формирование и реализацию возраст-ориентированной политики, следует назвать:

- отсутствие процедур возрастной экспертизы проектов;
- низкую представленность пожилых в общественно-политических структурах;
- редуцированное понимание старения как исключительно медико-социальной проблемы;
- отсутствие единого межведомственно-го органа по вопросам старения.

Однако в последние годы наблюдаются позитивные сдвиги, среди которых федеральный проект «Старшее поколение» в рамках нацпроекта «Демография», развитие центров активного долголетия, цифровые образовательные инициативы для лиц 60+, отдельные практики участия пожилых в местных советах и волонтёрстве.

Следовательно, age mainstreaming представляет собой инструмент институциональной трансформации, который способствует переосмыслению старости как активной жизненной стадии. Это не только способ повысить эффективность политики, но и условие её легитимности в обществе, где доля пожилых будет только расти.

Выводы.

1. В условиях ускоряющегося демографического старения возраст становится не только биологической и социальной категорией, но и ключевым элементом политического анализа, проектирования и управления. Проведённое исследование подтвердило, что возрастная инклюзивность и age mainstreaming – это не просто модные термины, а концептуальные и институциональные ориентиры новой государственности, адаптирующейся к изменяющейся возрастной структуре населения.

2. Возраст больше не может восприниматься исключительно как индикатор убывания ресурсов или фактор социальной уязвимости. Современные теоретико-методологические основания, включая права человека, логику институционального инклюзивизма и стратегию активного долголетия, утверждают возраст как политически значимую переменную, наряду с полом, этничностью, доходом и другими маркерами неравенства. Институциональное признание возраста как основания для проектирования инклюзивной государственной политики означает не только нормативное закрепление соответствующих прав, но и формирование устойчивых управленческих практик, процедур, органов и механизмов.

3. Политика активного долголетия перестаёт быть частью исключительно социальной или демографической повестки. Она становится самостоятельным направлением государственного развития, влияющим на стратегическое планирование, бюджетирование, институциональный дизайн, политическое участие и устойчивость социальных систем. Концепция age mainstreaming не только обеспечивает равный доступ пожилых к благам и институтам, но и признаёт их как политически деятельную группу с особыми интересами, опытом и капиталом.

4. Международная практика демонстрирует значительное разнообразие моделей возрастной инклюзивности: от законодательных механизмов защиты от эйджизма до партисипативных форм вовлечения пожилых в принятие решений. Однако даже в наиболее продвинутых странах сохраняется дефицит комплексного подхода к возрасту как к структурной переменной. В большинстве государств, включая Россию, возрастная повестка по-прежнему сводится к пенсионной, медицинской и социальной помощи, в то время как вопросы политического участия, репрезентации и институционального вовлечения остаются слабо реализованными.

5. Институционализация возрастной инклюзии требует перехода от точечных инициатив к целостной архитектуре возрастно-чувствительного управления. Это предполагает интеграцию возрастного анализа в систему оценки государственного управления (*impact assessment*), развитие механизмов представительства пожилых в органах власти и гражданском обществе, трансформацию политики занятости, образования, цифровизации, урбанистики с учётом интересов пожилых, поддержку *silver economy* как механизма включения пожилых в экономическую активность.

6. Российская государственная политика по отношению к пожилому населению находится на этапе становления. Несмотря на определённые подвижки (наличие наципроекта «Демография», региональных центров активного долголетия, цифровых и образовательных инициатив), отсутствует системное

внедрение принципов *age mainstreaming*, как и межведомственная согласованность действий. Это создаёт риски для устойчивого развития и усиливает возрастные неравенства, особенно в регионах с высокой степенью социальной уязвимости.

7. Возрастная инклюзия – это вызов, на который должна ответить современная политика, при этом речь идёт не только об адаптации к стареющему населению, сколько о переосмыслении самой идеи демократии, равенства и гражданства в условиях изменяющейся возрастной структуры. От того, насколько эффективно государства смогут институционализировать возрастную чувствительность, будет зависеть не только качество жизни пожилых, но и устойчивость политических систем в целом. Возраст – это политика, которая требует в настоящее время своего полноценного и равноправного места в ней.

Список литературы

1. Щербакова Е. Население мира продолжает стареть – доля пожилых людей в возрасте 65 лет повысилась до 10 %, а к 2050 г. может достичь 16 % // Демоскоп Weekly. 2022. № 955–956. 6–19 сентября.
2. Шестакова Н.Н., Джанелидзе М.Г., Скворцова М.Б. Перспективы построения в России общества для всех возрастов: подходы к исследованию проблемы // Вестник образования и развития науки Российской академии естественных наук. 2021. № 2. С. 57–70. DOI: 10.26163/RAEN.2021.91.24.008. EDN: DTJCUM
3. Елютина М.Э. Мир старости как форма социокультурного текста. Социология духовной жизни. Саратов, 1999. EDN: QCZH XV
4. North D.C. Institutions // Journal of Economic Perspectives. 1991. № 5. P. 97–112. EDN: BIYCPT
5. Peters B.G. Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. 4th ed. Edward Elgar Publishing, 2019.
6. March J.G., Olsen J.P. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life // American Political Science Review. 1984. No. 78. P. 734–749.
7. Moe T.M. The Politics of Bureaucratic Structure // Can the Government Govern? Brookings Institution Press, 1989. P. 267–329.
8. Acemoglu D., Robinson J.A. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Crown Business, 2012.
9. Ипатова А.А. Барьеры для социальной инклюзии людей старшего возраста // Человек. 2020. Т. 31, № 5. С. 93–110. DOI: 10.31857/S023620070012391-7. EDN: XPNAXY
10. Задорожная И.И. Социальные практики инклюзии пожилых людей: опыт государственного управления // Социологические науки. 2020. № 3. С. 112–118.
11. Ярская-Смирнова Е.Р. Социальная инклюзия и дискриминация: гендерные и возрастные аспекты // Журнал исследований социальной политики. 2019. Т. 17, № 2. С. 123–138.
12. Зеликова Ю.А. Стареющая Европа. Демография, политика, социология. СПб.: Норма, 2014. 224 с.
13. Галкин К.А. Особенности идентичности и смыслы возраста пожилых людей в период глобальных трансформаций // Социальная политика и социология. 2023. Т. 22, № 1. С. 43–49. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-1-43-49. EDN: GKWXVQ
14. Григорьева И.А. Приоритеты социальной политики: пожилые люди // Журнал социологии и социальной антропологии. 2009. № 12. С. 86–196.
15. Григорьева И.А., Видясова Л.А. Отложенное старение и поздняя взросłość: анализ динамики научных публикаций методом тематического картирования // Журнал исследований социальной политики. 2024. Т. 22, № 2. С. 225–242. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-225-242. EDN: UNDEJE
16. Равчик М.И., Григорьева И.А. Приоритетные потребности старшего поколения в социальных (электронных) услугах // Успехи геронтологии. 2024. Т. 37, № 3. С. 170–176. DOI: 10.34922/AE.2024.37.3.002. EDN: IXBRSV
17. Голубев А.Г., Сидоренко А.В. Теория и практика старения в условиях пандемии COVID-19 // Успехи геронтологии. 2020. № 33. С. 397–408. DOI: 10.34922/AE.2020.33.2.026. EDN: YAJBIV

18. Шестакова Н.Н., Скворцова М.Б. Жестокое обращение с пожилыми в контексте долговременного ухода за ними // Социальная работа: теория, методы, практика: сб. ст. 2020. Вып. 2. С. 65–76. EDN: CPGBWL

19. Григорьева И.А. Пожилые женщины: «вниз по лестнице» возраста и гендера // Женщина в российском обществе. 2018. № 1. С. 5–17. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1. EDN: VZPSHZ

20. Григорьева И.А., Уханова Ю.В., Смолева Е.О. Трансформация социальной политики в России в контексте старения населения // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12, № 5. С. 124–140. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.8. EDN: PYIKCN

References

1. Shcherbakova E. The world's population continues to age – the proportion of elderly people aged 65 has increased to 10%, and by 2050 it may reach 16%. *Demoscope Weekly*. 2022;955–956. (In Russian).
2. Shestakova NN, Dzanelidze MG, Skvortsova MB. Prospects for building society for all ages in Russia: approaches to research. *Herald of education and science development of Russian academy of natural sciences*. 2021;(2):57–70. DOI: 10.26163/RAEN.2021.91.24.008. EDN: DTJCUM (In Russian).
3. Elyutina MEh. The world of old age as a form of socio-cultural text. *Sociology of spiritual life*. Saratov; 1999. EDN: QCZH XV (In Russian).
4. North DC. Institutions. *Journal of Economic Perspectives*. 1991;(5):97–112. EDN: BIYCPT
5. Peters BG. Institutional Theory in Political Science: The New Institutionalism. 4th ed. Edward Elgar Publishing; 2019.
6. March JG, Olsen JP. The New Institutionalism: Organizational Factors in Political Life. *American Political Science Review*. 1984;(78):734–749.
7. Moe TM. The Politics of Bureaucratic Structure. In: Can the Government Govern? Brookings Institution Press; 1989. P. 267–329.
8. Acemoglu D, Robinson JA. Why Nations Fail: The Origins of Power, Prosperity, and Poverty. Crown Business; 2012.
9. Ipatova A. Social inclusion of older people: barriers and opportunities. *Human Being*. 2020;31(5):93–110. DOI: 10.31857/S023620070012391-7. EDN: XPNAXY (In Russian).
10. Zadorozhnaya II. Social practices of inclusion of the elderly: the experience of public administration. *Sociological sciences*. 2020;(3):112–118. (In Russian).
11. Yarskaya-Smirnova ER. Social inclusion and discrimination: gender and age aspects. *Journal of Social Policy Research*. 2019;17(2):123–138. (In Russian).
12. Zelikova YuA. Aging Europe. Demography, politics, and sociology. St. Petersburg: Norma; 2014. (In Russian).
13. Galkin KA. Features of the identity and meanings of the age of the older in the period of global transformations. *Social Policy and Sociology*. 2023;22(1):43–49. DOI: 10.17922/2071-3665-2023-22-1-43-49. EDN: GKWXVQ (In Russian).
14. Grigoryeva IA. Priorities of social policy: elderly people. *Journal of Sociology and Social Anthropology*. 2009;(12):86–196. (In Russian).
15. Grigoryeva I, Vidiashova L. Delayed aging and late adulthood: Analysis of the dynamics of academic publications using thematic mapping method. *Journal of Social Policy Research*. 2024;2(2):225–242. DOI: 10.17323/727-0634-2024-22-2-225-242. EDN: UNDEJE (In Russian).
16. Ravchik MI, Grigoryeva IA. Priority needs of the older generation in social (digital) services. *Advances in Gerontology*. 2024;37(2):170–176. DOI: 10.34922/AE.2024.37.3.002. EDN: IXBRSV (In Russian).
17. Golubev AG, Sidorenko AV. Theory and practice of aging upon COVID-19 pandemic. *Advances in Gerontology*. 2020;(33):397–408. DOI: 10.34922/AE.2020.33.2.026. EDN: YAJBIV (In Russian).
18. Shestakova N, Skvortsova M. Elderly abuse in the context of long-term care. *Scientific and Methodological Collection "Social Work: Theory, Methods, Practice"*. 2020;2:65–76. (In Russian).
19. Grigorieva IA. Elderly women: Over the hill – age- and gender-wise. *Woman in Russian Society*. 2018;(1):5–17. DOI: 10.21064/WinRS.2018.1.1. EDN: VZPSHZ (In Russian).
20. Grigorieva IA., Ukhanova YuV., Smoleva EO. Transformation of social policy in Russia in the context of population ageing. *Ekonomicheskie i Sotsial'Nye Peremeny: Fakty, Tendentsii, Prognoz*. 2019;12(5):124–140. EDN: PYIKCN (In Russian).

Сведения об авторе

Ананченкова Полина Игоревна, канд. экон. наук, канд. социол. наук, докторант, Институт философии, политологии и права им. А. Баховаддинова Национальной академии наук Таджикистана, г. Душанбе, Республика Таджикистан; ananchenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3683-5168>. Область научных интересов: демография, пожилые как социальная группа, демографическое старение, государственная политика, активное долголетие, эмпауэрмент пожилых.

Information about the author

Ananchenkova Polina I., Candidate of Economics, Candidate of Sociology, applicant for doctoral degree, A. Bakhovaddinov Institute of Philosophy, Political Science and Law of the National Academy of Sciences of Tajikistan, Dushanbe, Republic of Tajikistan; ananchenkova@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3683-5168>. Research interests: demography, the elderly as a social group, demographic aging, public policy, active longevity, elderly empowerment.

**Статья поступила в редакцию 11.05.2025; одобрена после рецензирования 16.06.2025;
принята к публикации 27.06.2025.**

**Received 2025, May 11; approved after review 2025, June 16;
accepted for publication 2025, June 27.**

Научная статья

УДК 327

DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-54-64

**Основные вехи развития дипломатии современного Китая:
концептуальные основы и векторы внешней политики**

Татьяна Николаевна Букреева

Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия
tnbinchina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7010-4591>

С момента образования КНР в своём развитии прошла путь от развивающейся страны третьего мира к потенциальному мировому лидеру, реализация глобальных целей которого осуществляется дипломатическим путём, определяемым внешнеполитическими стратегиями руководителей страны. Глобальное присутствие Китая, транслирующего своё видение решений международных вопросов, создаёт запрос на изучение национальных концепций внешней политики и их реализации в дипломатии. Объект исследования – дипломатия современного Китая. Предмет исследования – основные этапы современной китайской дипломатии. Цель исследования – проанализировать этапы развития современной дипломатии Китая в контексте внешнеполитического курса страны. Для решения цели определены следующие задачи: рассмотреть современные внешнеполитические концепции и стратегии Китая; выделить основные векторы и события на каждом этапе политической жизни страны; определить значимые направления дипломатической деятельности Китая на каждом этапе; представить отдельные примеры практической реализации дипломатического инструментария Китаем. Методология статьи базируется на хронологическом методе, системном анализе, дедукции и индукции. Рассмотрены основные внешнеполитические концепции Китая с начального периода становления КНР по настоящее время, выделены значимые события во внешней политике страны, на долгий срок определившие ориентиры китайской дипломатии, уделено внимание примерам трансформации китайской дипломатии. Высказано предположение о том, что в будущем китайская дипломатия продолжит двигаться в сторону ещё большей вовлечённости Китая по всем направлениям в мировую систему, сохраняя национальную идентичность и «подстраивая» под себя глобализационные процессы.

Ключевые слова: дипломатия, внешняя политика, Китай, «начать всё с нуля», концепция «трёх миров», «держаться в тени», добрососедская дипломатия, многосторонняя дипломатия, Шанхайская организация сотрудничества, экономическая дипломатия

Для цитирования

Букреева Т.Н. Основные вехи развития дипломатии современного Китая: концептуальные основы и векторы внешней политики // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 54–64. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-54-64

Original article

**The Main Stages of Modern Chinese Diplomacy:
Conceptual Basics and Foreign Policy Directions**

Tatiana N. Bukreeva

Southwest State University, Kursk, Russia
tnbinchina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7010-4591>

Since the founding of the PRC, China has evolved from a developing third world country to a potential world leader, the implementation of whose global goals is carried out diplomatically, determined by the foreign policy strategies of the country's leaders. The global presence of China, broadcasting its vision of solutions to international issues, creates a demand for the study of national foreign policy concepts and their implementation in diplomacy. The object of the study is the diplomacy of modern China. The subject is the main stages of modern Chinese diplomacy. The purpose of the study is to analyze the stages of development of modern Chinese diplomacy in the context of the country's foreign policy. To achieve this goal, the following tasks are defined: to consider modern foreign policy concepts and strategies of China; to highlight the main vectors and events at each stage of the country's political life; to determine significant areas of China's diplomatic activity at each stage; to present individual examples of the practical implementation of diplomatic tools by China. The research methodology of the article is based on the chronological method, systems analysis, deduction and induction. The article examines the main foreign policy concepts of China from the initial period of the PRC

© Букреева Т. Н., 2025

formation to the present, highlights significant events in the country's foreign policy that have strictly defined the guidelines of Chinese diplomacy for a long time, and pays attention to examples of the transformation of Chinese diplomacy. The article suggests that in the future, Chinese diplomacy will continue to move towards even greater involvement of China in all directions in the world system, while maintaining national identity and "adapting" globalization processes to itself.

Keywords: diplomacy, foreign policy, China, "starting anew", conception of the "Three Worlds", "keeping a low profile", good-neighborly diplomacy, multilateral diplomacy, Shanghai Cooperation Organization, economic diplomacy

For citation

Bukreeva T.N. The Main Stages of Modern Chinese Diplomacy: Conceptual Basics and Foreign Policy Directions // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 54–64. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-44-54-64

Введение. Современный Китай сформировался сравнительно недавно, начиная с 1949 г. после разрушительной для страны Второй мировой войны (прежде всего, оккупации со стороны милитаристской Японии), усиленной гражданской войной, и постепенно эволюционировал от развивающейся страны третьего мира к потенциальному мировому лидеру. Процесс эволюции, включающий и смену эпох политических лидеров, оказывал влияние на дипломатические отношения КНР, которые также подвергались трансформации в зависимости от положения в мире и целей государства, что наглядно иллюстрирует высказывание китайцев: «При Мао Цзэдуне Китай встал на ноги, при Дэн Сяопине разбогател, а при Си Цзиньпине стал сильным» [1, с. 12].

Актуальность исследования. Учитывая тот факт, что в настоящее время международные отношения претерпевают период значительных изменений, обусловленных динамикой мировых процессов в экономике, geopolитике, логистике, демографии, культуре, а некоторые аналитики указывают на смещение центра сосредоточения мировой силы и драйвера развития из атлантического региона в тихоокеанский, особую актуальность приобретает исследование внешнеполитического опыта и политических стратегий современного Китая, активно развивающейся дипломатической деятельность, направленную на решение международных вопросов и трансляцию своего видения глобального мироустройства.

Объект исследования – дипломатия современного Китая.

Предмет исследования – основные этапы современной китайской дипломатии.

Цель исследования – проанализировать этапы развития современной дипломатии Китая в контексте внешнеполитического курса страны.

Для решения цели определены следующие **задачи**: рассмотреть современные

внешнеполитические концепции и стратегии Китая; выделить основные векторы и события на каждом этапе политической жизни страны; определить значимые направления дипломатической деятельности Китая на каждом этапе; представить отдельные примеры практической реализации дипломатического инструментария Китаем.

Методология и методы исследования базируются на общенаучных методах и методологических подходах. В процессе исследования выстраивания Китаем во второй половине XX в. дипломатических отношений и последовательности развития событий, связанных с внешней политикой, применялся хронологический метод. Основы системного анализа послужили базой для изучения концептуальных идей и принципов внешнеполитического курса КНР и их взаимосвязи с практической деятельностью на международной арене. Для определения особенностей, характерных для дипломатии при каждом новом руководителе, применялись методы дедукции и индукции.

Разработанность темы исследования. Теоретической основой для исследования послужили работы отечественных и китайских специалистов в области истории международных отношений, современной дипломатии и политической системы Китая. В статье политические процессы и направления внешнеполитического курса Китая освещены с опорой на работы А.В. Виноградова [2], В.Я. Портякова [3], М.Л. Титаренко и В.Е. Петровского [4], И.Е. Денисова и И.Ю. Зуенко [5]. Развитие современной китайской дипломатии и её особенности раскрываются в исследованиях Н.А. Богдановой и Е.Г. Солнцевой [6], Сун Дэсина [7], Син Гуанчэна [8], Чэн Чуна [9] и др. При рассмотрении исторических событий и концептуальных подходов Китая во внешней политике и дипломатии изучены труды А.В. Бояркиной [10], Ся Липин, Лян Сяоцзюнь, Ли Цяньюя и Сюн Чжиюна [11]. В ходе работы

использована информация с официального сайта Министерства иностранных дел КНР о развитии дипломатических отношений Китая, изучен Закон о внешних сношениях Китайской Народной Республики (2023 г.). Автор видит свой вклад в уточнение и углубление исследований развития современной китайской дипломатии посредством анализа малоизученных в отечественной научной литературе исторических фактов, представленных в иностранных источниках.

Результаты исследования. Согласно глобальному индексу дипломатии за 2023 г., опубликованному институтом Лоуи (Австралия) в феврале 2024 г., Китай возглавляет рейтинг по количеству дипломатических миссий и представительств за рубежом (274), опережая США (271)¹, что наглядно демонстрирует результат многолетней работы китайского руководства в направлении расширения своего присутствия на международной арене и служит доказательством того, что Китай вполне может «перехватить» первенство у США и по другим направлениям внешнеполитической деятельности.

В историографии Китая традиционно принято выделять исторические периоды в соответствии со сменой правящих династий. Данный принцип характерен и для истории современного Китая. С момента образования КНР в своём развитии прошла через ряд периодов, связанных в истории страны с конкретными личностями (руководителями страны или влиятельными политическими лидерами), определявшими приоритетные направления как социально-экономического развития страны, так и её внешней стратегии на международной арене. Рубежом перемен стал период окончания гражданской войны на территории Китая (конец 40-х гг. XX в.), когда силы Коммунистической партии Китая (далее – КПК) во главе с Мао Цзэдуном вытеснили Гоминьдан на Тайвань. Так, с конца 1948 по март 1949 г. на Втором пленуме ЦК КПК седьмого созыва Мао Цзэдун выдвинул два принципа новой внешнеполитической стратегии страны: «начать всё с нуля» (另起炉灶, букв. «сложить другой очаг») и «сначала убрать дом, а потом приглашать гостей» (打扫干净屋子再请客). Содержание первого принципа сводилось к закрытию на территории Китая всех посольств, консульств и миссий, открытых правительством Гоминьдана, и установлению новых дипломатических от-

ношений со странами на основе взаимоуважения и равноправия. Второй принцип в продолжение первого диктовал необходимость аннулирования всех старых неравноправных договоров, заключённых Гоминьданом, ликвидацию всех пропагандистских органов, основанных империалистическими странами, создание новой внешнеторговой системы и реформирование таможенных органов. Помимо очевидных причин реформирования внешнеполитической стратегии страны (новая страна – новая международная практика) частными предпосылками к провозглашению данных принципов послужил ряд инцидентов, в том числе «инцидент Уорда» (瓦尔德事件)² и «инцидент на реке Янцзы» (紫石英号事件)³ [11, с. 17].

В дальнейшем в апреле 1949 г. новая внешнеполитическая стратегия Китая дополнилась ещё одним принципом, который возник вследствие ухудшения советско-американских отношений. Перед новыми властями Китая встал вопрос о присоединении к одному из идеологических лагерей, что отразилось в названии принципа «держаться одной стороны» (一边倒). Очевидным стал выбор нового руководства Китая, примкнувшего к СССР и странам социалистического лагеря. Важным шагом в реализации принципа «держаться одной стороны» стало подписание 14 февраля 1950 г. Китаем и Советским Союзом «Договора о дружбе, союзе и взаимной помощи». В течение 1949–1950 гг. КНР установила дипломатические отношения с более чем 15 странами, среди которых, прежде всего, страны социалистического лагеря⁴. Расширение «дипломатического пространства Китая» потребовало наращивания масштабов подготовки дипломатов различных уровней, поэтому с 1950 г. по указанию министра иностранных дел Чжоу Эньляя начали создавать систему подготовки дипломатических кадров [3, с. 10].

² В целях предотвращения передачи иностранцами партии Гоминьдан сведений о ситуации в тылу 15 ноября 1948 г. Военно-контрольный комитет Коммунистической партии в Шэньяне уведомил консульства США, Великобритании и Франции о необходимости в 36-часовой срок сдать властям радиопередатчики консульств, на что получен отказ американского консула Ангуса Уорда.

³ Перестрелка между британскими кораблями и флотом Народно-освободительной армии 20–21 апреля 1949 г. на р. Янцзы.

⁴ 中华人民共和国与各国建立外交关系日期简表 = Таблица дат установления дипломатических отношений между Китайской Народной Республикой и различными странами. – URL: https://www.fmprc.gov.cn/web/ziliaozhongguo_674904/2193_674977/200812/120081221_9284708.shtml (дата обращения: 15.04.2025). – Текст: электронный.

¹ Fleck A. China tops global diplomacy index. – URL: <https://www.statista.com/chart/20138/countries-with-most-diplomatic-missions-in-the-world> (дата обращения: 02.06.2025). – Текст: электронный.

В 60-х гг. XX в. происходит постепенное смещение внешнеполитического курса Китая в сторону США и закладывается основа для реализации плана по возвращению Гонконга и Макао. В этот период начинает наблюдаться ухудшение советско-китайских отношений: в 1963 г. ЦК КПК в статье «Возникновение и развитие разногласий между руководством КПСС и нами» признал наличие идеологических разногласий между СССР и КНР [12, с. 120]. В свою очередь среди ряда причин, спровоцировавших ухудшение отношений, китайские историки в сфере международных отношений выделяют обострение обстановки в приграничье и появление сведений о готовности СССР нанести удар по китайской ядерной базе [11, с. 198]. Комплекс разных причин привёл к развитию нового курса китайской дипломатии «одного фронта» (一条线), т.е. сплочённого противостояния группой стран (США, Китая, Японии, европейских стран) Советскому Союзу. Впоследствии этот курс дал начало концепции «трёх миров» (三个世界), впервые озвученной Мао Цзэдуном в феврале 1974 г. на встрече с президентом Замбии К. Каундой. Согласно данной концепции к «первому миру» относились сверхдержавы США и СССР, ко второму – страны Европы, Канада, Австралия и Япония, к третьему – Китай, а также развивающиеся страны Азии и освободившиеся от колониального гнёта страны Африки [10, с. 63, 64]. Китай брал на себя роль лидера стран третьего мира в борьбе против гегемонизма сверхдержав (США и СССР).

Идеи лидерства Китая также получили своё развитие в отношении колонизированных территорий. В 60-х гг. XX в. Центральное правительство Китая наметило курс по работе с Гонконгом и Макао, сформулировав его как «долгосрочное планирование и интенсивное использование» (长期打算、充分利用), заключавшееся в сохранении в обозримом будущем имеющегося статуса Гонконга, вместе с тем в полной мере используя его особое положение для дипломатических нужд и социалистического строительства в стране. Данный курс заложил основу принципа «одна страна, две системы» (一国两制), упомянуто-го Дэн Сяопином ещё 29 марта 1979 г. во время встречи с генерал-губернатором Гонконга Мюрреем Маклехозом. Затем эта концепция получила своё глубокое осмысление и была неоднократно озвучена перед представителями политических кругов Великобритании и влиятельными лицами Гонконга из числа бизнесменов. Основную юридическую рабо-

ту по оформлению передачи Гонконга Китаю проделала администрация Дэн Сяопина, а 19 декабря 1984 г. Китай и Великобритания подписали совместную декларацию о передаче Гонконга. Однако сам исторический момент пришёлся на период руководства страной Цзян Цзэминем (1993–2003 гг.).

В практическом плане стратегия «одного фронта» получила активную реализацию в 70-х гг. XX в., когда Китай начал устанавливать дипломатические отношения с экономически развитыми странами. Учитывая особое место США на мировой арене, необходимо отметить, что в 1971 г. китайско-американские отношения вступили в фазу потепления, что произошло, в том числе, и благодаря участию китайских и американских спортсменов в соревнованиях по пинг-понгу. В результате дружеские отношения между спортсменами послужили своеобразным толчком к нормализации отношений между КНР и США, а в истории международных отношений появилось выражение «пинг-понговая дипломатия», которая тем не менее не состоялась бы без согласия верховых лидеров двух стран – Мао Цзэдуна и Р. Никсона [13, с. 327].

В этот период в контексте сближения Китая и США в американских политических и научных кругах развернулась дискуссия о перспективах развития отношений между двумя странами. В частности, американский дипломат, историк и китаевед, бывший генконсул США в Пекине Эдмунд Клабб в своём очерке «Китай и Соединенные Штаты: за пределами пинг-понга» (1971 г.) задаётся вопросами о том, насколько Китай с фронтом революционных сил в Азии готов к сближению с Соединёнными Штатами Америки, «насаждающими империализм» в этом регионе, и сможет ли процесс сближения привести к примирению двух стран [14, с. 132]. Помимо противостояния в азиатском регионе нерешёнными оставались «тайваньский вопрос» и ситуация с представительством КНР в ООН. И если последнее решено в 1971 г., то реальная позиция США относительно Тайваня до сих пор меняется ситуативно: от «единого Китая» до «один Китай, один Тайвань» и т. д.

Несмотря на явные политические разногласия, в 1972 г. состоялся официальный визит президента США Р. Никсона в Китай. Первый официальный визит китайского руководства в США со дня основания КНР Дэн Сяопин совершил с 29 января по 4 февраля 1979 г. Потепление китайско-американских отношений привело к тому, что «единый фронт» сформировался против СССР.

На третьем Пленуме ЦК КПК 11-го созыва (в декабре 1978 г.) в качестве главных политических задач страны провозглашены реализация социалистической модернизации и проведение политики открытости внешнему миру, соответственно, идеология экономического прагматизма, политика реформ и открытости определили курс и китайской дипломатии, трансформирующейся вслед за новыми установками руководства страны. В сентябре 1982 г., выступая на открытии XII съезда КПК, Дэн Сяопин обозначил три главные задачи китайского народа на период 80-х гг. XX в.: ускорить реализацию модернизации социализма, объединить страну, включая Тайвань, противостоять гегемонии и поддерживать мир во всём мире [11, с. 212]. Следуя обозначенной внешнеполитической установке, в 80-х гг. XX в. усилия Китая были направлены на развитие дружественных отношений как в регионе, так и на всём международном пространстве, включая страны Западной Европы, Африканского континента и Латинской Америки. До конца 1989 г. Китай установил дипломатические отношения с 131 государством. В этот период важным шагом практической дипломатии Китая в регионе стало восстановление стабильных отношений с Индией, премьер-министр которой Р. Ганди в декабре 1988 г. совершил первый за 34 года официальный визит в Китай.

Положительные сдвиги наметились в дипломатических отношениях Китая и Японии. В 80-е гг. XX в. премьер-министры двух стран встречались 9 раз, учреждён «Комитет японо-китайской дружбы в XXI в.», а Япония стала вторым крупнейшим экономическим партнёром Китая [Там же, с. 215]. Даже «инцидент с учебниками», когда в японских учебниках по истории Нанкинская резня (1937 г.) эвфемистично названа «взятием», китайская сторона использовала для получения выгоды в виде дополнительных средств для развития китайской инфраструктуры [15, с. 109].

Однако политические события конца 80-х гг. XX в. в Восточной Европе, окончание «холодной войны», объединение Германии в 1990 г., распад Советского Союза в 1991 г., с одной стороны, привели к изменению структуры системы международных отношений. С другой стороны, перечисленные события оказали влияние и на китайское общество (студенческие волнения в Пекине в 1989 г.), и на китайскую дипломатию. В существующей ситуации Дэн Сяопин в

сентябре 1989 г. выдвинул новую концепцию китайской дипломатии, основной курс которой заключался в 20 иероглифах и передавался высказыванием «хладнокровно наблюдать, укреплять позиции, сдержанно реагировать, держась в тени, добиться результатов» (冷静观察、稳住阵脚、沉着应付、韬光养晦、有所作为) [11, с. 237]. Ядром данной концепции стал принцип «держась в тени, добиться результатов», подразумевающий придерживаться в международных делах принципа неприсоединения (不结盟), который позволил бы избежать столкновения с западными оппонентами, предупредил возникновение военных конфликтов и дал возможность Китаю продолжать реализацию начатых экономических реформ. Как отмечают Н. А. Богданова и Е. Г. Солнцева, концепции Дэн Сяопина позволили КНР выйти на новый уровень дипломатии на международной арене [6, с. 8].

В 90-е гг. XX в. китайской дипломатии пришлось столкнуться с рядом вызовов, требующих поиска новых подходов и активных действий со стороны руководства страны во главе с председателем Цзян Цзэминем (1993–2003 гг.). После распада СССР внешняя политика Китая была направлена, с одной стороны, на развитие отношений с новыми государствами постсоветского пространства, а с другой – на преодоление разногласий с западными странами по «тайваньскому вопросу».

В первом случае дипломатическая деятельность КНР была нацелена на решение пограничных вопросов и обеспечение безопасности с новыми соседними государствами на северо-западе Китая. Первоочерёдность этой задачи определялась ростом антикитайских настроений и проблемой «уйгурского сепаратизма» в Синьцзяне, что требовало от руководства Китая осуществления превентивных мер, в том числе в рамках международного взаимодействия, выстроенного на основе взаимовыгодного сотрудничества. В результате переговоров в апреле 1995 г. в Шанхае Китай, Россия, Казахстан, Таджикистан и Киргизия подписали Соглашение об укреплении военного доверия в приграничных регионах, а в 1996 г. появилась «Шанхайская пятерка», на четвёртой встрече которой в Бишкеке в августе 1999 г. выдвинута концепция «дипломатии Шёлкового пути», направленная на возрождение древнего торгового маршрута [11, с. 282]. В дальнейшем данная концепция получила активное развитие в формате экономической

дипломатии «одного пояса, одного пути», а «Шанхайская пятерка» в 2001 г. преобразовалась в Шанхайскую организацию сотрудничества (далее – ШОС), положив начало многосторонней дипломатии в борьбе с «тремя злами»: терроризмом, сепаратизмом и экстремизмом.

Что же касается проблемы одного Китая, то её решение в 90-е гг. XX в. потребовало от КНР ожесточённой дипломатической борьбы, которая сопровождалась политическими баталиями на высшем уровне. В средствах массовой информации широкую огласку получили продажа Францией Тайваню вооружения (1991–1992 гг.)¹ и приглашение Б. Клинтона главе Тайваня Ли Дэнхуэю посетить Соединённые Штаты Америки (1995 г.) [16, с. 95].

В экономической сфере в 1995 г. Китай начал переговоры о вступлении во Всемирную торговую организацию, которые завершились в ноябре 2001 г. Однако, как отмечает А. В. Виноградов, членство в международной экономической организации не сделало Китай разработчиком международной повестки, что создало предпосылки для возможной корректировки внешнеполитической парадигмы, отказа от роли «хладнокровного наблюдателя» [2, с. 94]. Другое крупное для Китая событие произошло 1 июля 1997 г., когда КНР восстановила суверенитет над Гонконгом и на практике реализовалась концепция «одна страна – две системы».

В 2003 г. с приходом к власти Ху Цзиньтао своё системное изложение в документах III пленума ЦК КПК 16-го созыва получила концепция «мирного возвышения Китая» (中国和平崛起) [4, с. 136]. По мнению отечественных и китайских исследователей, данная концепция выдвинута как антитеза «китайской угрозе». Впервые всестороннее разъяснение идей «мирного возвышения Китая» широко озвучено премьер-министром Вэнь Цзябао в декабре 2003 г. в открытой лекции в Гарвардском университете, в которой подчёркивалось, что «... (Китай) решил сосредоточиться на собственном развитии и использовать собственное развитие для содействия миру и развитию во всём мире» [17].

Выдвинутая концепция привлекла широкое внимание и дискуссию во всём мире. С целью популяризации идеи и языковой ясности термина некоторые исследователи выступили за замену выражения «мирное

¹ Китай выступил против продажи Францией оружия Тайваню. – URL: <https://www.vesti.ru/article/2409218?ysclid=m94iz5ng28978892165> (дата обращения: 15.03.2025). – Текст: электронный.

возвышение» термином «мирное развитие» (和平发展), поэтому в официальных выступлениях за рубежом китайское руководство решило чаще использовать словосочетание «мирное развитие» [11, с. 290]. В развитие данной концепции в 2005 г. на саммите 60-летия образования ООН лидер КНР Ху Цзиньтао обозначил направление новой геополитической стратегии Китая, основанной на идеи «гармоничного мира» (和谐世界) о всестороннем сотрудничестве Китая и всего мира [18, с. 149]. Китайские исследователи делают акцент на том, что данная концепция также подразумевает выстраивание дружеских и партнёрских отношений с соседними странами (与邻为善、以邻为伴) [7, с. 16], что становится ключевой составляющей внешнеполитической стратегии КНР. Таким образом, председатель КНР Ху Цзиньтао в XXI в. продолжил реализовывать на практике «добрососедскую дипломатию» (睦邻外交) и выстроил курс на выстраивание публичной дипломатии с помощью «мягкой силы», ориентированной на продвижение китайского языка и культуры за рубежом.

Смена руководства и вступление в должность Си Цзиньпина в 2013 г. ознаменовали собой наступление нового этапа в китайской дипломатии: её векторность стала определяться не только с учётом внешнеполитических событий, но и принимая во внимание запрос китайского общества, связанный с националистическими настроениями [1, с. 181]. С одной стороны, на современном этапе выстраивание Китаем отношений с мировым сообществом во многом соответствует особенностям современной дипломатии, характеризующейся открытостью, многосторонностью и многоплановостью, усилением взаимозависимости и появлением новых глобальных проблем, увеличением значимости диалога на высшем и высоком уровнях, а также вынужденным налаживанием общения в условиях недружественных отношений, что является прямым следствием взаимозависимости². С другой стороны, внешнеполитическая риторика переходит к использованию «дискурсивной силы», настроенной на достижение адекватного признания страны со стороны внешнего мира [5, с. 14]. В этой связи дипломатическая деятельность Китая продолжает развиваться в направлении обеспечения стабильного положения государства на международной

² Винокуров В.И. Современная дипломатическая система: теория и практика: учебник / под общ. ред. М. П. Торшина. – М.: Русская панорама: СПСЛ, 2022. – 304 с.

арене, разрабатывая теоретическое обоснование своих стратегий и концепций, совершенствуя пути практической реализации предлагаемых мировой общественности проектов.

В частности, председатель Си Цзиньпин выдвинул ряд новых концепций, которые обогатили теорию «дипломатии великой державы с китайской спецификой» (中国特色大国外交) и оказали влияние на ориентиры развития дипломатии страны, тем самым определяя направления внешней политики КНР. Само появление данной теории продиктовано глобальными процессами, ведущими к сплетению интересов акторов мировой политики и усилению взаимозависимости мировых держав друг от друга, в том числе зависимость Китая от «внешнего мира». Основным понятием и целью дипломатии великой державы с китайской спецификой стала идея построения единой судьбы человечества (人类命运共同体), реализуемая посредством «доброжелательности, искренности, взаимовыгодности, инклюзивности» (秦、诚、惠、容) в развитии партнёрских отношений и сотрудничества на международной арене. Практические шаги развития межгосударственного сотрудничества Китая реализуются, в том числе, и дипломатией на высшем уровне. Согласно исследованиям Центрально-европейского института азиатских исследований председатель Си Цзиньпин за 2013–2020 гг. совершил 102 зарубежных визита, что является своеобразным рекордом, опередив других лидеров. Самой посещаемой страной среди китайских лидеров всех поколений остаётся Россия (СССР)¹.

Претворение в жизнь масштабных планов социально-экономического развития Китая было возложено на инициативу «Одного пояса, одного пути». Начиная с 2013 г., когда глава КНР впервые озвучил данную внешнеэкономическую инициативу, она стала практической платформой реализации экономической дипломатии Китая, приводящего свои экономические интересы и geopolитические амбиции в глобальном масштабе. Пять основополагающих целей инициативы «пять коммуникаций» «五通» (политическое общение, взаимосвязь объектов инфраструктуры, беспрепятственная торговля, финансирование и связь между

народами) стали важным инструментом воплощения идей дипломатии великой державы с китайской спецификой [8, с. 8]. Китайские исследователи отмечают, что данная инициатива имеет несомненный дипломатический эффект, укрепляя двусторонние отношения между участниками инициативы [9, с. 27]. Кроме того, в рамках данной инициативы Китай проводит глобальную акцию продвижения международного сотрудничества китайских провинций с крупнейшими зарубежными предприятиями, а также работает над реализацией концепции «дипломатия служит народу» (外交为民) [19, с. 50, 51]. Последняя затрагивает вопросы помощи соотечественникам за рубежом, а также отстаивает интересы государства на мировой политической арене, зачастую прибегая к «решительной» дипломатии как к ответной мере на высказывания дезинформирующего и деструктивного характера западных оппонентов [20, с. 182].

Многолетнее всестороннее развитие внешней политики потребовало от руководства страны создания законодательной базы, направленной на защиту национальных интересов, выстраивание стабильной системы функционирования органов внешних сношений, регулирование их деятельности, определение основных векторов внешней политики государства, разработку ответных мер на недружественные шаги зарубежных оппонентов и т. д. Так, 1 июля 2023 г. в КНР вступил в действие «Закон о внешних сношениях», который помимо изложенного на законодательной основе определяет продвижение на глобальном уровне идеи построения единой судьбы человечества и инвестиционных проектов «Одного пояса, одного пути», развитие многосторонней дипломатии в формате взаимодействия с международными организациями и двусторонней дипломатии в области гуманитарного сотрудничества². Это стало важным шагом, демонстрирующим значимость для Китая внешней политики и сигналом того, что данная тенденция будет сохраняться в будущем.

В таблице представлены основные векторы внешней политики КНР и результаты дипломатической деятельности в соответствии со сменой руководства страны и политических эпох.

¹ Turcsányi R., Eckert M., Šimáčkík M., Majsniarová N. International travel of the PRC leaders (1949–2020). – URL: <https://who-where-when.ceias.eu> (дата обращения: 02.07.2025). – Текст: электронный.

² 中华人民共和国对外关系法 = Закон Китайской Народной Республики о внешних сношениях. – URL: https://www.gov.cn/yaowen/liebiao/202306/content_6888929.htm (дата обращения: 03.07.2025). – Текст: электронный.

Основные векторы внешней политики КНР и дипломатии в соответствии со сменой политических лидеров, выдвинутых ими концепций и стратегий / The main vectors of China's foreign policy and diplomacy in accordance with the change of political leaders and and concepts and strategies introduced by them

<i>Политический лидер и период деятельности / Political leader and period of his activity</i>	<i>Основные внешнеполитические концепции / Main foreign policy strategies</i>	<i>Основные внешнеполитические векторы и результаты дипломатической деятельности / Main foreign policy vectors and results of diplomatic activity</i>
Мао Цзэдун / Mao Zedong (1949–1976)	«Начать всё с нуля», «сначала убрать дом, а потом приглашать гостей», «держаться одной стороны», дипломатия «одного фронта», концепция «трёх миров» / “Starting anew”, “putting the house in order before inviting guests”, “leaning to one side”, “united line” diplomacy, conception of the “Three Worlds”	<ol style="list-style-type: none"> 1. Установление дипломатических отношений с более чем 100 странами. 2. Союзнические отношения с СССР. 3. Выстраивание ограниченного взаимодействия с США: от конфронтации к сближению. 4. Членство КНР в ООН (1971) / 1. Establishment of diplomatic relations with more than 100 countries. 2. Allied relations with the USSR. 3. Building limited interaction with the US: from confrontation to rapprochement. 4. PRC membership in the UN (1971)
Дэн Сяопин / Deng Xiaoping (1978–1989)	«Держась в тени, добиться результатов», «мирное объединение», «одна страна – две системы», добрососедская дипломатия / “Hide your strength, bide your time”, “peaceful reunification”, “one country – two systems”, neighborly diplomacy	<ol style="list-style-type: none"> 1. Установление дипломатических отношений с 131 государством, включая США (1979). 2. Подписание деклараций о передаче Гонконга (1984) и Макао (1987) / 1. Establishment of diplomatic relations with 131 countries, including the US (1979). 2. Signing of the declarations on the handover of Hong Kong (1984) and Macau (1987)
Цзян Цземинь / Jiang Zemin (1989–2003)	«Мирное объединение», «одна страна – две системы» (продолжение курса Дэн Сяопина) / “Peaceful reunification”, “one country – two systems” (following Deng Xiaoping’s course)	<ol style="list-style-type: none"> 1. Установление дипломатических отношений со странами постсоветского пространства. 2. Создание ШОС и развитие многосторонней дипломатии борьбы с «тремя злами». 3. Передача КНР Гонконга (1997) и Макао (1999). 4. Вступление в ВТО (2001) / 1. Establishment of diplomatic relations with the post-Soviet states. 2. Creation of the SCO and development of multilateral diplomacy to combat the “three evils”. 3. The handover of Hongkong (1984) and Macau (1987)
Ху Цзиньтао / Hu Jintao (2003–2013)	«Мирное возвращение Китая», идея гармоничного мира, принцип «выстраивать дружеские и партнёрские отношения с соседями» / “China’s peaceful rise”, concept of “harmonious world”, the principle of “building friendly and partnership relations with neighbours”	<ol style="list-style-type: none"> 1. Активная реализация дипломатии «мягкой силы». 2. Развитие многосторонней дипломатии в рамках международных организаций / 1. Active implementation of soft power diplomacy. 2. Development of multilateral diplomacy within the framework of international organizations
Си Цзиньпин / Xi Jinping (2013 – по настоящее время)	Дипломатия великой державы с китайской спецификой, инициатива «один пояс, один путь», идея построения единой судьбы человечества / Great power diplomacy with Chinese characteristics, “Belt and Road” initiative, concept of “community with a shared future for mankind”	<ol style="list-style-type: none"> 1. Продвижение влияния посредством экономической дипломатии. 2. Активное информационное сопровождение внешней политики и смена дипломатического стиля / 1. Promotion of influence through economic diplomacy. 2. Active information support of foreign policy and a change in diplomatic style

Представленная таблица позволяет наглядно проследить трансформацию китайской дипломатии: от становления двусторонних отношений (начальный период в истории образования КНР) до реализации многосторонней дипломатии посредством участия в деятельности международных организаций на правах одного из ведущих участников (ШОС, БРИКС); от выстраивания союзнических отношений («держаться одной стороны») до по-

литики неприсоединения, подразумевающей независимое принятие внешнеполитических решений, избегая провокаций и не отвлекаясь на меняющуюся международную обстановку («держась в тени, добиться результатов»); от активной вестернизации современного Китая в период проведения политики реформ и открытости до трансляции китайской культуры и языка, используя дипломатию «мягкой силы»; от продвижения «культурной

мягкой силы» до использования «дискурсивной силы» дипломатии для отстаивания своих позиций в мировом информационном пространстве; движение от экономических реформ внутри страны до глобальных инициатив в рамках экономической дипломатии и т. д.

Заключение. Проследив основные этапы развития дипломатии и внешнеполитического курса Китая, можно отметить, что политические установки КНР корректировались со сменой международной повестки и лидера страны, личность которого оказывала определяющее влияние на принятие внешнеполитических решений. На современном этапе для Китая дипломатия принимает особый смысл, поскольку политика неприсоединения ограничивает средства отстаивания своих интересов и, по мнению влиятельного китайского исследователя в области теории международных отношений Янь Сюэтунга, существенно подрывает международный авторитет страны на международной арене [21, с. 69]. В этой связи китайская дипломатия продолжит двигаться в сторону ещё большей вовлечённости страны по всем направлениям в мировую систему, сохраняя при этом свою национальную идентичность и «подстраивая» под себя глобализационные процессы. Дальнейшее развитие

экономических проектов за рубежом позволит Китаю укрепить свои позиции в мировой экономике, а альтернативным шагом к продвижению китайской культуры может стать переориентация «мягкой силы» с языковой составляющей и Институтов Конфуция на транслирование многогранной китайской культуры посредством продвижения «китайской волны» («хуаля»), что задаст вектор на десятилетия для китайской дипломатии. Подтверждением сказанного может служить прогноз российских экспертов ИКСА РАН относительно общего внешнеполитического курса Китая до 2049 г. (100-я годовщина со дня образования КНР), согласно которому КНР продолжит наращивать влияние на соседние государства, при этом избегая излишне жёстких обязательств (в том числе в отношениях с Россией), а смена поколения политической элиты может привести к более амбициозной дипломатии [22]. Вместе с тем молодое поколение в Китае отличается индивидуализмом и большей политической открытостью, имеет представление о других культурах и активно изучает иностранные языки, что создаёт условия для смещения дипломатического вектора в сторону «союзной дипломатии», в которой новое поколение лидеров может увидеть преимущества для обеспечения прочного мира и стабильности.

Список литературы

1. Зуенко И. Китай в эпоху Си Цзиньпина. М.: АСТ, 2024. 304 с.
2. Виноградов А.В. Внешний мир в стратегии Китая после XX съезда КПК // Проблемы Дальнего Востока. 2023. № 5. С. 90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043-8. EDN: UBMOKU
3. Поряков В.Я. О кадровом обеспечении китайской дипломатии // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 1. С. 7–18. DOI: 10.31857/S0131281224010012. EDN: QMDSON
4. Титаренко М.Л., Петровский В.Е. Россия, Китай и новый мировой порядок. Теория и практика. Институт Дальнего Востока РАН. М.: Весь Мир, 2016. 304 с. EDN: VZXQWH
5. Денисов И.Е., Зуенко И.Ю. От мягкой силы к дискурсивной силе: новые идеологемы внешней политики КНР. М.: МГИМО-Университет, 2022. 24 с. EDN: FOPVCB. URL: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/0fbcc0phzmd1vr7evuu1vujuws4lsdsf/china-foreign-policy-new-ideologemes.pdf> (дата обращения: 15.06.2025). Текст: электронный.
6. Богданова Н.А., Солнцева Е.Г. К вопросу о дипломатии КНР: основные теории Дэн Сяопина // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия «Гуманитарные науки». 2022. № 08/2. С. 6–9. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.08-2.01. EDN: VNCATS
7. 宋德星. 大变局下中国外交的时代风貌与主要实践 // 世界经济与政治论坛。2023年。第03。1-18页。= Сун Дэсин. Современный стиль и основные практики дипломатии Китая в условиях великих перемен // Шицзе цзинцзи юй чжэнчжи луньтань. 2023. № 3. С. 1–18.
8. 邢广程. 中国式现代化视域下的外交思想和大国外交 // 当代中国与世界。2022年。第4期。4-14页。= Син Гуанчэн. Дипломатическая мысль и дипломатия великих держав с точки зрения китайской модернизации // Даньдай Чжунго юй шицзе. 2022. № 4. С. 4–14.
9. 陈冲 · 漆海霞 · 管浩. “一带一路”倡议的外交政策效应 // 外交评论. 2024年。第5期。27-55页。= Чэн Чун, Ци Хайся, Гуань Хао. Дипломатические эффекты инициативы «Один пояс, один путь» // Вайцзяо Пинлунь. 2024. № 5. С. 27–55. DOI: 10.13569/j.cnki.far.2024.05.027
10. Бояркина А. Внешнеполитические концепции КНР: теоретический замысел и практическая реализация. Владивосток: Изд-во ДВФУ, 2023. 342 с. DOI: 10.24866/7444-5485-2. EDN: WZPWJX
11. 夏莉萍、梁晓君、李潜虞、熊志勇. 当代中国外交十六讲。北京：世界知识出版社，2017。373页。= Ся Липин, Лян Сяоцзюнь, Ли Цяньюй, Сюн Чжийон. Шестнадцать лекций по современной китайской дипломатии. Пекин: Шицзе чжиши чубаньшэ, 2017. 373 с.

12. Попов А.П. Политические системы и политические режимы в Китае XX века. М.: Экзамен, 2007. 287 с. EDN: QPEJTB
13. Eckstein R. Ping Pong Diplomacy: A View from behind the Scenes. Текст: электронный // The Journal of American-East Asian Relations. 1993. Vol. 2, no. 3. P. 327–342. URL: <http://www.jstor.org/stable/23612842> (дата обращения: 10.02.2025).
14. Clubb E. China and the United States: Beyond Ping-Pong. Текст: электронный // Current History. 1971. Vol. 61, no. 361. P. 129–134. URL: <http://www.jstor.org/stable/45312534> (дата обращения: 17.03.2025).
15. Ковригин Е.Б. Китайско-японские отношения через призму официальной помощи развитию в 1980-2000-х годах. Текст: электронный // Ежегодник Япония. 2012. № 41. С. 97–122. EDN: QAGNQN. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-yaponskie-otnosheniya-cherez-prizmu-ofitsialnoy-pomoschi-razvitiyu-opr-v-1980-2000-h-godah> (дата обращения: 16.02.2025).
16. Точёная А.О. Американо-китайские отношения в 1989–1999 гг. Влияние прокитайского лобби. Текст: электронный // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2013. № 2. С. 94–98. EDN: QOSOWF. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikano-kitayskie-otnosheniya-v-1989-1999-gg-vliyanie-prokitayskogo-lobbi> (дата обращения: 07.03.2025).
17. 温家宝总理哈佛演讲：“把目光投向中国”(全文) = Речь премьера Вэнь Цзябао в Гарварде: «Обратите свой взгляд на Китай» (Полный текст). URL: <https://news.sina.com.cn/c/2003-12-12/06231320804s.shtml> (дата обращения: 15.02.2025). Текст: электронный.
18. Букреева Т.Н. Роль политического взаимодействия России и Китая в обеспечении международной стабильности // Известия Восточного института. 2023. Т. 3, № 59. С. 145–161. DOI: 10.24866/2542-1611/2023-3/145-16. EDN: OZFVUX
19. Идеи Си Цзиньпина о дипломатии / Китайская академия общественных наук / отв. ред. Чжан Юйянь: пер. с кит.: Сяо Дэцян, В.Б. Урусов. М.: Весь мир, 2023. 304 с.
20. Букреева Т.Н. Трансформация терроризма векторе выделения новых видов: дипломатический терроризм в отношении России и Китая // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 3. С. 176-186. DOI: 10.2109/2227-9245-2023-29-3-176-186. EDN: OGDСОН
21. Янь Сюэтун. Молодые тигры. Великие державы в XXI веке. М.: Родина, 2024. 256 с.
22. Аналитические записки ИКСА РАН. Китай 2049: футурологический анализ. Специальный выпуск. М.: ИКСА РАН, 2024. 28 с. DOI: 10.48647/ICCA.2024.31.48.001

References

1. Zuenko I. China in the Era of Xi Jinping. Moscow: AST; 2024. 304 p. (In Russian).
2. Vinogradov A. The outside world in China's strategy after the 20th CPC congress. *Far Eastern Studies*. 2023;(5):90–107. DOI: 10.31857/S013128120028043-8. EDN: UBMOKU (In Russian).
3. Portyakov VYa. On the staffing of Chinese diplomacy. *Far Eastern Studies*. 2024;(1):7–18. DOI: 10.31857/S0131281224010012. EDN: QMDSON (In Russian).
4. Titarenko ML, Petrovskii VE. Russia, China and the New World Order. Theory and Practice. Institute of Far Eastern Studies of the Russian Academy of Sciences. Mosow: Ves' Mir; 2016. 304 p. (In Russian)
5. Denisov IE, Zuenko IYu. From Soft Power to Discursive Power: New Ideologemes of China's Foreign Policy. Moscow State Institute of International Relations (University) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Institute of International Studies. Moscow: MGIMO-Universitet; 2022. 24 p. Available at: <https://mgimo.ru/upload/iblock/0c6/0fbcc0phzmd1vr7evuu1vujuws4lsdsf/china-foreign-policy-new-ideologemes.pdf> (accessed 15.06.2025). (In Russian).
6. Bogdanova NA, Solntseva EG. To the question of prc diplomacy: the main theories of Deng Xiaoping. *Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice*. 2022;(08/2):6–9. DOI: 10.37882/2223-2982.2022.08-2.01. EDN: VNCATS (In Russian).
7. Song D. The contemporary outlook and main practices of China's diplomacy under great changes. *World Economic and Political Forum*. 2023;(3):1–18. (In Chinese).
8. Xing G. Diplomatic thought and great power diplomacy from the perspective of Chinese modernization. *Contemporary China and the World*. 2022;(4):4–14. (In Chinese).
9. Chen C, Qi H, Guan H. Foreign Policy Effect of the Belt and Road Initiative: Bilateral Relationship Measurement Based on Big Data. *Foreign Affairs Review*. 2024;(5):27–55. (In Chinese).
10. Boyarkina AV. Foreign policy concepts of the PRC: theoretical design and practical implementation: monograph. Vladivostok: Izd-vo DVFU; 2023. 342 p. (In Russian).
11. Xia L, Liang X, Li Q, Syun Ch. Sixteen Lectures on Contemporary Chinese Diplomacy. Beijing: World Knowledge Publishing House; 2017. 373 p. (In Chinese).
12. Popov AP. Political systems and political regimes in China in the 20th century. Moscow: Ehkzamen; 2007. 287 p. EDN: QPEJTB (In Russian).
13. Eckstein R. Ping Pong Diplomacy: A View from behind the Scenes. *Journal of American-East Asian Relations*. 1993;2(3):327–342. Available at: <http://www.jstor.org/stable/23612842> (accessed 10.02.2025).

14. Clubb E. China and the United States: Beyond Ping-Pong. *Current History*. 1971;61(361):129–134. Available at: <http://www.jstor.org/stable/45312534> (accessed 17.03.2025).
15. Kovrigin EB. Sino-Japanese relations through the perspective of official development assistance (ODA) in 1980-2000s. *Yearbook Japan*. 2012;(41):97–122. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/kitaysko-yaponskie-otnosheniya-cherez-prizmu-ofitsialnoy-pomoschi-razvitiyu-opr-v-1980-2000-h-godah> (accessed 16.02.2025). EDN: QAGNQN. (In Russian).
16. Tochenaya AO. American-Chinese relations in 1989–1999. The influence of the pro-Chinese lobby. Society. *Environment. Development*. 2013;(2):94–98. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/amerikano-kitayskie-otnosheniya-v-1989-1999-gg-vliyanie-prokitayskogo-lobbi> (accessed 07.03.2025). EDN: QOSOWF. (In Russian).
17. Prime Minister Wen Jiabao's Harvard speech: «Turn your sights on China» (Full text). Available at: <https://news.sina.com.cn/c/2003-12-12/06231320804s.shtml> (accessed 15.02.2025). (In Chinese).
18. Bukreeva TN. The role of Russia-China political interaction in order to ensure international stability. *Oriental Institute Journal*. 2023;3(59):145–161. DOI: 10.2109/2227-9245-2023-29-3-176-186. EDN: OGDCOH (In Russian).
19. Zhang Yu. (ed.) *Xi Jinping's Thought on Diplomacy*. Moscow: Ves' Mir Publishing House; 2023. 304 p. (In Russian).
20. Bukreeva TN. The transformation of terrorism concerning the definition of new types: diplomatic terrorism in relation to Russia and China. *Transbaikal State University Journal*. 2023;29(3):176–186. DOI: 10.2109/2227-9245-2023-29-3-176-186. EDN: OGDCOH (In Russian).
21. Yan X. *Young Tigers. Great Powers in the 21st Century*. Moscow: Rodina; 2024. 256 p. (In Russian).
22. Policy Briefs of the ICCA RAS. *China 2049: a Futurological Analysis. Special Issue*. Moscow: IKSA RAN; 2024. 28 p. DOI: 10.48647/ICCA.2024.31.48.001 (In Russian).

Информация об авторе

Букреева Татьяна Николаевна, канд. полит. наук, доцент кафедры международных отношений и государственного управления, Юго-Западный государственный университет, г. Курск, Россия; tnbinchina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7010-4591>. Область научных интересов: международные отношения, дипломатия, взаимодействие России и Китая, международная стабильность, безопасность, политические деструкции.

Information about the author

Bukreeva Tatiana N., Candidate of Political Sciences, Assistant Professor, International Relations and Public Administration department, Southwest State University, Kursk, Russia; tnbinchina@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-7010-4591>. Research interests: international relations, diplomacy, Russia-China interactions, international stability, security, political destructions.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 04.08.2025; принята к публикации 19.09.2025.

Received 2025, July 21; approved after review 2025, August 4; accepted for publication 2025, September 19.

Научная статья**УДК 323****DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-65-74****Феномен культуры в системе социокультурных и политических предпочтений студенческой молодёжи на примере отраслевого вуза Кузбасса****Елена Викторовна Матвеева^{1,2}**¹Кемеровский государственный институт культуры, г. Кемерово, Россия²Кузбасский государственный аграрный университет им. В. Н. Полецкова, г. Кемерово, Россияmev.matveeva2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7001-6935>

Феномен культуры в современном политическом дискурсе представляет собой достаточно многообразное явление, которое не только включает вопросы, связанные с искусством, но и выступает связующим звеном между разными социальными группами общества в вопросе передачи от поколения к поколению национальных норм, традиций, ценностей, где особое место принадлежит политической науке. Представленное исследование – это попытка посмотреть на вопросы культуры с позиции политического анализа. Объект исследования – культура как инструмент оценки мировоззрения студенческой молодёжи в системе высшего образования. Цель исследования – выявление основных предпочтений студенческой молодёжи на примере регионального отраслевого вуза культуры Кузбасса в отношении социокультурных и политических установок. В число задач вошли: обзор научной литературы, посвящённой вопросам формирования социокультурных и политических ценностей в мировоззрении молодёжи; проведение социологического исследования в форме фокус-групп среди студентов Кемеровского государственного института культуры; выявление предпочтений в системе ценностей молодёжи через призму категории культуры. Методология исследования включала метод фокус-групп, а также системный и сравнительный подходы для обобщения и систематизации данных. В ходе политического анализа выявлена ключевая особенность в предпочтениях молодёжи: чем старше курс обучения, тем выше уровень одобрения и понимания со стороны студенческой молодёжи принимаемых государством решений в вопросах сохранения и укрепления традиционных ценностей. Отмечено, что значимое место в текущей информационной повестке занимают понятия «традиция», «идентичность» и «политика памяти», которые подвержены воздействию политических событий как в стране, так и в мире. Связующую роль в этом играет политика государства по патриотическому воспитанию молодого поколения.

Ключевые слова: культура, образовательная политика государства в сфере культуры, молодёжь, социокультурные и политические предпочтения молодёжи, мировоззрение, ценности, традиционные ценности, патриотизм, регион, Кузбасс

Для цитирования

Матвеева Е.В. Феномен культуры в системе социокультурных и политических предпочтений студенческой молодёжи на примере отраслевого вуза Кузбасса // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 65–74. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-65-74

Original article**Culture Phenomenon in the System of Socio-Cultural and Political Preferences of Student Youth on the Example of an Industry University in Kuzbass****Elena V. Matveeva^{1,2}**¹Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russia²Kuzbass State Agrarian University named after V. N. Poletskov, Kemerovo, Russiamev.matveeva2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7001-6935>

Culture phenomenon in modern political discourse is a multifaceted phenomenon that includes not only issues related to art, but also acts as a link between different social groups in the issue of passing on national norms, traditions, and values from generation to generation, where political science plays a special role today. The presented study is an attempt to look at cultural issues from the standpoint of political analysis. In this regard, the object of the study is culture as a tool for assessing the worldview of student youth in the higher education system. The purpose of the study is to identify the main preferences of student youth using the example of the regional industry university of culture in Kuzbass in relation to socio-cultural and political attitudes. The tasks included: a review of scientific literature devoted to the formation of socio-cultural and political values in the worldview of young people; conducting a sociological study in the form of focus groups among Kemerovo State Institute of Culture students; identifying preferences in the value system of young people through the prism of the category of culture. The research methodology included the use of focus groups, as well as systematic and

© Матвеева Е.В., 2025

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

comparative approaches to generalize and systematize data. In the course of political analysis, a key feature in the preferences of young people is revealed: the older the course of study, the higher the level of approval and understanding on the part of student youth of the decisions taken by the state in matters of preserving and strengthening traditional values. It is noted that a significant place in the current information agenda is occupied by the concepts of "tradition", "identity" and "politics of memory", which are subject to the influence of political events both in the country and in the world. At the same time, the state policy on patriotic education of the younger generation plays a connecting role in this.

Keywords: culture, state educational policy in the sphere of culture, youth, socio-cultural and political preferences of youth, worldview, values, traditional values, patriotism, region, Kuzbass

For citation

Matveeva E.V. Culture Phenomenon in the System of Socio-Cultural and Political Preferences of Student Youth on the Example of an Industry University in Kuzbass // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 65–74. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-65-74

Введение. Современная политическая реальность всё с большей очевидностью ставит перед научным сообществом задачу проведения социологических исследований предпочтений студенческой молодёжи в отношении формируемой государством «новой» системы традиционных ценностей в рамках реализуемой национальной парадигмы развития. Данный процесс сопровождается, в частности, реформированием системы высшего образования, когда на смену не оправдавшей себя в нашей стране болонской системе приходит пилотный проект по переходу в 2023–2026 гг. на российскую модель двухуровневого образования с базовым и специализированным уровнями. По словам заместителя главы Минобрнауки Д. Афанасьева, «первый пилотный опыт показал высокую эффективность новых реализуемых программ»¹.

Отмеченные процессы взаимодополняют друг друга, что ставит перед системой высшего образования задачу подготовки высококвалифицированных кадров с акцентом на воспитательную составляющую с возможностью интеграции в образовательный процесс таких ценностных приоритетов, как знание и уважение своего исторического наследия, гражданственность, сохранение традиционных ценностей своей страны и мн. др.

Особую «миссию» в этом процессе занимают регионы России, где завершается процесс возведения культурно-образовательных кластеров (г. Кузбасс, Калининград, Владивосток, Севастополь), а также расположены отраслевые вузы, подведомственные Минкультуры, на которые возлагается задача по консолидации разных социальных групп общества вокруг значимости в современной

жизни традиционных ценностей, в частности как средства по противодействию террористической и экстремистской деятельности, особенно вызывающих опасения общества и государства в условиях проведения Специальной военной операции (далее – СВО). Данные изменения закреплены в ряде нормативно-правовых актов, в частности в «Комплексном плане противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг.»², письмах Министерства культуры РФ от 26.02.2025 г. № 148-01.1-39@-AM и от 24.04.2025 г. № 307-01.1-39@-AM о необходимости включения в Уставы вузов культуры в части раздела «Права и обязанности» пункта о формировании традиционных духовно-нравственных ценностей.

Однако, как показывают результаты федеральных исследований³, приоритетное внимание уделяется текущей ситуации без должного внимания оценки, например, фактора высшего образования и отраслевой направленности вуза на трансформацию ценностей молодёжи в динамике в период обучения в вузе. По мнению автора статьи, данная недооценка динамических изменений в условиях прилагаемых усилий со стороны государства и его институтов по формированию системы традиционных ценностей актуализирует проблему по проведению в регионах с отмеченной спецификой, в частности в Куз-

² Комплексный план противодействия идеологии терроризма в Российской Федерации на 2024–2028 гг.: [утв. Президентом РФ В. Путиным 30 декабря 2023 г. № Пр-2610]. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408366785> (дата обращения: 11.08.2025). – Текст: электронный.

³ Ценности молодёжи. – URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/cessnosti-molodezhi> (дата обращения: 15.09.2025). – Текст: электронный; Ценностные ориентации современной молодёжи. Аналитический обзор результатов международных и российских исследований. ЦИРКОН. 2021. – URL: <https://www.zircon.ru/upload/iblock/aab/tsennostnye-orientatsii-sovremennoy-molodezhi-analiticheskiy-obzor.pdf> (дата обращения: 11.08.2025). – Текст: электронный.

¹ Число вузов-пилотов для перехода на новую модель образования хотят увеличить. – URL: <https://www.pnp.ru/social/chislo-vuzov-pilotov-dlya-perekhoda-na-novuyu-model-obrazovaniya-khotyat-uvelichit.html> (дата обращения: 11.08.2025). – Текст: электронный.

бассе, исследований по выявлению в динамике ценностных социокультурных и политических предпочтений студенческой молодёжи на примере регионального отраслевого вуза культуры – Кемеровского государственного института культуры. Полученные результаты могут в дальнейшем масштабироваться в других регионах путём учёта при планировании образовательного процесса в системе высшего образования. При этом считаем, что применение термина «предпочтения» максимально точно отражает содержательную плоскость рассматриваемого феномена и в отличие, например, от термина «установки» (более подвижного и изменчивого) позволяет говорить о наличии динамики в системе ценностей студенческой молодёжи с момента начала обучения в вузе и до его завершения.

Объект исследования – феномен культуры как инструмент оценки мировоззрения студенческой молодёжи в системе высшего образования.

Предмет исследования – анализ системы социокультурных и политических предпочтений студенческой молодёжи на примере регионального отраслевого вуза культуры Кузбасса – Кемеровского государственного института культуры (далее – КемГИК).

Цель исследования – выявление основных предпочтений студенческой молодёжи на примере регионального отраслевого вуза культуры Кузбасса в отношении социокультурных и политических установок. При этом культура рассматривается в рамках данного исследования в широком контексте – это и искусство, и средство познания окружающего мира, и, что не менее важно, инструмент оценки установок молодёжи, формируемых под воздействием системы высшего образования.

Задачи исследования заключались в обзоре научной литературы, посвящённой вопросам формирования социокультурных, политических и иных установок в мировоззрении молодёжи, проведении социологического исследования в форме фокус-групп среди студентов КемГИК, выявлении предпочтений в системе ценностей молодого поколения, демонстрируемых через призму культуры, когда последняя выступает неким связующим компонентом в восприятии молодым поколением изменений последних лет в общественно-политическом пространстве региона и страны.

Методология и методы исследования. Методология исследования включала применение метода качественного анализа – фокус-групп, а также системного и сравнительно-го подходов. Фокус-группы проводились в мае

2025 г. среди студентов-бакалавриата 1–3-х курсов социально-гуманитарного факультета и факультета социально-культурных технологий КемГИК. Выборка составила 36 человек при гендерном соотношении 2/3 девушки и 1/3 юноши с учётом направленности образовательных программ, включённых в выборку факультетов. Выборка репрезентативна в силу выбора респондентов с двух факультетов с разной спецификой обучения, где в случае с социально-гуманитарным факультетом ведётся подготовка специалистов широкого профиля для учреждений культуры, тогда как студенты факультета социально-культурных технологий рассматриваются как будущие специалисты в области культурно-массовых мероприятий, в обучении которых акцент ставится на раскрытие умений и навыков творческой направленности.

Сравнительный и системный подходы нашли применение при обработке и анализе собранных данных с помощью метода фокус-групп. В частности, системный подход с присущими ему чертами структуированности и комплексности при проведении анализа позволил рассматривать каждый из ответов респондентов как целостное явление.

Разработанность темы исследования. В качестве теоретического основания работы выступили исследования российских учёных, занимающихся изучением различных аспектов проблемы ценностей современной российской молодёжи как детерминанты общественного развития. Культурологический подход представлен достаточно широко в российских исследованиях, в частности в работах Л. Лимеренко, Е. Маринченко, Н. Рыжевой, в которых под ценностями молодёжи рассматриваются вопросы духовной компоненты через культурные практики и проектную деятельность [14; 15].

Отдельное исследовательское направление представляют публикации, затрагивающие культуру как средство исследования ценностных ориентиров и представлений молодёжи [11], выявления «устойчивых стереотипов в мировоззрении молодых людей» [9, с. 135]. Российские социологи подходят к категории культуры с позиции межличностного взаимодействия, где культурные стереотипы, утвердившиеся в силу определённых факторов в сознании человека, определяют его социальное поведение. Так, К. В. Истомина и Н. С. Харитонов рассматривают культуру как потребность социального взаимодействия [6, с. 21]. Ю. А. Зубок и А. С. Любутов оценивают социокультурную реальность с позиции

саморегуляции молодёжи, где смыслы (ценности) формируются в результате синтеза идей культуры традиционной и современной (субкультуры), «определяя её неоднозначные реакции на события и явления социальной реальности, ... выбор конкретных форм поведения» [5, с. 374].

В последние несколько лет получили распространение междисциплинарные исследования специалистов в области гуманитарных наук, в которых затрагиваются отдельные направления ценностных представлений молодёжи в свете роста в стране патриотической риторики. В их числе публикации, анализирующие текущую ситуацию в формировании гражданско-патриотических ценностей и сохранении истории и культурного наследия [1; 4; 7; 10], отношение молодёжи к семейным ценностям в самом широком контексте [2; 3], роль традиций и традиционных ценностей в политической культуре и сознании молодого поколения [8; 13], а также влияние ценностей на обеспечение национальной безопасности государства [12]. Мы привели лишь небольшой срез публикаций, представляющих определённый интерес для данного исследования.

Результаты исследования. В гайде фокус-группы респондентам предложено выразить своё мнение относительно двух тематических блоков:

1) личностное отношение к сущности культуры и возможным изменениям в системе культурных ценностей в среднесрочной перспективе;

2) место политического контекста в системе культурных предпочтений молодёжи (второй блок представлял наибольший интерес в силу возможности получения данных в отношении политических установок студенческой молодёжи).

На вопрос первого блока «Как Вы понимаете понятие «культура»? Для Вас это больше общечеловеческая или личностная категория?» ставилась задача выявления сущности понимания культуры через призму восприятия респондентами данной категории в личностном и/или общечеловеческом выражении. Ответы показали, что 2/3 респондентов рассматривают категорию культуры в общечеловеческом контексте или как синтез личностного и общечеловеческого явления. Ответы участников исследования приведены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

**Категория культуры в понимании студенческой молодёжи КемГИК /
The category of culture in the understanding of KemGIK student youth**

<i>Общечеловеческая интерпретация культуры / A universal interpretation of culture</i>	<i>Синтезированное понимание культуры / A synthesized understanding of culture</i>
Культура – это созданные человечеством произведения искусства, совокупность традиций, ценностей, норм, которые есть в обществе. Это общечеловеческая категория / Culture is a work of art created by mankind, a set of traditions, values, norms that exist in society. It is a universal human category	Лично для меня культура – это в равной степени и общечеловеческое, и личностное явление, потому что оба между собой взаимосвязаны / For me personally, culture is both a universal and a personal phenomenon, because both are interconnected
В это понятие (понятие культуры) входит всё, что было создано людьми, человеческий опыт и принятые в социуме образы жизни, образы поведения / This concept (the concept of culture) includes everything that was created by people, human experience and the ways of life and behavior accepted in society	В моём понимание существуют оба вида культуры. Их возможно разделить, но в этом нет смысла. Если говорить о личностной культуре, то это больше семейные традиции, культуры конкретной национальности и ценностные установки самого человека, связанные с результатом воспитания человека / In my understanding, both types of culture exist. They can be separated, but there is no point in this. If we talk about personal culture, then these are more family traditions, the culture of a specific nationality and the value attitudes of the person himself, associated with the result of the person's upbringing
Я согласна с тем, что культура – это всё, что нас окружает. Это общечеловеческое понятие / I agree that culture is everything that surrounds us. It is a universal human concept	Первично у меня возникает ассоциация, что культура – это общечеловеческое понятие. Но все зависит от контекста. Для меня культура – это культура конкретного народа или человечества в целом. Это можно объяснить тем, что про общечеловеческую культуру говорят чаще, чем про личностную / My first association is that culture is a universal human concept. But everything depends on the context. For me, culture is the culture of a specific people or humanity as a whole. This can be explained by the fact that universal human culture is spoken of more often than personal culture

Окончание табл. 1 / The end of the table 1

Общечеловеческая интерпретация культуры / A universal interpretation of culture	Синтезированное понимание культуры / A synthesized understanding of culture
Культура представляет для меня достаточно широкое понятие. Оно включает в себя искусство, музыку и многое другое. Чаще всего культура употребляется в общечеловеческом значении / Culture is a fairly broad concept for me. It includes art, music and much more. Most often, culture is used in a general human sense	Культура – это очень обширное понятие, которое включает в себя много разнообразных значений: культура поведения, культура как искусство, культура как ценности. Оба смысла уместны. Разделять их между собой трудно. Патриотизм как ценность, например, характерен как для отдельного человека, так и для всей цивилизации / Culture is a very broad concept that includes many different meanings – the culture of behavior, culture as art, culture as values. Both meanings are appropriate. It is difficult to separate them. Patriotism as a value, for example, is characteristic of both an individual and an entire civilization
Согласна с мнением, что культура является больше общечеловеческим понятием / I agree with the opinion that culture is more of a universal human concept	Понятие может трактоваться по-разному. Но я преимущественно употребляю в значении некого общечеловеческого явления и воспринимаю больше с достижениями искусства, науки, народной культуры и т.д. / The concept can be interpreted in different ways. But I primarily use it in the sense of some universal human phenomenon and perceive it more with the achievements of art, science, folk culture, etc.
Для меня это общечеловеческое понятие, т.к. культура может быть везде и на протяжении всей нашей жизни. К примеру, Дом культуры как вид искусства или же возделывание земли как культура / For me, this is a universal concept, because culture can be everywhere and throughout our entire lives. For example, a House of Culture as a form of art or cultivating the land as a culture	Ранее до поступления я не задумывалась о слове «культура». Но когда пришла, нам сказали, что культура – это всё, что нас окружает. Поэтому для меня это больше общечеловеческое понятие. Но культуру можно рассматривать и как личностное понятие / Before entering, I hadn't thought about the word «culture». But when I came, we were told that culture is everything that surrounds us. So, for me, it's more of a universal concept. But culture can also be viewed as a personal concept

Далее мы поинтересовались у респондентов тем, изменились ли их культурные ценности за последние 2–3 года и имеется ли потенциальная возможность изменений в период обучения в вузе. Вопрос вызвал затруднения и расхождения в ответах. Большинство участников исследования согласилась с тем, что изменения возможны, но прозвучали единичные мнения, в которых можно было увидеть качественные параметры данных изменений. Ответы показывают, что студентам в целом сложно конкретизировать возможные изменения ценностей в политическом, гражданском отношении и гораздо проще с профессиональной точки зрения. Приведём отдельные ответы.

1. «Скорее всего, изменяются политические взгляды. Если говорить о произошедших изменениях, то я стала более детально рассматривать ситуации с разных сторон, с разных областей научного знания, подходить к информации менее стереотипно».

2. «Скорее всего, изменились. Не могу сказать, как. В определённых ситуациях ловлю себя на том, что раньше думала по-другому».

3. «Ценности могут поменяться. Но это не зависит от обучения, это зависит от процесса взросления, изменений в круге общения».

4. «Изменились и, скорее всего, измениются и дальше. Всё, что вокруг меня проис-

ходит, все люди, которые меня окружают, на меня оказывают влияние. Допускаю, что что-то может меняться».

5. «Я тоже изменился, как и все. Мне кажется, раньше я был большим идеалистом, сейчас больше материалистом. Мои привычки изменились в силу переезда из маленького населённого пункта в культурную столицу Кузбасса. Могу ходить, смотреть, слушать что-нибудь. Надеюсь, буду в том же духе».

6. «Мне кажется, изменения будут в плане профессионального роста и сформированных навыков в профессии».

Второй блок вопросов фокус-группы, как мы отмечали ранее, акцентировал внимание на мировоззренческих основаниях молодёжи как в вопросах культурных предпочтений, так и в понимании мира политики.

Ответы на вопрос «Какие ценности культурного наследия нашей страны / региона оказывают влияние на Ваше мировоззрение? В чём это находит своё проявление?» в целом показали достаточно тонкую грань в предпочтениях студентов в отношении «выбора» памятников материального и/или нематериального наследия. Чаще всего в ответах делался «выбор» в пользу памятников материального культурного наследия («На меня оказала большое влияние площадь Маяковского с высокой статуей поэта в городе Новокузнецке. Мне нравится его творче-

ство, поэтому приятно, что в моём городе чтут этого человека»; «Памятник Николаю Масалову. Это грандиозное сооружение в Кузбассе. Это гордость за страну»; «Я впечатляюсь наскальной живописью нашего региона. Когда это видишь, то понимаешь, насколько древняя история у нашего региона», в меньшей мере – нематериального культурного наследия («Это могут быть семейные ценности человека»; «Патриотизм, семейные традиции, обычаи, обряды, фестивали. У нас в Туве ежегодно проводят фестиваль “Устуу-Хурээ”»).

Достаточно активно респонденты делились своими предпочтениями, сформированными под влиянием литературного творчества русских поэтов и композиторов. При этом ответы показывают не просто погружение в традиционные устои русского народа, а так называемый «выбор» в пользу определённого литературного героя как отражение собственных жизненных принципов и установок, а также проявление чувства гордости за свою страну через интерпретацию её литературного наследия. Приведём некоторые из ответов.

1. «Если говорить о русской литературе, то в школьные годы на меня произвело впечатление произведение Тургенева «Отцы и дети»».

2. «Есть произведения и литературные, и музыкальные, оказавшие на меня огромное впечатление. Например, Тарас Бульба Гоголя. Это произведение для меня о роли принципов и убеждений в жизни человека. Все произведения Достоевского учат человечности, мотив религиозности прослеживается во всех его произведениях. Проникаешься такими произведениями, читаешь, думаешь, как жить по-доброму».

3. «Культурное наследие России оказывает влияние на мировоззрение людей, например через литературное творчество русских писателей Пушкина, Лермонтова. Любой человек прикасается к этому и это оказывает на него влияние, на его ценности. Я – не исключение».

Переходя к последнему вопросу «Влияют ли происходящие политические события в нашей стране и в мире в широком смысле этого слова на Ваше восприятие таких понятий, как “традиция”, “политическая идентичность”, “политика памяти”?», все участники фокус-группы дали утвердительный ответ,

полностью согласившись с воздействием политики на рассматриваемые явления. Молодёжь сопереживает происходящим политическим событиям в стране и одновременно с этим многие участники подчёркивали в своих ответах подъём патриотизма в нашей стране через культурно-просветительские мероприятия (воздвижение памятников людям с героическим прошлым, создание новых фильмов про Великую Отечественную войну, проведение в школах уроков «Разговоры о важном», прослушивание гимна в школах и детских садах), внимание к которым возросло в последние несколько лет в период проведения СВО. Некоторые ответы студенческой молодёжи КемГИК с разбивкой на курсы представлены в табл. 2.

Приведённые ответы позволяют выделить следующую особенность: студенты старших курсов в своём большинстве выражали поддержку в оценке произошедших изменений в вопросе реализации мероприятий по укреплению патриотического духа среди молодёжи, в том числе в рамках «политики памяти» и формирования российской идентичности. Подобные отличия следует объяснить разной интенсивностью воздействия процесса политической социализации в рамках учебного процесса, где студенты-первокурсники пока незначительно интегрированы в современные реалии развития российской государственности, в частности в культурные процессы и историю нашей страны, и лишь на старших курсах более осознанно подходят к оценке происходящего, основываясь на данных средств массовой информации, социальных сетей, полученных знаниях в системе образования, круге общения и личном опыте. Выявленная особенность позволяет сделать вывод о том, что дисциплины 1-го курса общегуманитарного профиля («История», «Правоведение», «Основы российской государственности»), ориентированные на формирование системы традиционных российских ценностей, включая ценность патриотизма, далеко не всегда способны оказать молниеносный профилактический эффект на мировоззрение молодёжи, поэтому на протяжении всего периода обучения в вузах необходимо продолжать работу по укреплению в сознании молодёжи государственного приоритета сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей как основы национальной безопасности.

Таблица 2 / Table 2

**Политические аспекты предпочтений студенческой молодёжи /
Political aspects of student youth preferences**

<i>Ответы студентов 1-го курса / Answers from 1st year students</i>	<i>Ответы студентов 2-3-х курсов / Answers from 2nd-3rd year students</i>
Я считаю, что слова «Я должен» совершенно не подходят для воспитания молодёжи. Достаточно долго в нашей стране в приоритете был вопрос личной безопасности. Ценностей мало кого интересовали. Поэтому нынешняя политика государства в плане воздействия на формирование ценностей молодёжи малоэффективна / I believe that the words «I must» are completely inappropriate for educating young people. For a long time in our country, the issue of personal safety was a priority. Values were of little interest to anyone. Therefore, the current state policy in terms of influencing the formation of values of young people is ineffective	Я заметила, что несколько лет назад стали активно снимать фильмы про Великую Отечественную войну. В детских садах стали слушать гимн каждое утро. Я считаю, что это важно. Я не считаю, что это плохо, тем более если в стране необходимо поддерживать дух патриотизма / I noticed that several years ago they started actively making films about the Great Patriotic War. In kindergartens they started listening to the anthem every morning. I think it is important. I don't think it is bad, especially if the spirit of patriotism needs to be maintained in the country
Установка «Ты должен» имеет советское прошлое и совершенно не подходит для настоящего времени. У молодёжи акцент смешён на желания и личные интересы. Нужно давать посылы «Мы заботимся» и «Ты позаботься», «Мы хотим этого» и «Ты хочешь этого». Это было бы намного эффективнее. Идея, которую продвигают, – хорошая, но как это делается, не очень верно / The «You must» attitude has a Soviet past and is completely unsuitable for the present time. The emphasis among young people is shifted to desires and personal interests. It is necessary to give the message «We care» and «You take care», «We want this» and «You want this». This would be much more effective. The idea that is being promoted is good, but the way it is being done is not very correct	Влияет. Это всегда было, есть и будет. Сейчас большой акцент идёт на патриотизм, на русскую культуру. Начало развиваться русское кино / It does. It always has been, is and will be. Now there is a big emphasis on patriotism, on Russian culture. Russian cinema has begun to develop
Патриотизм зарождается в человеке по-другому. Это должно идти мягче, с умом. Иначе молодёжь воспринимает происходящее резко и негативно / Patriotism is born in a person differently. It should be done more gently, wisely. Otherwise, young people perceive what is happening harshly and negatively	С возрастом больше доходит понимания того, что День Победы – это ценная Великая Победа, что это наша история. И гордость становится всё больше и больше / With age, there is a greater understanding that Victory Day is a valuable Great Victory, that this is our history. And pride becomes more and more
Да, изменения происходят, и это влияет на ценности. Сейчас идёт пропаганда патриотизма на уклон русской культуры и идентичности / Yes, changes are happening and this is affecting values. Now there is propaganda of patriotism towards the bias of Russian culture and identity	Поначалу вызывало возмущение не потому, что против страны, это было непривычно. Но постепенно я стала понимать, что это нужно в связи с искажением фактов в истории и СВО / At first it caused indignation not because it was against the country, it was unusual. But gradually I began to understand that it was necessary in connection with the distortion of facts in history and the Special Military Operation

Приведённые ответы позволяют выделить следующую особенность: студенты старших курсов в своём большинстве выражали поддержку в оценке произошедших изменений в вопросе реализации мероприятий по укреплению патриотического духа среди молодёжи, в том числе в рамках «политики памяти» и формирования российской идентичности. Подобные отличия следует объяснить разной интенсивностью воздействия процесса политической социализации в рамках учебного процесса, где студенты-первокурсники пока незначительно интегрированы в современные реалии развития российской государственности, в частности в культурные процессы и историю нашей страны, и лишь на старших курсах более осознанно подходят к оценке происходящего, основываясь на

данных средств массовой информации, социальных сетей, полученных знаниях в системе образования, круге общения и личном опыте. Выявленная особенность позволяет сделать вывод о том, что дисциплины 1-го курса общегуманитарного профиля («История», «Правоведение», «Основы российской государственности»), ориентированные на формирование системы традиционных российских ценностей, включая ценность патриотизма, далеко не всегда способны оказать молниеносный профилактический эффект на мировоззрение молодёжи, поэтому на протяжении всего периода обучения в вузах необходимо продолжать работу по укреплению в сознании молодёжи государственного приоритета сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей как основы национальной безопасности.

Наибольший интерес при этом у респондентов в ходе обсуждения вызвало понятие «политика памяти». В прозвучавших высказываниях «политика памяти» ассоциировалась с увековечиванием героев Великой Отечественной войны в виде памятников и мемориалов, мероприятиях по поднятию духа патриотизма в школах, судах и вузах, введением цензуры в истории нашей страны на отдельные литературные произведения как средство по противодействию изменениям в обществе. Все отмеченные мероприятия в конечном итоге способны оказывать в долгосрочной перспективе положительное воздействие на изменение ценностей в обществе и усиление национальной безопасности государства.

В свою очередь понятие «идентичность» рассматривалось участниками исследования как «формирование чего-то своего», «восприятие себя в качестве гражданина», причём с учётом возможных изменений на протяжении всей жизни человека под влиянием исторических и политических событий. Данное соотношение в оценках рассматриваемых понятий следует сводить к тому, что понятия «идентичность» и «традиции» являются достаточно распространёнными терминами в последние несколько лет и весьма часто обсуждаются не только в рамках учебного процесса, но и на уровне просветительских мероприятий, на научных конференциях и круглых столах, в отличие от понятия «политика памяти», менее распространённого в системе отраслевых вузов культуры, что вызывает гораздо больший интерес среди студенчества в поиске возможных компонентов его содержательного наполнения.

Выводы

1. Проблематика мировоззренческих оснований ценностей студенческой молодёжи уже давно вышла за пределы сугубо психологии и социологии, изучающих сознание и поведение человека. Междисциплинарный формат осмыслиения различных граней ценностных представлений молодого поколения в условиях решения стратегической задачи

Российской Федерации по обеспечению национальной безопасности затрагивает широкий круг вопросов, в частности вопросы места ценностных оснований в системе приоритетов общества в настоящее время. Феномен культуры как инструмент по оценке мировоззрения студенческой молодёжи в системе высшего образования позволил затронуть проблему политических предпочтений, что весьма важно для изучения общественных настроений студентов отраслевых вузов культуры.

2. Молодёжь осознаёт, что ценности – это динамично развивающаяся в историческом отрезке времени категория, которая оказывает разное по мере воздействия на человека влияние, особенно в переломные периоды развития нашей страны. В этом отношении изменения можно проследить не только в оценке политических событий, но и в вопросах социокультурных ценностей человека. Не отрицая факта возможных изменений своих предпочтений, а в дальнейшем и стереотипов поведения, студенческая молодёжь КемГИК при этом признаёт оправданными принимаемые политической элитой нашей страны политico-управленческие решения по наполнению новым содержанием ключевых понятий современности, таких как «традиции», «идентичность», «политика памяти». В целом, независимо от курса обучения в высшей школе молодёжь подчёркивает высокую роль патриотического вектора государства в принимаемых решениях в вопросе формирования и укрепления традиционных устоев российской государственности через увековечивание памяти о великих эпохальных событиях, ключевых для нашей истории и культуры дат и героев.

3. Полученные результаты не претендуют на статус универсальных характеристик в отношении рассматриваемой проблемы, однако могут получить дальнейшее развитие при проведении кросс-региональных исследований, а также с учётом выработки методики оценки индикаторов сравнения для выявления сходств и различий по оцениваемым социально-демографическим показателям.

Список литературы

1. Антонова А.В. Гражданско-патриотические ценности студенческой молодёжи педагогического вуза // Традиции и инновации в педагогическом образовании: сб. науч. тр.: в 2 ч. Екатеринбург, 2024. Ч. 2. С. 20–26. EDN: VGVMEM
2. Барышная Н.А., Загорский А.А. Семейные ценности среди студенческой молодёжи: отношение к созданию семьи в России // Вестник Южно-Российского государственного технического университета (НПИ). Серия «Социально-экономические науки». 2025. Т. 18, № 1. С. 19–28. DOI: 10.17213/2075-2067-2025-1-19-2. EDN: QBCMZU

3. Вершинина Т.С. Семейные ценности в структуре ценностных ориентаций студенческой молодёжи // Психология и педагогика как ресурс развития образования: материалы Всерос. науч.-практ. конф. Хабаровск, 2024. С. 18–21. EDN: XCBXQY
4. Воронова Е.С. Влияние истории и культурного наследия на патриотическое воспитание молодёжи // Вопросы педагогики. 2025. № 1-2. С. 18–22. EDN: OHFRAE
5. Зубок Ю.А., Любутов А.С. Молодёжь в социокультурной реальности российского общества: смысловые детерминанты саморегуляции // Россия реформирующаяся. 2022. № 20. С. 339–378. DOI: 10.19181/ezhreg.2022.13. EDN: JEIBXB
6. Истомина К.В., Харитонов Н.С. Социально-культурные ценности современной российской молодёжи и будущие варианты их развития // Материалы Афанасьевских чтений. 2020. № 4. С. 16–23. EDN: RFPKYZ
7. Леонова О.В., Белкин Е.О. Патриотические ценности студенческой молодёжи: анализ социологических исследований // Прикладные социологические исследования Астраханского региона: сб. ст. Астрахань, 2023. С. 24–35. EDN: ASKNBD
8. Матвеева Е.В., Шилова А.Э., Сат А.В. Традиционные ценности в системе политической культуры студенческой молодёжи Кузбасса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2024. № 81. С. 244–252. DOI: 10.17223/1998863X/81/22. EDN: DPTTDK
9. Матвеева Е.В., Алагоз А.В., Паничкина Е.В., Асхакова А.П. Феномен культуры в системе ценностных представлений студенческой молодёжи Кузбасса (на материалах фокусированных интервью) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2023. Т. 29, № 1. С. 129–138. DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-1-129-13. EDN: LJQUGV
10. Микляева А.В., Проект Ю.Л., Хороших В.В. Трансформация социокультурных ценностей и традиций в информационную эпоху как предпосылка изменения гражданской и политической активности российского студенчества // Психология человека в образовании. 2022. Т. 4, № 1. С. 76–90. DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-1-76-90. EDN: HDVUBP
11. Перикова Е.И., Богомаз С.А. Культурные ценности как факторы психологической системы деятельности студенческой молодёжи Санкт-Петербурга // Системогенез учебной и профессиональной деятельности: материалы VIII Всерос. науч.-практ. конф. / под ред. Ю.П. Поваренкова. Ярославль, 2018. С. 282–285. EDN: ENFFQJ
12. Рыбакова М.В., Иванова Н.А. Ценности студенческой молодёжи в контексте национальной безопасности // Теория и практика общественного развития. 2025. № 2. С. 17–23. DOI: 10.24158/tipor.2025.2.1. EDN: UDETXA
13. Слинкова О.К., Вишневская Е.В., Богомазова И.В. Традиционные российские ценности и их преломление в сознании студенческой молодёжи // Научный результат. Технологии бизнеса и сервиса. 2025. Т. 11, № 1. С. 96–109. DOI: 10.18413/2408-9346-2025-11-1-0-7. EDN: ZURMXT
14. Ryzheva N., Marynchenko H. Formation of cultural and spiritual values in the modern youth environment // Sworld-Us Conference Proceedings. 2023. № usc18-01. С. 125–128. DOI: 10.30888/2709-2267.2023-18-01-007. EDN: MQBVQM
15. Lymarenko L. Spiritual values of student youth in today's realities: analysis of cultural and artistic projects // Естетика і етика педагогічної дії. 2023. № 28. С. 90–100. DOI: 10.33989/2226-4051.2023.28.293170. EDN: EZZMPX

References

1. Antonova AV. Civic-patriotic values of students of the pedagogical university. In: Traditions and innovations in pedagogical education: collection of scientific papers. Yekaterinburg; 2024. Part 2. P. 20–26. EDN: VGVMEM (In Russian).
2. Baryshnaya NA, Zagorsky AA. Family values among students: attitudes towards starting a family in Russia. *Bulletin of the South-Russian State Technical University (NPI). Series: Socio-Economic Sciences*. 2025;18(1):19–28. DOI: 10.17213/2075-2067-2025-1-19-2. EDN: QBCMZU (In Russian).
3. Vershinina TS. Values in the Structure of Value Orientations of Student Youth. In: Psychology and Pedagogy as a Resource for Education Development: Proceedings of the All-Russian Scientific and Practical Conference. Khabarovsk; 2024. P. 18–21. EDN: XCBXQY (In Russian).
4. Voronova ES. The Influence of History and Cultural Heritage on Patriotic Education of Youth. *Issues of Pedagogy*. 2025;(1-2):18–22. EDN: OHFRAE (In Russian).
5. Zubok YuA, Lyubutov AS. Youth in the socio-cultural reality of Russian society: semantic determinants of self-regulation. *Russia Reforming*. 2022;(20):339–378. DOI: 10.19181/ezhreg.2022.13. EDN: JEIBXB (In Russian).
6. Istomina KV, Kharitonov NS. In: Materials of the Afanasyev Readings. 2020;(4):16-23. EDN: RFPKYZ (In Russian).
7. Leonova OV, Belkin EO. Patriotic values of student youth: analysis of sociological research. In: Applied sociological research of the Astrakhan region: collection of articles. Astrakhan; 2023. P. 24–35. EDN: ASKNBD (In Russian).

8. Matveeva EV, Shilova AE, Sat AV. Traditional values in the system of political culture of students youth in Kuzbass. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2024;(81):244–252. DOI: 10.17223/1998863X/81/22. EDN: DPTTDK (In Russian).
9. Matveeva EV, Alagoz AV, Panichkina EV, Askhakova AP. The phenomenon of culture in the value system of Kuzbass university students (based on focus group interviews). *Transbaikal State University Journal*. 2023;29(1):129–138. DOI: 10.21209/2227-9245-2023-29-1-129-13. EDN: LJQUGV (In Russian).
10. Miklyaeva AV, Proekt YuL, Khoroshikh VV. Transformation of socio-cultural values and traditions in the information age as a prerequisite for changes in the civic and political activity of Russian students. *Psychology in Education*. 2022;4(1):76–90. DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-1-76-90. EDN: HDVUBP (In Russian).
11. Perikova EI, Bogomaz SA. Cultural values as factors of the psychological system of activity of student youth of St. Petersburg. In: *Systemogenesis of educational and professional activity: materials of the VIII All-Russian scientific and practical conference*. Yaroslavl; 2018. P. 282–285. EDN: ENFFQJ (In Russian).
12. Rybakova MV, Ivanova NA. Values of student youth in the context of national security. *Theory and Practice of Social Development*. 2025; (2):17–23. DOI: 10.24158/tipor.2025.2.1. EDN: UDETZA (In Russian).
13. Slinkova OK, Vishnevskaya EV, Bogomazova IV. Traditional Russian values and their refraction in the consciousness of student youth. Research Result. *Business and Service Technologies*. 2025;11(1):96-109. DOI: 10.18413/2408-9346-2025-11-1-0-7. EDN: ZURMXT (In Russian).
14. Ryzheva N., Marynchenko H. Formation of cultural and spiritual values in the modern youth environment. *Sworld-Us Conference Proceedings*. 2023;(usc18-01):125–128. DOI: 10.30888/2709-2267.2023-18-01-007 EDN: MQBVQM
15. Lymarenko L. Spiritual values of student youth in today's realities: analysis of cultural and artistic projects. *Estetika i etika pedagogichnoi dii*. 2023;(28):90–100. DOI: 10.33989/2226-4051.2023.28.293170 EDN: EZZMPX

Информация об авторе

Матвеева Елена Викторовна, д-р полит. наук, доцент, профессор кафедры культурологии, философии и искусствоведения, Кемеровский государственный институт культуры, г. Кемерово, Россия; профессор Высшей аграрной школы, Кузбасский государственный аграрный университет им. В.Н. Попеца, г. Кемерово, Россия; mev.matveeva2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7001-6935>. Область научных интересов: региональный политический процесс, политическая культура, гражданское общество.

Information about the authors

Matveeva Elena V., Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Professor, Cultural Studies, Philosophy and Art History department, Kemerovo State Institute of Culture, Kemerovo, Russia; professor, Higher Agrarian School, Kuzbass State Agrarian University named after V.N. Poletskov, Kemerovo, Russia; mev.matveeva2020@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7001-6935>. Research interests: regional political process, political culture, civil society.

Статья поступила в редакцию 16.08.2025; одобрена после рецензирования 19.09.2025; принята к публикации 25.09.2025.

Received 2025, August 16; approved after review 2025, September 19; accepted for publication 2025, September 25.

Научная статья**УДК 32.019.51****DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-75-83****Образовательная политика как «мягкая сила» процесса трансформации национальной идентичности в контексте концептуализации политологических смыслов****Валентина Анатольевна Матвиенко¹, Алексей Владимиевич Исаев²**¹*Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец, Россия*²*Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, Россия*¹vamatv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5384-2533>²IsaevLesha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9551-8678>

В статье проводится комплексный анализ теоретических концепций, актуальных для современного политологического дискурса, рассматривающих трансформацию национальной идентичности в контексте влияния образовательной политики. Объект исследования – образовательная политика как специализированный политический ресурс, совокупность технологий и стратегий, оказывающая влияние на изменение национальной идентичности через собственную систему институтов и учреждений. Предмет исследования – концентрация внимания на одном из показателей «мягкой силы», который можно считать объективным и надёжным критерием. Цель исследования – выявление специфических аспектов влияния образовательной политики как инструмента «мягкой силы» на процессы трансформации национальной идентичности в контексте теоретической концептуализации. Задачи исследования: апперципирующий анализ ключевых теоретических подходов к определению форм воздействия образовательной политики как инструмента «мягкой силы» на трансформации национальной идентичности; уточнение критериев для конструирования последующих коммуникационных политических стратегий и их систематизация. Методология данного исследования во многом разработана с учётом определённых политологических векторов, направлена на решение актуальных проблем и включает: анализ концепций и теорий, рассматривающих образовательную политику как инструмент «мягкой силы» и способы её влияния на формирование ценностных основ национальной идентичности, разработанные в зарубежной политологической науке; сравнение и систематизацию теоретических подходов, применяемых в отечественной политологии к изучению обозначенного перечня вопросов. Результаты проведённого исследования указывают на то, что процесс формирования национальной идентичности представляет собой многоуровневую и многоаспектную систему, требующую комплексного подхода и координации ключевых векторов в концептуализации политологических смыслов. Авторы констатируют, что в условиях глобализации и культурной гетерогенности возрастает роль образовательной политики как инструмента «мягкой силы», что способствует укреплению национальной идентичности, сохранению культурного наследия и формированию чувства принадлежности к национальной общности.

Ключевые слова: образовательная политика, «мягкая сила», национальная идентичность, социально-политические факторы, концептуализация, национальные интересы, политический процесс, политические стратегии, политическая жизнь общества, современное государство

Для цитирования

Матвиенко В.А., Исаев А.В. Образовательная политика как «мягкая сила» процесса трансформации национальной идентичности в контексте концептуализации политологических смыслов // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 75–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-75-83

Original article**Educational Policy as a «Soft Power» of the Transformation Process of National Identity in the Context of Conceptualization of Political Science Meanings****Valentina A. Matvienko¹, Aleksey V. Isaev²**¹*Bunin Yelets State University, Yelets, Russia*²*Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPA, Orel, Russia*¹vamatv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5384-2533>²IsaevLesha@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-9551-8678>

The article provides a comprehensive analysis of theoretical concepts relevant to modern political science discourse, considering the transformation of national identity in the context of the educational policy influence. The object of the research is educational policy as a specialized political resource, a set of technologies and

© Матвиенко В. А., Исаев А. В., 2025

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

strategies that influence the change of national identity through its own system of institutions and institutions. The subject of the study is the concentration of attention on one of the indicators of «soft power», which can be considered an objective and reliable criterion. The purpose of the study is to identify specific aspects of the influence of educational policy as a tool of «soft power» on the processes of transformation of national identity in the context of theoretical conceptualization. Research objectives: a preliminary analysis of key theoretical approaches to determining the forms of influence of educational policy as a tool of «soft power» on the transformation of national identity; clarification of criteria for the development of subsequent communication policy strategies and their systematization. The methodology of this research has been largely developed taking into account certain political science vectors, is aimed at solving current problems and includes: analysis of concepts and theories that consider educational policy as a tool of «soft power» and ways of its influence on the formation of the value foundations of national identity developed in foreign political science; comparison and systematization of theoretical approaches used in Russian political science, to study the specified list of issues. The results of the study indicate that the process of national identity formation is a multilevel and multidimensional system that requires an integrated approach and coordination of key vectors in the conceptualization of political science meanings. The authors state that in the context of globalization and cultural heterogeneity, the role of educational policy as a tool of «soft power» is increasing, contributing to the strengthening of national identity, the preservation of cultural heritage and the formation of a sense of belonging to the national community.

Keywords: educational policy, «soft power», national identity, socio-political factors, conceptualization, national interests, political process, political strategies, political life of the society, modern state

For citation

Matvienko V. A., Isaev A. V., Educational Policy as a «Soft Power» of the Transformation Process of National Identity in the Context of Conceptualization of Political Science Meanings // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 75–83. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-75-83

Введение. В условиях эскалации социально-экономических вызовов, дополнительно осложняемых геополитической нестабильностью, в политическом дискурсе большинства современных государств на первый план выступают рациональные попытки теоретического конструирования и обоснования целесообразности применения разнообразных индикаторов и источников «мягкой силы». Во многом данные структурные компоненты оказывают существенное влияние на фактические процессы трансформации национальной идентичности в ходе развития государственности.

Одним из наиболее эффективных источников «мягкой силы» как средства воздействия на формирование отечественной государственной идентичности, особенно среди подрастающего поколения, является система образования, выступающая в настоящее время одновременно и институтом передачи знаний. Молодёжь, не получающая надлежащего образования и профессиональных навыков, оказывается исключённой из процесса полноценного восприятия государственной идентичности, являющейся результатом «...консолидации совместных усилий государства, общества и его гражданских структур» [8, с. 57]. Кроме того, представляется целесообразным исследование попыток концептуального оформления образовательной политики как инструмента «мягкой силы», направленного на трансформацию национальной государственной идентично-

сти в условиях поддержания политической стабильности.

Необходимо акцентировать внимание на том, что, хотя сущностные основы стратегии непрямых действий сформулированы в Китае в V в. до н.э. выдающимся военным теоретиком и полководцем Сунь-цзы, изучение форм и методов опосредованного воздействия на различные аспекты политической жизни общества, а также их осмысление и систематизация продолжают оставаться важной частью современного политологического дискурса.

Следует подчеркнуть, что значительная часть современных теоретических исследований представляет собой неотъемлемую часть комплексного анализа структуры и механизмов детерминации краткосрочных и долгосрочных последствий реализации образовательной политики как ключевого инструмента формирования идентичностей в полиэтнических и поликонфессиональных государствах. Представленный методологический подход регламентирует возможность для детального анализа сложных процессов идентичности и интеграции в условиях культурного многообразия. В долгосрочной перспективе это может способствовать выявлению специфических вызовов и потенциальных кризисов, возникающих на пике инкорпорирования политических и социально-экономических преобразований, во многом обусловленных непрерывной глобализацией. Важными являются точность и релевантность используемых данных, а также географичес-

кий и тематический охват. Это подчёркивает необходимость признания того, что данная область исследований продолжает вызывать активные дискуссии в научном сообществе [5, с. 162].

Алгоритм исследования, используемый в обозначенной работе, определяется спецификой проведения комплексного анализа воздействия образовательных стратегий на процессы трансформации социальной интеграции, межкультурного диалога и обеспечения политического равновесия в полигэтнических обществах.

Особое внимание следует уделить определению роли образовательных институтов в конструировании коллективных идентичностей, а также вопросам легитимации государственной власти и обеспечения социальной сплочённости посредством образовательных практик. Данный исследовательский подход в полной мере иллюстрирует точка зрения отечественного политолога О.Ф. Шаброва, согласно которой именно этот элемент (образовательная политика) в качестве стратегии непрямых воздействий на политическую систему обладает значительным потенциалом не только для обеспечения экономической независимости государства и его обороноспособности, но и для социализации, формирования граждан, идентифицирующих себя со своей страной, готовых поддерживать государственную политику и действовать в интересах общего блага [17, с. 573]. Образовательные учреждения, функционирующие как инструменты «мягкой силы», представляют собой специфический механизм латентного управления внутриполитическими процессами. Их деятельность основывается на привлечении оппонентов к собственным ценностным ориентирам и культурным моделям.

Актуальность исследования отдельных тенденций концептуализации внутриполитических процессов в России (в соотношении с зарубежной эмпирией) обусловлена их растущим влиянием на реальную политику, особенно в условиях современных глобальных изменений. Адекватное осмысление текущих трансформаций предполагает проведение комплексного анализа с учётом многофакторного и полипарадигмального характера российской политической системы, требующего, в свою очередь, систематического мониторинга, диагностики и прогнозирования. В данном контексте особое значение имеют теоретические интерпретации трансформации национальной идентичности под воздействием образовательной полити-

ки, рассматриваемой как инструмент «мягкой силы». Практическая реализация применяемого в работе исследовательского алгоритма требует его интеграции с такими элементами, как культурные архетипы, экономическая модель, идеологические парадигмы, процессы социальных трансформаций, политическая институционализация и символическая политика. В стратегическом плане необходимо также провести исследование иных значимых политических факторов, оказывающих воздействие на эволюцию национальной идентичности.

Объект исследования – образовательная политика как специализированный политический ресурс, совокупность технологий и стратегий, оказывающая влияние на изменение национальной идентичности через собственную систему институтов и учреждений.

Предмет исследования – концентрация внимания на одном из показателей «мягкой силы», который можно считать объективным и надёжным критерием.

Цель исследования – выявление и анализ специфических аспектов влияния образовательной политики как инструмента «мягкой силы» на процессы трансформации национальной идентичности в контексте теоретической концептуализации.

Достижение поставленной цели требует решения ряда конкретных **задач**, одной из которых является апперцирующий анализ ключевых теоретических подходов к определению форм воздействия образовательной политики как инструмента «мягкой силы» на процесс трансформации национальной идентичности современных государств. Кроме того, необходимы уточнение критериев для конструирования последующих коммуникационных политических стратегий и их систематизация.

Методология и методы исследования. Формирование современной национальной идентичности включает широкий спектр факторов, направленных на её дальнейшую трансформацию, оптимизацию и реализацию в различных сферах политической жизни общества и государственной деятельности, таких как социальная сфера, культура, экономика, местное самоуправление и функционирование образовательных учреждений. В этой связи методологическая основа данного исследования разработана с учётом актуальных политологических концепций и направлена на решение современных проблем. Она включает анализ теоретических подходов, рассматривающих образовательную поли-

тику в качестве инструмента «мягкой силы» и механизмов её воздействия на формирование ценностных оснований национальной идентичности, представленных в зарубежной политической науке. Проводятся сравнительный анализ и систематизация теоретических методов, применяемых в отечественной политологии для изучения указанных вопросов. В рамках предлагаемого научного исследования, направленного на раскрытие обозначенной темы, повышение его объективности и достоверности, используются техники ретроспективного анализа, типологизации и классификации данных. Привлечение указанных методологических подходов способствует обеспечению достижения поставленной исследовательской цели наиболее эффективным оптимальным образом.

Разработанность темы исследования.

В настоящее время научное исследование механизмов использования инструментов «мягкой силы» в контексте формирования и укрепления национальной идентичности приобретает всё более важное и фундаментальное значение. Данные теоретические изыскания и их концептуализация во многом обусловлены совокупностью социально-политических и экономических факторов, а также трансформацией традиционных и возникновением новых нарративов политической реальности. В практическом аспекте это стимулирует интерес к разработке специфических форм политического воздействия.

Предварительный анализ научной литературы, охватывающий как зарубежные, так и отечественные источники, посвящённые данной проблематике, позволяет выдвинуть предположение о том, что западные концепции трансформации национальной идентичности под воздействием институтов «мягкой силы» имеют довольно высокую степень адаптивности и гибкости. Сам термин «мягкая сила» впервые введён в научный дискурс и политическую практику Дж. С. Наем, американским политологом, специализирующимся на теории международных отношений в рамках неолиберальной парадигмы. Он интерпретировал «мягкую силу» как способность государства оказывать влияние через механизмы убеждения и привлечения, основанные на привлекательности национальной культуры, ценностей и внешнеполитического курса [7, с. 101].

В настоящее время в западной академической и экспертной среде активно развиваются научные направления, целью которых является изучение воздействия «мягкой

силы» в различных областях, включая сферу образования. Среди таких исследований можно выделить работы А. Макдональда, Т. Жюля, А. Спрудса, Р. Дж. Маклори, Дж. М. Галларотти, П. МакГилл Петерсона и Т. Ростокса. В фокусе этих исследований находится генерация новых подходов к пониманию трансформаций национальной идентичности, вызванных влиянием «мягкой силы». Они преимущественно сосредоточены на разработке эффективных стратегий и механизмов, способствующих консолидации национального самосознания и повышению общественного интереса к данной проблематике.

В отечественной политологической науке сохраняется устойчивый интерес к изучению процессов концептуализации влияния институтов «мягкой силы», в частности образовательной политики, на трансформацию национальной идентичности. В этом контексте значительный научный вклад в развитие данной проблематики внесен рядом исследователей, среди которых А. М. Бобыло, Д. М. Ковба, Н. Р. Красовская, О. Г. Леонова, Е. П. Панова, С. К. Песцов, Е. А. Антюхова, Е. М. Харитонова, И. Н. Кохтюлина, А. В. Манойло, В. В. Зугаров, А. В. Макаров, С. О. Сергеев, С. А. Цатуриян, А. Б. Шатилов, Д. О. Матяшова, Г. Ю. Филимонов, Д. А. Пятницкий, М. Ф. Магадиев, С. Л. Таланов, А. Р. Манукян, В. В. Петров, Ю. И. Матвеенко, М. Г. Галаева, Н. А. Фёдорова, В. А. Соловьева, Д. А. Патрушева, М. А. Юрченко и др.

Теоретические интерпретации образовательной политики в качестве инструмента «мягкой силы» и её роль в трансформации национальной идентичности в российском политологическом дискурсе во многом базируются на интеграции элементов социокультурного и информационного воздействия, которые формируются в ответ на текущие геополитические и внутриполитические вызовы, что указывает на их определённую маневренность и адаптируемость в соответствии с текущей ситуацией. В частности, образовательные учреждения, как компоненты «мягкой силы», в настоящее время представляют собой значимый ресурс политической жизни общества и развития государств, способный решать широкий спектр задач, начиная от «...формирования положительного имиджа государств и заканчивая созданием сферы их влияния» [14, с. 19].

Национальная идентичность, согласно позиции ряда отечественных политологов, обладает дискурсивной природой и представляет собой объект конфронтации различных нарративов как внутри страны, так и

за её пределами. Данное обстоятельство, в свою очередь, порождает дополнительные вызовы для системы образования, требуя от неё адаптации к новым условиям и задачам в области формирования национальной идентичности [18, с. 156]. Не случайно, что в рамках данного исследования проводится всесторонний анализ ключевых вопросов, актуальных в отечественном политологическом дискурсе. Основное внимание сосредоточено на выявлении и детальном изучении факторов, способствующих успешной консолидации национальной идентичности.

Результаты исследования. Комплексное исследование разнообразных теоретических подходов и методологических позиций позволило выделить несколько ключевых векторов в концептуализации политологических смыслов, обладающих высоким уровнем научной обоснованности и достоверности. Данные направления связаны с анализом процесса трансформации национальной идентичности под воздействием образовательной политики, которая функционирует на современном этапе в качестве инструмента «мягкой силы».

Во-первых, необходимо подчеркнуть явно прослеживающиеся преемственность и традиционность в теоретическом осмысливании процесса формирования национальной идентичности в большинстве современных государств, который осуществляется посредством реализации образовательной политики.

Представители научного сообщества США, Великобритании, Франции, Канады и других ведущих акторов западноевропейского пространства традиционно признают стратегическую значимость образования в контексте защиты национальных интересов. Они активно пропагандируют исследования в области «мягкой силы», что позволяет им обосновывать важность образовательной политики в международных отношениях [2, с. 17].

Британские политологи, не акцентируя внимания на методологических различиях в интерпретации образовательной политики как инструмента «мягкой силы», преимущественно сосредоточены на определении стратегических направлений в продвижении национальных интересов. Их деятельность осуществляется на основе принципа преемственности, что позволяет им адаптироваться к изменениям геополитических приоритетов и динамике международной обстановки [13, с. 5]. По замечанию независимого стратегического консультанта и исследователя Джонатана Макклори, специалиста в обла-

сти «мягкой силы», публичной дипломатии и креативных индустрий, образовательные учреждения играют важную роль в оценке потенциала «мягкой силы», наряду с правительством, культурой, дипломатией и бизнесом/инновациями, составляя пятёрку ключевых критериев¹. Каждая из предложенных им оценочных категорий характеризуется определёнными показателями и источниками данных, а также соответствующими индикаторами для измерения. Параметр «образование», рассматриваемый как фактор привлечения иностранных студентов, классифицирован в отдельную категорию после получения эмпирических доказательств его влияния на общий объём «мягкой силы» [12, с. 48].

Французские эксперты, специализирующиеся на изучении «мягкой силы», внесли заметный вклад в теоретическое осмысливание этой научной проблематики. Среди них выделяются такие авторы, как Ф. Лан, М. Фуше, А. Ломбар, Ж.-П. Варнье, Д. Волтон, К. Даркос и мн. др. Их работы углубляют и развивают понимание «мягкой силы», что в настоящее время делает их труды востребованными в академическом сообществе. В качестве ключевых индикаторов «мягкой силы», задействованных в их исследованиях, выделяются вполне традиционные: культурное наследие и распространение языка; образовательное сотрудничество; научно-техническое взаимодействие, инновации и некоторые другие. Все текущие трансформации национальной идентичности во Франции осуществляются в соответствии с разработанными концепциями через комплексное использование инструментов «мягкой силы» [11, с. 1718]. Формализация обозначенных стратегических инициатив в политическом пространстве французского государства осуществляется в основном в рамках образовательного, научно-технического и инновационного сотрудничества через реализацию ключевых мероприятий, направленных на развитие системы высшего образования. Достижение поставленной цели предполагает не только продвижение передовых технологий и укрепление позиций Франции в контексте глобального социально-экономического развития, но и трансляцию национальных ценностей как на мировое сообщество, так и на страны-партнёры [3, с. 76].

¹ McClory J. The New Persuaders III. A 2012 Global Ranking of Soft Power. London: Institute for Government. 15 p. – URL: https://www.instituteforgovernment.org.uk/sites/default/files/publications/The%20new%20persuaders%20III_0.pdf (дата обращения: 29.05.2025). – Текст: электронный.

Большинство существующих концепций западной политической науки сосредоточены на теоретическом осмыслинении степени и форм воздействия инструментов «мягкой силы» на процессы трансформации национальной идентичности в современных государствах. Безусловно, концепция «мягкой силы», разработанная Дж. Наем-мл. и ставшая основой для многочисленных исследовательских школ, продолжает оказывать значительное влияние на современные политические процессы. Однако постепенно на первый план выходят её национальные интерпретации. В качестве иллюстрации можно, к примеру, отметить теоретическое исследование проблемы влияния государственной политики в сфере образования как инструмента «мягкой силы» на идентичность современной Венгрии. Опыт политологического осмысливания этой страны позволяет констатировать, что сосредоточение системы образования на двух основных направлениях способствует эффективному поддержанию имиджа страны и объединению соотечественников за рубежом [9, с. 249].

Отдельного внимания заслуживает китайская адаптация, которая подчёркивает значимость образования как эффективного инструмента для дальнейшего укрепления национальной идентичности. Большинство китайских экспертов идентифицируют древнюю историю, богатую культуру и философские традиции как ключевые элементы китайской «мягкой силы» [4, с. 41]. В качестве приоритетных направлений реализации данной стратегии, наряду с другими, они преимущественно выделяют образовательные обмены и научное сотрудничество, а также развитие технических инноваций [16, с. 149].

Концептуальная основа процесса формирования национальной идентичности в современном Азербайджане, реализуемая через образовательную политику, направлена на воспитание молодого поколения в духе уважения к национальным традициям и культурному наследию, а также на развитие у них осознания значимости вклада выдающихся предков в развитие государства [15, с. 28].

Проведённый предварительный анализ эмпирических данных о влиянии образовательной политики на трансформации национальной идентичности, с особым акцентом на постсоветское пространство, в сочетании с последующей концептуализацией позволяет определить специфику и особенности данной коммуникации в зависимости от современного политического контекста. Данный процесс

предполагает не только установление правового статуса гражданства, но и проведение комплексного анализа культурно-лингвистических, этических и исторических традиций, сформировавшихся в ходе государственного строительства.

В отечественной политической науке теоретические основы приведённого научного направления подвергаются активному анализу. Сформировавшись как ответ на существующие западные теории, оно в настоящее время эволюционировало в автономный исследовательский вектор, обладающий своими стратегическими и системными параметрами. Специфическими особенностями актуальных российских исследований являются их комплексный характер, сосредоточение внимания не только на практике использования в целях усиления внешнеполитического влияния государства на международной арене, но и, прежде всего, на разработке теоретических основ влияния идеологических принципов на укрепление единства гражданской и национальной идентичности в многонациональном сообществе Российской Федерации [6, с. 120].

Следует отметить, что в процессе организации исследовательской деятельности наблюдается тенденция к смещению научного интереса политологов именно на потенциал образовательных институтов. Данную позицию отчасти разделяет российский исследователь М.М. Мчедлова, считающая идентичность одним из ключевых структурных оснований формирующегося нарратива, способствующего укреплению дискурсивной силы российского государства, служащего легитимной основой обеспечения полноты суверенитета и построения нового, более справедливого миропорядка [10, с. 770].

В рамках собственного исследования концепта «национальная идентичность» и выявления особенностей политического дискурса идентичности Т.С. Алексеева и Ю.Г. Троицкая приходят к выводу, что данный концепт детально отражает многообразие политических и социальных сил внутри государства, динамику их развития, общественное восприятие политической жизни и её осмысление [1, с. 53].

Результаты большинства современных исследований косвенно свидетельствуют о наличии устойчивого интереса к изучению концептуализации политологических смыслов обозначенных детерминант.

Выводы. Проведённое исследование позволяет сделать следующие выводы о воз-

действии образовательной политики («мягкой силы») на национальную идентичность:

- 1) в западной политической науке обозначенное влияние исследуется через призму коммуникаций между ключевыми акторами. Особое внимание уделяется взаимодействию образовательных институтов с другими релевантными элементами политической системы;
- 2) российская политическая наука, демонстрируя наличие определённой преемственности зарубежного опыта в проведении эмпирических исследований, аккумулирует собственные уникальные подходы к анализу

воздействия (часто – взаимовлияния) образовательной политики как инструмента «мягкой силы» на трансформацию национального самосознания. В долгосрочной перспективе эволюция национальной идентичности определяется как сложный и многогранный процесс, требующий системного и комплексного анализа. Необходимо обеспечить координацию ключевых направлений в концептуализации политологических категорий, связанных с укреплением гражданской солидарности, сохранением культурного наследия и осознанием чувства принадлежности к конкретной национальной общности и государству.

Список литературы

1. Алексеева Т.С., Троицкая Ю.Г. Роль образования XXI века в становлении основ национальной идентичности // Научные труды Московского гуманитарного университета. 2022. № 1. С. 51–57. DOI: 10.17805/trudy.2022.1.8. EDN: PXOKLT
2. Григорян А.В., Габриелян А.А. Высшее образование в контексте «мягкой силы» в системе международных отношений // Учёные записки Забайкальского государственного университета. 2016. Т. 11, № 2. С. 14–24. DOI: 10.21209/2308-8788-2016-11-2-14-24. EDN: WITYQF
3. Дегтерев Д.А., Абрамова Е.А. «Архитекторы Франсафрик»? Экспертно-аналитическое обеспечение современной политики Франции в Африке // Современная Европа. 2024. № 5. С. 74–87. DOI: 10.31857/S0201708324050061. EDN: KCHNTQ
4. Зиневич О.В., Селезнева Н.В. Новая стратегия «мягкой силы» Китая // Вестник МГИМО Университета. 2022. Т. 15, № 6. С. 36–54. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54. EDN: LWTBHQ
5. Исаев А.В., Матвиенко В.А. Особенности применения «мягкой силы» как инструмента внешнеполитической деятельности России и США (на примере образовательной политики) // PolitBook. 2020. № 2. С. 159–178. EDN: DKKRHС
6. Костина А.В. Общероссийская идентичность в системе национальной безопасности государства // Учёный совет. 2021. № 2. С. 120–125. DOI: 10.33920/nik-02-2102-05. EDN: GOTQUL
7. Леонова О.Г. Джозеф Най и «мягкая сила»: попытка нового прочтения // Социально-гуманитарные знания. 2018. № 1. С. 101–114. EDN: YPLPTX
8. Матвиенко В.А., Исаев А.В. Духовно-нравственные аспекты социальной активности молодёжи в контексте обеспечения российской государственной идентичности // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2023. № 4. С. 54–66. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-4-54-66. EDN: BHAJK
9. Мусина Р.И. Политика Венгрии в сфере образования как инструмент «мягкой силы» // Образование и наука: современные тренды: монография / гл. ред. О. Н. Широков. Чебоксары: Интерактив плюс, 2018. С. 248–255. DOI: 10.21661/r-469922. EDN: YUXWRM
10. Мчедлова М.М. Российская цивилизационная идентичность как основа ценностной целостности и государственной политики // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия «Политология». 2024. Т. 26, № 4. С. 768–785. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-768-785. EDN: ZVDQDM
11. Перевалова Е.А. «Мягкая сила»: сочетание тенденций глобализма и регионализма во внешней политике Франции // Вопросы политологии. 2023. Т. 13, № 4. С. 1716–1728. DOI: 10.35775/PSI.2023.92.4.030. EDN: AHWMZH
12. Песцов С.К., Бобыло А.М. Мягкая сила в мировой политике: типология подходов к измерению и оценке // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2015. № 3. С. 42–53. DOI 10.17223/1998863X/31/5. EDN: UZAZVN
13. Петрович-Белкин О.К., Сергеевцева А.С., Горецкая В.В. Образовательная политика как элемент «мягкой силы» Великобритании // Международные отношения. 2020. № 1. С. 1–17. DOI: 10.7256/2454-0641.2020.1.31969. EDN: PALMPV
14. Тарасова А.А. Особенности составляющих элементов «мягкой силы» России // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2020. № 1. С. 18–23. EDN: KHVFB
15. Хлыщева Е.В. Стратегии образовательной политики Азербайджана в формировании национальной идентичности // Caspium Securitatis: журнал каспийской безопасности. 2024. Т. 4, № 4. С. 26–40. EDN: HAAHEK
16. Цой Ч. Вопросы построения внешней политики Китая через призму «мягкой силы» и публичной дипломатии // Социально-политические науки. 2023. Т. 13, № 3. С. 145–151. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-3-145-151. EDN: IGYHAF

17. Шабров О.Ф. Институт образования и национально-государственный суверенитет России // Политика развития, государство и мировой порядок: материалы VIII Всерос. конгресса политологов / под общ. ред. О. В. Гаман-Голутвиной, Л. В. Сморгунова, Л. Н. Тимофеевой. М.: Аспект Пресс, 2018. С. 573–574. EDN: VVBWVK

18. Юрченко М.А. Формирование национальной идентичности и воспитание гражданственности в системе образования // Социально-политические исследования. 2024. № 2. С. 147–164. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-2-23-147. EDN: YBIPMN

References

1. Alekseeva TS, Troitskaya YuG. The role of education of the 21st century in the formation of the foundations of national identity. *Nauchnye Trudy Moskovskogo Gumanitarnogo Universiteta*. 2022;(1):51–57. DOI: 10.17805/trudy.2022.1.8. EDN: PXOKLT (In Russian).
2. Grigoryan AV, Gabrielyan AA. Higher education in the context of «soft power» Approach in the system of international relations. *Scholarly Notes of Transbaikal State University*. 2016;11(2):14–24. DOI: 10.21209/2308-8788-2016-11-2-14-24. EDN: WITYQF (In Russian).
3. Degterev DA, Abramova E. “France-Afrique architects”? Analytical support of current French politics in Africa. *Contemporary Europe*. 2024;5(126):74–87. DOI: 10.31857/S0201708324050061. EDN: KCHNTQ (In Russian).
4. Zinevich OV, Selezneva NV. China’s new soft power strategy. *MGIMO Review of International Relations*. 2022;15(6):36–54. DOI: 10.24833/2071-8160-2022-6-87-36-54. EDN: LWTBHQ (In Russian).
5. Isaev A, Matvienko V. Peculiarities of using «soft power» as an instrument of Russia and the USA foreign policy activity (on the example of educational policy). *Politbook*. 2020;(2):159–178. EDN: DKKRHC (In Russian).
6. Kostina AV. All-Russian identity in the national security system of the state. *Academic Council*. 2021;(2):120–125. DOI: 10.33920/nik-02-2102-05. (In Russian).
7. Leonova OG. Josef Nye and «soft power»: an attempt to read it again. *Socialno-Gumanitarnye Znaniya*. 2018;(1):101–114. EDN: YPLPTX (In Russian).
8. Matvienko VA, Isaev AV. Spiritual and moral aspects of youth social activity in the context of ensuring Russian state identity. *Izvestiya Tula State University*. 2023;(4):54–66. DOI: 10.24412/2071-6141-2023-4-54-66. EDN: BHAKJA (In Russian).
9. Musina RI. Hungarian policy in the field of education as an instrument of «soft power». In: Shirokov ON (ed). Education and science: modern trends. Cheboksary: Interaktiv plus; 2018. P. 248–255. DOI: 10.21661/r-469922. EDN: YUXWRM (In Russian).
10. Mchedlova MM. Russian *civilizational identity as the basis of value integrity and state policy*. *RUDN Journal of Political Science*. 2024;26(4):768–785. DOI: 10.22363/2313-1438-2024-26-4-768-785. EDN: ZVDQDM (In Russian).
11. Perevalova EA. The soft power: Conjunction of globalism and regionalism trends in french foreign policy. *Voprosy Politologii*. 2023;13(4):1716–1728. DOI: 10.35775/PSI.2023.92.4.030. EDN: AHWMZH (In Russian).
12. Pestsov SK, Bobylo AM. Soft power in world politics: The typology of approaches to measurement and evaluation. *Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science*. 2015;3(31):42–53. DOI: 10.17223/1998863X/31/5. EDN: UAZVN (In Russian).
13. Petrovich-Belkin OK, Sergevtseva AS, Goretskaya VV. Education policy as an element of “soft power” in Great Brittan. *International Relations*. 2020;(1):1–17. DOI: 10.7256/2454-0641.2020.1.31969. EDN: PALMPV (In Russian).
14. Tarasova AA. Features of the constituent elements of Russia’s «Soft power». *Eurasian Journal of Regional and Political Studies*. 2020;1(20):18–23. EDN: KHFVBA (In Russian).
15. Khlyshcheva EV. Strategies of educational policy of Azerbaijan in the formation of national identity. *Caspium Securitatis: Journal of Caspian Security*. 2024;4(4):26–40. EDN: HAAHEK (In Russian).
16. Qu Ch. Issues of building China’s foreign policy through the prism of “soft power” and public diplomacy. *Socio-Political Sciences*. 2023;13(3):145–151. DOI: 10.33693/2223-0092-2023-13-3-145-151. EDN: IGYHAF (In Russian).
17. Shabrov OF. Institute of Education and National-State Sovereignty of Russia. In: Development Policy, the State, and World Order: Proceedings of the VIII All-Russian Congress of Political Scientists. Moscow: Aspekt Press; 2018. P. 573–574. EDN: VVBWVK (In Russian).
18. Yurchenko MA. Formation of national identity and education of citizenship in the education system. *Social and Political Researches*. 2024;2(23):147–164. DOI: 10.20323/2658-428X-2024-2-23-147. EDN: YBIPMN (In Russian).

Информация об авторах

Матвиенко Валентина Анатольевна, канд. полит. наук, доцент, старший научный сотрудник, Елецкий государственный университет им. И. А. Бунина, г. Елец, Россия; vamatv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0000-0000-0000>

0001-5384-2533. Область научных интересов: государственно-конфессиональная политика, акторы процесса трансформации национальной идентичности, взаимодействие государства с экономической, социальной, духовной подсистемами общества.

Исаев Алексей Владимирович, канд. полит. наук, доцент кафедры социологии и социальных технологий, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, г. Орел, Россия; IsaevLesha@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9551-8678>. Область научных интересов: государственно-конфессиональные отношения, толерантность в молодёжной среде, свобода совести и вероисповедания.

Information about the authors

Matvienko Valentina A., Candidate of Political Science, Associate Professor, senior researcher, Bunin Yelets State University, Yelets, Russia; vamatv@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5384-2533>. Sphere of scientific interests: state-confessional policy; actors in the process of transformation of national identity; interaction of the state with the economic, social, and spiritual subsystems of society.

Isaev Aleksey V., Candidate of Political Science, Assistant Professor, Sociology and Social Technologies department, Central Russian Institute of Management – Branch of RANEPA, Orel, Russia. IsaevLesha@yandex.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9551-8678>. Sphere of scientific interests: state-confessional relations, tolerance among young people, freedom of conscience and religion.

Вклад авторов в статью

Матвиенко В.А. – написание текста рукописи, обзор публикаций по теме статьи.

Исаев А.В. – получение данных для анализа, анализ полученных данных.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors' contribution to the article

Matvienko V.A. – writing the text of the manuscript; review of publications on the topic of the article.

Isaev A.V. – receiving data for analysis, analysis of the received data.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 18.06.2025; одобрена после рецензирования 07.07.2025; принята к публикации 15.09.2025.

Received 2025, Juny 18; approved after review 2025, July 7; accepted for publication 2025, September 15.

Научная статья**УДК:** 327.7**DOI:** 10.21209/2227-9245-2025-31-3-84-91**Новое энергетическое сотрудничество между Китаем и Центральной Азией
в рамках инициативы «Пояс и путь»****Линьлинь Янь¹, Андрей Георгиевич Большаков²**^{1,2}Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия¹linyan@kpfu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3214-8126>² bolshakov_andrei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7677-3638>

В условиях глобального энергетического перехода и обострения климатических вызовов выделено стратегическое значение Центральной Азии как ключевого региона развития возобновляемой энергетики в рамках инициативы «Пояс и путь». Объект исследования – энергетическое сотрудничество Китая и стран Центральной Азии, предмет – потенциал, практики и барьеры взаимодействия в сфере новой энергетики, включая солнечную, ветровую и гидроэнергетику. Цель исследования – всесторонний анализ сотрудничества между Китаем и пятью странами Центральной Азии в сфере новой энергетики. Задачи исследования включают оценку потенциала возобновляемых источников энергии в регионе, обзор реализуемых проектов с участием Китая в солнечной, ветровой и гидроэнергетике, а также выявление основных инфраструктурных, институциональных и geopolитических барьеров. В статье использованы качественные методы анализа, включая сравнительный анализ, анализ конкретных примеров и изучение научной литературы на нескольких языках, что позволяет дать комплексную оценку специфики энергетического сотрудничества между Китаем и странами Центральной Азии. Представленные результаты исследований подтверждают, что страны Центральной Азии обладают огромным потенциалом в области возобновляемой энергетики, однако сотрудничество с Китаем в новой энергетике было эффективным в Казахстане и Узбекистане, а общий прогресс был неравномерным и сталкивался с многочисленными проблемами, такими как geopolитическое соперничество, старение инфраструктуры, недостаток «зелёного» финансирования, нехватка кадров, трансграничные водные споры и социальные риски. В заключение следует отметить, что для достижения устойчивого развития и раскрытия потенциала нового энергетического сотрудничества странам Центральной Азии и Китаю необходимо укреплять политический диалог, совершенствовать механизмы «зелёного» финансирования, продвигать управление энергетикой и модернизацию инфраструктуры, а также эффективно управлять социально-политическими рисками.

Ключевые слова: «Пояс и путь», Центральная Азия, Китай, возобновляемая энергетика, энергетическое сотрудничество, geopolитика, региональная энергетическая безопасность, «зелёное» развитие, инфраструктурные барьеры, трансграничные водные ресурсы

Для цитирования

Янь Линьлинь, Большаков А.Г. Новое энергетическое сотрудничество между Китаем и Центральной Азией в рамках инициативы «Пояс и путь» // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 84–91. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-84-91

Original article**New Energy Cooperation between China and Central Asia within the Framework of the Belt and Road Initiative****Linlin Yan¹, Andrey G. Bolshakov²**^{1,2}Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia¹linyan@kpfu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3214-8126>²bolshakov_andrei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7677-3638>

In the context of the global energy transition and growing climate challenges, Central Asia is acquiring strategic importance within the framework of the Belt and Road Initiative as a key region for the development of renewable energy. The object of the study is energy cooperation between China and the Central Asian countries within the framework of the Belt and Road Initiative, and the subject is the potential, practices and barriers to interaction in the field of new energy, including solar, wind and hydropower. The purpose of this work is to comprehensively analyze cooperation between China and the five Central Asian countries in the field of new energy. The objectives include assessing the potential of renewable energy sources in the region, reviewing ongoing projects with China's participation in solar, wind and hydropower, as well as identifying the

© Янь Линьлинь, Большаков А. Г., 2025

main infrastructural, institutional and geopolitical barriers. The methodological basis of the study is a systems approach, which used comparative and case analysis, as well as the study of scientific literature in several languages, which made it possible to comprehensively assess the features of energy cooperation between China and the Central Asian countries. The presented research results confirm that Central Asia has great potential for renewable energy, but the new energy cooperation with China in Kazakhstan and Uzbekistan has achieved remarkable results, but the overall progress is uneven, facing multiple challenges such as geopolitical competition, aging infrastructure, lack of green finance, shortage of human resources, cross-border water resource disputes and social risks. In conclusion, to achieve sustainable development and unleash the potential of new energy cooperation, Central Asian countries and China need to strengthen policy dialogue, improve green financing mechanisms, promote energy governance and infrastructure modernization, and effectively manage socio-political risks.

Keywords: Belt and Road, Central Asia, China, renewable energy, energy cooperation, geopolitics, regional energy security, green development, infrastructure barriers, transboundary water resources

For citation

Yan Linlin, Bolshakov A. G. New Energy Cooperation between China and Central Asia within the Framework of the Belt and Road Initiative // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 84–91. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-84-91

Введение. Центральная Азия является ядром Евразийского континента. Богатые энергетические ресурсы и выгодное географическое положение делают её важным регионом для реализации инициативы «Пояс и путь», а также имеют большое стратегическое значение с точки зрения геополитики и ресурсной безопасности. Центральная Азия стала важным объектом внешней политики Китая. Включение Пекином Центральной Азии в число своих так называемых «внешних стратегических границ» имеет прямое отношение к национальным интересам Китая [1].

В рамках инициативы «Пояс и путь» Центральная Азия и Китай создали стабильную, благоприятную политическую среду и механизм сотрудничества в области энергетики и горнодобывающей промышленности на основе межправительственного сотрудничества [2, с. 11]. Стимулируя сотрудничество стран-участниц в освоении минеральных ресурсов и развивая инфраструктуру (нефтегазопроводы, электросети), стороны обеспечили эффективный энергообмен и инфраструктурную взаимосвязанность [3].

В мае 2023 г. пять стран Центральной Азии и Китай достигли «Сианьской декларации саммита Китай – Центральная Азия», указав, что они будут укреплять сотрудничество в области возобновляемых источников энергии, таких как гидроэнергетика, солнечная энергия и энергия ветра, в мирном использовании ядерной энергии, внедрять «зелёные» технологии, чистую энергию и другие проекты¹. Сотрудничество между двумя сторонами в области энергетики отражается

в области не только ископаемых видов энергии, но и новых видов энергии.

Актуальность исследования. Глобальный энергетический переход и климатические проблемы повышают стратегическую значимость Центральной Азии как ключевого узла для инициативы «Пояс и путь». Несмотря на огромный потенциал возобновляемой энергетики, сотрудничество Китая с регионом сталкивается с системными препятствиями: геополитической конкуренцией, неразвитой инфраструктурой, отсутствием «зелёного» финансирования и трансграничными водными конфликтами. Изучение механизмов преодоления этих препятствий определяет научную и практическую значимость данной работы.

Объект исследования – энергетическое сотрудничество Китая и стран Центральной Азии в рамках инициативы «Пояс и путь».

Предмет исследования – потенциал, практики и барьеры развития новой энергетики (солнечной, ветровой, гидроэнергетики).

Цель исследования – комплексный анализ возможностей и проблем сотрудничества между Китаем и пятью странами Центральной Азии в сфере возобновляемой энергетики для выработки механизмов устойчивого развития.

В качестве задач исследования поставлены: оценка ресурсного потенциала возобновляемой энергетики в странах Центральной Азии; систематизация реализуемых китайско-центральноазиатских проектов в данной сфере, выявление инфраструктурных, институциональных и геополитических ограничений.

Обзор литературы. Литературный обзор охватывает ключевые аспекты сотрудничества Китая и Центральной Азии в сфере

¹ 中国—中亚峰会西安宣言（全文）= Сианьская декларация саммита Китай–Центральная Азия. 2023. – URL: <https://www.yidaiyilu.gov.cn/p/319272.html> (дата обращения: 17.05.2025). – Текст: электронный.

ре возобновляемых источников энергии. Геополитический контекст освещён в работах М.Ю. Игитяна [1] и Д. Малышевой [15], подчёркивающих стратегическую значимость региона. Потенциал возобновляемых ресурсов детализировали R. Sabyrbekov, I. Overland, R. Vakulchuk [8], А.Х. Аvezov [10] и У.К. Садыгалиев [6]. Внедрение «зелёной» экономики в национальные стратегии проанализировано Я.В. Лексютиной [4] и С.С. Жильцовым [5]. Критические барьеры – износ инфраструктуры и дефицит финансирования – рассматривали М. Laljebaev, R. Isaev, A. Saukhimov [22] и М.А. Токтобекова, Н.М. Турсунова, У.А. Таширова [23]. Социальные риски, включая синофобию, исследовал А.В. Грозин [16], протестную активность изучал Хуан Илин [19], которые выделены как ключевые вызовы. Перспективы преодоления препятствий через координацию политик предложены Ян Цзевэем [26].

Методология и методы. В статье используются качественные методы анализа, в том числе сравнительный анализ стратегий стран в области возобновляемой энергетики для выявления различий в приоритетах и механизмах реализации, анализ конкретных примеров проектов с участием Китая для создания эмпирической базы, изучение научной литературы на русском, китайском и английском языках для всестороннего анализа факторов, влияющих на развитие партнёрства.

Результаты исследования. Идея устойчивого «зелёного» развития вызывает растущий интерес у государств Центральной Азии [4]. Путём внедрения принципов, заложенных в концепции «зелёной» экономики, государства региона надеются преодолеть насущные экономические и экологические вызовы [5]. Ископаемые энергоресурсы провоцируют или обостряют международные противоречия, обусловленные различным уровнем обеспеченности стран энергетическими ресурсами, что влияет на характер международных отношений и актуальные вызовы. Одним из возможных решений данной проблемы является переход к более стабильным и экологически безопасным видам энергии [6].

Государства Центральной Азии располагают значительными ресурсами различных видов экологически чистой энергии, включая солнечную, ветровую и гидроэнергетику. Регион также характеризуется высоким потенциалом в сфере развития возобновляемых источников, особенно солнечной, ветровой и геотермальной энергетики [7]. Основные запасы солнечной и ветровой энергии сконцентрированы в Казахстане, Узбекистане и

Туркменистане, тогда как гидроэнергетические возможности в наибольшей степени представлены в Кыргызстане и Таджикистане [8].

Казахстан придал приоритетное значение развитию возобновляемой энергетики, закрепив данный вектор на уровне государственной стратегии. Уже в 2009 г. принят Закон «О поддержке использования возобновляемых источников энергии», а в 2013 г. определены конкретные ориентиры для роста этого сектора. В рамках Концепции перехода к «зелёной» экономике и стратегии «Казахстан-2050» правительство страны официально обозначило цель – довести к 2050 г. долю альтернативной и возобновляемой энергетики до 50 % в общем объёме выработки электроэнергии¹.

Гидроэнергетический потенциал Кыргызстана отличается высокой общей мощностью, обусловленной наличием многочисленных полноводных рек. Наиболее развитым в этом отношении считается бассейн р. Нарын, на который приходится 36,5 % всех водных запасов бассейна и 44 % гидроэнергетических ресурсов страны [9, с. 18]. Национальный план развития Кыргызстана до 2026 г., представленный в 2021 г., определяет ключевую цель в энергетике – сократить зависимость от ископаемого топлива за счёт развития гидро- и альтернативной энергетики. В документе также изложены рекомендации по изменению структуры энергопотребления, модернизации технологий и адаптации к климатическим изменениям.

Среди стран Центральной Азии Таджикистан обладает наибольшими пригодными для использования запасами гидроэнергии [10]. Таджикистан во многом опирается на гидроэнергетику, но его возможности в сфере ветровой и солнечной энергии остаются ограниченными по сравнению с другими странами региона. В Национальной стратегии развития до 2030 г. приоритетами названы энергетическая безопасность и достижение независимости в энергоснабжении.

Туркменистан, помимо экспорта природного газа, развивает газовую энергетику как способ диверсификации и укрепления регионального сотрудничества. В стране приняты стратегии и законы, направленные на поддержку возобновляемой энергетики, включая субсидии, льготное кредитование и меры по

¹哈萨克斯坦大力发展可再生能源 = Казахстан активно развивает возобновляемую энергетику. 2022. – URL: <http://world.people.com.cn/n1/2022/1028/c1002-32553446.html> (дата обращения: 17.05.2025). – Текст: электронный.

снижению выбросов и повышению энергоэффективности [11, с. 72].

Будучи важным торговым партнёром в регионе Центральной Азии, сотрудничество Китая в энергетическом секторе не только охватывает традиционную добычу нефти и газа, торговлю, но и распространяется на новые области энергетики, такие как чистая энергия, хранение энергии и производство водорода. Инициатива «Один пояс, один путь» также способствует укреплению торговых связей с Казахстаном и открывает возможности для инвестиций и развития инфраструктуры в регионе [12]. Повышенное внимание Китая к Центральной Азии способствует продвижению идей по использованию возобновляемой энергии в регионе [13].

В настоящее время в области новой энергетики Китай значительно улучшил условия региональной энергетической инфраструктуры за счёт строительства электростанций. 18 мая 2023 г. в ходе саммита Китай – Центральная Азия, на котором присутствовал президент Казахстана Токаев, компания CLP International подписала меморандум о сотрудничестве с Министерством энергетики Казахстана, фондом «Самрук Казена» и компанией Sany Heavy Energy по строительству проекта ветроэнергетики накопителей энергии мощностью 1 ГВт в Казахстане [14, с. 41].

25 января 2024 г. успешно подписан комплексный энергетический проект, состоящий из 300 МВт фотоэлектрической энергии, 300 МВт ветровой энергии и 150 МВт/300 МВт·ч накопителей энергии в Навои, Узбекистан¹.

По сравнению с Казахстаном и Узбекистаном новое энергетическое сотрудничество Китая с Кыргызстаном, Таджикистаном и Туркменистаном всё ещё находится в зачаточном состоянии.

24 апреля 2024 г. Shandong Electrician Electric, дочерняя компания China Electric Equipment, и Xiji Group совместно создали консорциум и подписали соглашение о сотрудничестве с Pamir Energy Company (Таджикистан) для реализации проекта «Бадахшан» по строительству «под ключ» интегрированной ветровой, световой и аккумуляторной электростанции². В феврале 2025 г. министр

¹ 葛洲坝海投成功签约乌兹别克斯坦风光储一体化能源项目// 中国拟在建项目网. 2024. – URL: <https://www.bhi.com.cn/News/ShowDetails.aspx?id=81614134&columns=6&label=9748> (дата обращения: 18.05.2025). – Текст: электронный.

² 山东电工与塔吉克斯坦签署首个综合能源项目. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1797465064234007926&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 18.05.2025). – Текст: электронный.

энергетики Тарайбек Ибраев сообщил, что совместное кыргызско-китайское объединение по строительству гидроэлектростанций планирует инвестировать 27 млн долл. в строительство малой ГЭС установленной мощностью 25 мегаватт на водохранилище Папан на р. Ак-Буура в Ошской области³.

На энергетической выставке в Ашхабаде в 2023 г. представители China Energy Construction объявили о том, что компания успешно выиграла тендер на реализацию проекта «зелёной» энергетики в Туркменистане и планирует начать углублённое сотрудничество с Министерством энергетики Туркменистана⁴.

Хотя элиты Центральной Азии в основном видят в Китае важного политического и экономического партнёра, в обществе он часто воспринимается как угроза [15]. Исследования показывают, что с 2015–2016 гг. в Казахстане быстро растут антикитайские настроения, во многом обусловленные ложной илиискажённой информацией, распространяемой в обществе [16; 17]. Казахстанские протесты, начавшиеся 2 января 2022 г., быстро переросли в массовые беспорядки и вооружённые атаки [18]. Такая социальная нестабильность не только мешает развитию нового энергетического сотрудничества между Китаем и Центральной Азией, но и заставляет иностранных инвесторов быть осторожнее [19, с. 100].

Инфраструктура в Центральной Азии сильно устарела, т.к. многие объекты построены ещё в советское время. В Казахстане оборудование ТЭС находится в плохом состоянии: в среднем износ составляет 66 %, а на некоторых станциях превышает критический уровень в 80 % [20, с. 10]. Наблюдается значительное отставание в использовании новой техники и современных технологий для производства, передачи, распределения и потребления электроэнергии и других сфер [10]. Что же касается электроснабжения, то, согласно отчёту Организации по безопасности и сотрудничеству в Европе, боль-

³ 吉尔吉斯斯坦与中国合作推进水电开发·25兆瓦小型水电站启动规划 = Кыргызстан сотрудничает с Китаем в целях содействия развитию гидроэнергетики, и запущены планы по строительству малой гидроэлектростанции мощностью 25 МВт. 2024. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1824220482997052189> (дата обращения: 18.05.2025). – Текст: электронный.

⁴ “中国能建”将与土库曼斯坦在绿色能源领域开展合作= Китайская энергетическая инжиниринговая корпорация будет сотрудничать с Туркменистаном в сфере «зелёной» энергетики. 2024. – URL: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1814935546805565666&wfr=spider&for=pc> (дата обращения: 18.05.2025). – Текст: электронный.

шинству генерирующих мощностей в пяти странах Центральной Азии 30–50 лет, а электростанции сильно устарели¹. В настоящее время часть электростанций не работает из-за сильного износа, поломок, нехватки запасных частей, отсутствия квалифицированного ремонта и плохого обслуживания [10]. Для модернизации электросетей в Центральной Азии потребуется примерно 25–49 млрд долл. США. Вложения в производство, передачу, распределение электроэнергии и повышение энергоэффективности, включая обновление существующей инфраструктуры с учётом роста рынка, по оценкам экспертов составят к 2030 г. 136–339 млрд долл. США [6].

Страны Центральной Азии по-прежнему встречают много трудностей при выполнении этих планов, таких как слабое управление, серьёзная коррупция, что тормозит их экономическое развитие [21]. Развитию новой энергетики в Центральной Азии мешают дефицит финансирования, проблемы с международными водными ресурсами и недостаток квалифицированных специалистов [22]. В Центральной Азии не хватает опытных специалистов по «зелёным» технологиям. Регион также сталкивается с общими проблемами, такими как управление водными ресурсами и охрана природы в речных бассейнах [23; 24].

Заключение. Существует большой потенциал для нового энергетического сотруд-

ничества между Китаем и странами Центральной Азии в рамках инициативы «Пояс и путь» [25]. Такое сотрудничество будет не только способствовать энергетической безопасности и устойчивому развитию стран Центральной Азии, снижению их зависимости от ископаемого топлива и диверсификации источников энергии, но и стимулировать экономический рост в регионе, создавать новые рабочие места и придавать новый импульс региональной интеграции и развитию.

Несмотря на большой потенциал, новое энергетическое сотрудничество между Китаем и Центральной Азией сталкивается со множеством трудностей. Геополитические противоречия, слабая инфраструктура, нехватка денег, технические проблемы и вопросы по трансграничным водам требуют совместных и продуманных действий. Соответственно, обе стороны должны усиливать политический диалог, создавать финансовые механизмы, привлекать частные инвестиции и улучшать условия для вложений [26, с. 25].

В заключение важно подчеркнуть, что успешное развитие сотрудничества Китая и Центральной Азии в области новой энергетики требует постоянного внимания к возникающим вызовам, гибкости в реагировании на меняющиеся условия и готовности искать инновационные решения.

Список источников

1. Игитян М.Ю. Китайская внешняя политика в Центральной Азии и интересы России // Власть. 2019. Т. 27, № 3. С. 250–259. DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6453. EDN: CCSBPG
2. 田润峰,段桂超.“一带一路”背景下中国与中亚五国推进新能源合作路径[J].中阿科技论坛(中英文),2023,(09):11-15. = Тянь Жун Фэн, Дуань Гуй ЧАО. Пути продвижения сотрудничества Китая с пятью странами Центральной Азии в сфере новой энергетики в контексте инициативы «Пояс и путь» // Форум науки и технологий Китая и арабских стран. 2023. № 9. С. 11–15.
3. 刘文革,黄文杰,梁萌,等.中国-中亚能源和矿业领域安全发展合作前景展望[J].中国煤炭.2024. 50: 132–141. DOI:10.19880/j.cnki.ccm.2024.02.017 = Лю Вэнъэ, Хуан Вэнъцзе, Лян Мэн. Перспективы безопасного развития сотрудничества Китая и Центральной Азии в сфере энергетики и горнодобывающей промышленности // Китайский уголь. 2024. Вып. 50. С. 132–141. DOI: 10.19880/j.cnki.ccm.2024.02.017
4. Лексютина Я.В. «Зелёная» энергетика во взаимодействии Китая с Центральной Азией // Проблемы Дальнего Востока. 2024. № 2. С. 144–156. DOI: 10.31857/S0131281224020115. EDN: RXASXU
5. Жильцов С.С. Принципы «зелёной экономики» в политике стран Центральной Азии // Вестник Дипломатической академии МИД России. Россия и мир. 2021. № 3. С. 70–85. EDN: ZMOOCN
6. Садыгалиев У.К. Евразийское сотрудничество в энергетическом секторе: новые подходы и возможности // Вестник Бишкекского государственного университета. 2024. № 3. С. 208–215. DOI: 10.35254/bsu/2024.69.32. EDN: NSKBUQ
7. Джумамырадов Б., Гапурджанов М., Курбанкулиев С., Нурыев А. Региональное сотрудничество в сфере энергетики в Центральной Азии: актуальные вопросы и перспективы // Ео ipso. 2024. № 6. С. 21–23. EDN: KMIHVC
8. Sabyrbekov R., Overland I., Vakulchuk R. Climate Change in Central Asia: Decarbonization, Energy Transition and Climate Policy (1st ed. 2023) // Springer Nature Switzerland. 2023. DOI: 10.1007/978-3-031-29831-8

¹ Advancing Energy Security in Central Asia. – Текст: электронный // Organization for Security and Co-operation in Europe. 2022. – URL: <https://www.osce.org/oceea/513787.pdf> (дата обращения: 21.02.2025).

9. Садыков М.А., Алманбетов А.А. Кыргызстанда фермердик чарбаларды электр менен жабдуудагы калыбына келүүчү автономдуу электр булактары // Наука, новые технологии и инновации Кыргызстана. 2023. №. 2. Р. 16–21. DOI: 10.26104/NNTIK.2023.97.45.003. EDN: WXDYTB
10. Аvezov A.X. Современное состояние, основные задачи и перспективные направления развития электроэнергетики Таджикистана // Вестник политехнического института Таджикского технического университета им. акад. М. С. Осими. 2022. № 4. С. 60–72. EDN: OXGDVQ
11. 徐悦, 傅天伊, 付毕安. 中国与中亚五国电力绿色低碳转型机遇挑战分析[J]. 中国能源. 2024. 46(04): 68–78 = Сюй Юэ, Фу Тяньи, Фу Бянь. Анализ возможностей и проблем зелёной и низкоуглеродной трансформации электроэнергии в Китае и пяти странах Центральной Азии // Китайская Энергия. 2024. Вып. 46 (04). С. 68–78.
12. Гаспарян К. Участие Казахстана в инициативе Китая «Один пояс – Один путь» // Постсоветские исследования. 2019. № 5. С. 1280–1291. EDN: NMBFDE
13. Ранджбар Д.М. «Газовый союз» и будущее энергетического кризиса в Центральной Азии: SWOT-анализ // Постсоветские исследования. 2024. Т. 7, № 6. С. 651–662. EDN: MEPCFX
14. 帕哈尔丁·帕力哈提. 中亚区域国家新能源转型及市场情况分析[J]. 中亚信息. 2024(03): 40–42 = Пахалуддин Палихати. Анализ новой энергетической трансформации и ситуации на рынке в странах Центральной Азии // Исследование ЦА. 2024(03). С. 40–42.
15. Малышева Д. Постсоветские государства Центральной Азии в политике Китая // Мировая экономика и международные отношения. 2019. Т. 63, № 5. С. 101–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-101-108. EDN: XKHRYT
16. Грозин А.В. Казахстано-китайское энергетическое партнёрство и рост синофобии в Казахстане // Геоэкономика энергетики. 2020. № 1. С. 88–103.
17. Liao J.X. China's Energy Diplomacy towards Central Asia and the Implications on its "Belt and Road Initiative" // The Pacific Review. 2021. Vol. 34. P. 490–522. DOI: 10.1080/09512748.2019.1705882
18. Харсеева А.В. Ретроспективный анализ протестной активности в Республике Казахстан // Власть. 2022. Т. 30, № 4. С. 165–170. DOI: 10.31171/vlast.v30i4.9145. EDN: PTOWDX
19. 黄一玲. “一带一路”高质量发展背景下中国对中亚能源投资风险应对探析[J]. 国际关系研究, 2024,(03):100-117+158. = 黄一玲. “一带一路”高质量发展背景下中国对中亚能源投资风险应对探析[J]. 国际关系研究, 2024,(03):100-117+158. = Хуан Илин. Анализ противодействия рискам китайских инвестиций в энергетику Центральной Азии в контексте качественного развития инициативы «Пояс и путь» // Исследования международных отношений. 2024. № 3. С. 100–117, 158.
20. Трофимов Г.Г., Насиров Т.Х., Хамидов Ш.В. Экологическая безопасность развития электроэнергетики в регионе Центральной Азии // Central Asian Journal of Sustainability and Climate Research. 2023. Vol. 2, no. 2. Р. 1–22. DOI: 10.29258/cajscr/2023-r1.v2-2/1-22.rus. EDN: QLNLXQ
21. Абдурафиков Т.Р. Анализ возобновляемых источников энергии в Центральной Азии // Современные методы и технологии управления, программирования и обработки данных: сб. ст. М.: Московский финансово-юридический университет, 2023. С. 84–90. EDN: RXVPSM
22. Laljebaev M., Isaev R., Saukhimov A. Renewable Energy in Central Asia: An Overview of Potentials, Deployment, Outlook, and Barriers // Energy Reports. 2021. Vol. 7. P. 3125–3136. DOI: 10.1016/j.egyr.2021.05.014. EDN: ECSLDE
23. Токтобекова М.А., Турсунова Н.М., Таширов У.А. Зелёные финансы как синергический эффект устойчивого развития Центральной Азии // Вестник Академии государственного управления при Президенте Кыргызской Республики. 2023. № 31. С. 260–269. EDN: OZLGXI
24. Файзуллоев К.С. Энергетическая дипломатия в контексте региональной политики Республики Таджикистан // Вестник Таджикского национального университета. 2020. № 6. С. 10–14. EDN: QKIEKA
25. Zhai X., Juman J., Du B. Cooperation of China and Central Asia in Renewable Energy // World Economy and International Relations. 2025. Vol. 69. P. 76–84. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-76-84. EDN: WERNJZ
26. 杨泽伟. “一带一路”高质量发展背景下建立中国—中亚能源发展伙伴关系的法治路径[J]. 政法论丛, 2023,(04):15–25. = Ян Цзевэй. Правовые механизмы создания китайско-центральноазиатского энергетического партнёрства в контексте качественного развития инициативы «Пояс и путь» // Сборник по праву и политике. 2023. № 4. С. 15–25.

References

1. Igityan MYu. Chinese foreign policy in central Asia and Russia's interests. *The Authority*. 2019;27(3):250–259. DOI: 10.31171/vlast.v27i3.6453. EDN: CCSBPG (In Russian).
2. Tian RF, Duan GC. Pathways for advancing new energy cooperation between China and Central Asian countries under the Belt and Road Initiative. *China-Arab States Science and Technology Forum (Chinese and English)*. 2023;(9):11–15. (In Chinese).
3. Liu WG, Huang WJ, Liang M, (et al). Prospects for safe development cooperation in energy and mining between China and Central Asia. *China Coal*. 2024;50(2):132–141. DOI:10.19880/j.cnki.ccm.2024.02.017 (In Chinese).

4. Leksyutina YaV. China in central Asia's "green" energy sector. *Far Eastern Studies*. 2024;(2):144–156. DOI: 10.31857/S0131281224020115. EDN: RXASXU (In Russian).
5. Zhiltsov S. Implementation of green economy principles in the policy of central asian countries. Bulletin of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia. *Russia and the World*. 2021;(3):70–85. EDN: ZMOOCN (In Russian).
6. Sadygaliev UK. Eurasian cooperation in the energy sector: new approaches and opportunities. *Vestnik Bishkek State University*. 2024;(3):208–215. DOI: 10.35254/bsu/2024.69.32. EDN: NSKBUQ (In Russian).
7. Dzhamamyradov B, Gapurdzhanov M, Kurbankuliev S, Nuryev A. Regional energy cooperation in Central Asia: current issues and prospects. *Eo Ipsi*. 2024;(6):21–23. EDN: KMIHVC (In Russian).
8. Sabyrbekov R, Overland I, Vakulchuk R. Climate Change in Central Asia: Decarbonization, Energy Transition and Climate Policy (1st ed. 2023). In: Springer Nature Switzerland. 2023.
9. Sadykov M, Almanbetov A. Autonomous renewable energy sources in the power supply of farms of Kyrgyzstan. *Science, New Technologies and Innovations in Kyrgyzstan*. 2023;(2):16–21. DOI: 10.26104/NNTIK.2023.97.45.003. EDN: WXDYTB (In Kyrgyz).
10. Avezov AKh. Urrent status, main objectives and perspective directions of development of the power industry of Tajikistan. *Bulletin of PITTU named after academician MS. Osimi*. 2022;(4):60–72. EDN: OXGDVQ (In Russian).
11. Xu Y, Fu TY, Fu BA. Analysis of opportunities and challenges for green low-carbon transition of electric power in China and five Central Asian countries. *China Energy*. 2024;46(4):68–78. (In Chinese).
12. Gasparyan K. Kazakhstan's participation in China's «One Belt – One Road» initiative. *Post-Soviet Studies*. 2019;(5):1280–1291. EDN: NMBFDE (In Russian).
13. Ranjbar D, Ptitsyna VA. «Gas union» and the future of the energy crisis in central Asia: swot analysis. *Post-Soviet Studies*. 2024;7(6):651–662. EDN: MEPCFX (In Russian).
14. Palihati P. Analysis of new energy transition and market situation in Central Asian countries. *Central Asia Information*. 2024;(3):40–42. (In Chinese).
15. Malysheva D. Post-soviet states of central Asia in China's policies. *World Economy and International Relations*. 2019;63(5):101–108. DOI: 10.20542/0131-2227-2019-63-5-101-108. EDN: XKHRYT (In Russian).
16. Grozin AV. Kazakh-Chinese energy partnership and sinophobia growth in Kazakhstan. *Geoeconomics of Energy*. 2020;(1):88–103. (In Russian).
17. Liao JX. China's Energy Diplomacy towards Central Asia and the Implications on its «Belt and Road Initiative». *The Pacific Review*. 2021;(34):490–522. DOI: 10.1080/09512748.2019.1705882
18. Kharseeva AV. Retrospective analysis of protest activity in the republic of Kazakhstan. *The Authority*. 2022;30(4):165–170. DOI: 10.31171/vlast.v30i4.9145. EDN: PTOWDX (In Russian).
19. Huang YL. Analysis of risk response to China's energy investments in Central Asia under high-quality development of the Belt and Road Initiative. *International Relations Research*. 2024;(3):100–117,158. (In Chinese).
20. Trofimov GG, Nasirov TKh, Khamidov ShV. Environmental security of electric power development in Central Asia. *Central Asian Journal of Sustainability and Climate Research*. 2023;2(2):1–22. DOI: 10.29258/cajscr/2023-r1.v2-2/1-22.rus. EDN: QLNLXQ (In Russian).
21. Abdurafikov TR. Analysis of renewable energy sources in central Asia. In: Modern Methods and Technologies of Management, Programming and Data Processing: Collection of Postgraduate Scientific Articles. Moscow: Moskovskii finansovo-yuridicheskii universitet; 2023. P. 84–90. (In Russian).
22. Laljebaev M, Isaev R, Saukhimov A. Renewable Energy in Central Asia: An Overview of Potentials, Deployment, Outlook, and Barriers. *Energy Reports*. 2021;7:3125–3136. DOI: 10.1016/j.egyr.2021.05.014. EDN: ECSLDE
23. Toktobekova MA, Tursunova NM, Tashirov UA. Green finance as a synergic effect of sustainable development in central Asia. *APAPKR'S Bulletin*. 2023;(31):260–269. EDN: OZLGXI (In Russian).
24. Fayzulloev KS. Energy diplomacy in the context of regional policy of the republic of Tajikistan. *Bulletin of Tajik National University*. 2020;(6):10–14. EDN: QKIEKA (In Russian).
25. Zhai X, Juman J, Du B. Cooperation of China and Central Asia in Renewable Energy. *World Economy and International Relations*. 2025;69(2):76–84. DOI: 10.20542/0131-2227-2025-69-2-76-84. EDN: WERNJZ
26. Yang ZW. Legal pathways for establishing China-Central Asia energy development partnership under high-quality development of the Belt and Road Initiative. *Zhengfa Luncong (Journal of Political Science and Law)*. 2023;(4):15–25. (In Chinese).

Информация об авторах

Янь Линьлинь, аспирант кафедры международных отношений, мировой политики и дипломатии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Россия; linyan@kpfu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3214-8126>. Область научных интересов: энергетическая безопасность и geopolитика в Центральной Азии.

Большаков Андрей Георгиевич, д-р полит. наук, заведующий кафедрой международных отношений, мировой политики и дипломатии, Казанский (Приволжский) федеральный университет, г. Казань, Рос-

сия; bolshakov_andrei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7677-3638>. Область научных интересов: постсоветское пространство, регион Центральной Азии, внутренние конфликты, внутренние вооружённые конфликты.

Information about the author

Yan Linlin, Postgraduate Student, International Relations, World Politics and Diplomacy department, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; linyan@kpfu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-3214-8126>. Research interests: energy security and geopolitics in Central Asia.

Bolshakov Andrey Georgievich, Doctor of Political Sciences, Head of the International Relations, World Politics and Diplomacy department, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan, Russia; bolshakov_andrei@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7677-3638>. Research interests: post-Soviet space, Central Asian region, internal conflicts, internal armed conflicts.

Вклад авторов в статью

Янь Линьлинь – определение научной проблемы, постановка цели и задач исследования, выбор и обоснование методологии, написание основного текста статьи.

Большаков Андрей Георгиевич – научное руководство, консультирование по вопросам методологии и исследовательских задач, участие в редакционной доработке рукописи.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors' contribution to the article

Yan Linlin – definition of the scientific problem, setting the goal and objectives of the study, selection and justification of the methodology, and writing the main text of the article.

Bolshakov Andrey G. – scientific supervision, consulting on methodology and research objectives, and participation in editorial revision of the manuscript.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 30.05.2025; одобрена после рецензирования 20.06.2025; принята к публикации 25.07.2025.

Received 2025, May 30; approved after review 2025, June 20; accepted for publication 2025, July 25.

ЭКОНОМИКА

ECONOMY

Научная статья

УДК 339.97

DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-92-100

Низкоуглеродная модернизация энергетического сектора стран АСЕАН (на примере Индонезии и Вьетнама)

Максим Геннадьевич Грозыкин

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, г. Москва, Россия
grozykinmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9858-1300>

В статье рассмотрена политика стран-членов АСЕАН под воздействием энергетического перехода и климатических изменений. Объект исследования – энергетический сектор стран АСЕАН, в частности Индонезии и Вьетнама. Цель исследования – привести краткий обзор развития «зелёной» энергетики в странах Юго-Восточной Азии, реализуемой в рамках совместной политики и инициатив декарбонизации в рамках членства в АСЕАН на примере двух динамично развивающихся государств – Индонезии и Вьетнама, которые сталкиваются с необходимостью балансировать свой экономический рост с энергетической безопасностью и «зелёными» инициативами. Задачи исследования: изучить подходы стран к внедрению возобновляемой и альтернативной энергетики; рассмотреть основные государственные программы поддержки и развития отрасли; оценить усилия по достижению климатических норм. Определены ключевые векторы изменений энергетической политики Индонезии и Вьетнама, а также сформулированы основные проблемы по реализации инициатив для стран АСЕАН. Исследованы национальные стратегии декарбонизации, включая адаптацию к возобновляемой энергетике. Методологию исследования составил сравнительный метод, а также использованы данные российских и зарубежных учёных. Сформулирован вывод о постепенном переходе Индонезии и Вьетнама к низкоуглеродной энергетике, однако при условии роста значимости экологической повестки, которая пока не является доминирующей в условиях приоритета развития доступности энергетики. Особое внимание уделяется национальным планам по развитию энергетики, включая отказ от использования угля – столь популярного для данных стран энергетического ресурса, а также привлечению международного финансирования в ново-развивающиеся отрасли. Несмотря на общенациональные курсы на энергетический переход, его развитие замедлено вследствие экономических и политических ограничений. Приоритет двух стран отдаётся улучшению энергетической доступности, которая включает развитие не «экологически чистых» углеводородов, что подчёркивает неравномерность перехода Индонезии и Вьетнама к низкоуглеродной энергетике. Для дальнейшего развития АСЕАН переход Индонезии и Вьетнама к энергетике нового поколения будет играть решающую роль с целью соответствия международной повестке.

Ключевые слова: декарбонизация, энергетический рынок, АСЕАН, возобновляемая энергетика, выбросы углекислого газа, климатические изменения, энергетический переход, Индонезия, Вьетнам, государственная энергетическая политика

Для цитирования

Грозыкин М.Г. Низкоуглеродная модернизация энергетического сектора стран АСЕАН (на примере Индонезии и Вьетнама) // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 92–100. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-92-100

© Грозыкин М.Г., 2025

Original article**Low-Carbon Modernization of the ASEAN Energy Sector (Case of Indonesia and Vietnam)****Maksim G. Grozykin***Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia*
grozykinmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9858-1300>

This paper examines the policies of the ASEAN member countries under the influence of the energy transition and climate change. The object of research is the energy sector of the ASEAN countries, in particular Indonesia and Vietnam. The main purpose of this article is to provide a brief overview of the development of green energy in Southeast Asian countries, implemented as part of joint decarbonization policies and initiatives within the framework of ASEAN membership, using the example of two dynamically developing countries, Indonesia and Vietnam, which face the need to balance their economic growth with energy security and green initiatives. The objectives of the study are to study the approaches of countries to the introduction of renewable and alternative energy, to consider the main government programs for the support and development of the industry, and to evaluate efforts to achieve climate standards. The key vectors of changes in the energy policy of Indonesia and Vietnam are identified, as well as the main problems of implementing initiatives for the ASEAN countries are formulated. National decarbonization strategies, including adaptation to renewable energy, are being considered. The methodology and research methods have been compiled by comparative and statistical methods, the work uses data from Russian and foreign scientists. The conclusion is drawn about the gradual transition of Indonesia and Vietnam to low-carbon energy, subject to the growing importance of the environmental agenda, but not yet dominant in terms of the priority of energy accessibility development. Special attention is paid to national plans for energy development, including abandoning the use of coal, an energy resource so popular in these countries, and attracting international financing to newly developing industries. Despite national policies on the energy transition, its development is slow due to economic and political constraints. The priority of the two countries is given to improving energy accessibility, which includes the development of non-“environmentally friendly” hydrocarbons, which highlights the uneven transition of Indonesia and Vietnam to low-carbon energy. For the further development of ASEAN, the transition of Indonesia and Vietnam to a new generation of energy will play a crucial role in meeting the international agenda.

Keywords: decarbonization, energy market, ASEAN, renewable energy, carbon dioxide emissions, climate change, energy transition, Indonesia, Vietnam, state energy policy

For citation

Grozykin M.G. Low-Carbon Modernization of the ASEAN Energy Sector (Case of Indonesia and Vietnam) // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 92–100. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-92-100

Актуальность исследования. Энергетический переход – это постепенное смещение в использовании классических углеводородов в сторону альтернативной и возобновляемой энергии, переход от экономики, зависящей от ископаемого топлива, к энергетике, основанной на низкоуглеродных источниках. Важно отметить, что этот переход будет происходить в течение нескольких десятилетий, а не всего лишь нескольких лет. В настоящее время в мире не хватает мощностей по производству низкоуглеродной энергии, а большинство проектов не могут быть построены быстрее вследствие технологической сложности. Нефть и газ продолжат играть важную роль в современном энергетическом балансе. Способы перехода стран к более чистым видам топлива также будут различаться. Некоторые страны будут переходить на новые виды топлива быстрее, чем другие, из-за разной степени открытости рынка и инвестиций.

В настоящее время в Азии реализуется недостаточно проектов для достижения це-

лей нового энергетического перехода. Нефтяные и газовые компании играют важную роль в переходе к энергетике, не только обеспечивая топливом, необходимым для выработки электроэнергии с базовой нагрузкой, но и инвестируя в разработку новых низкоуглеродных технологий [3]. Не менее важную роль в данном контексте играет и государство, которое обеспечивает компании необходимой нормативно-правовой базой, а также помогает взаимодействию с международным сообществом. В Азии переход к новой энергетике рассматривается на уровне не только отдельно взятых экономик, но и одного из крупнейших интеграционных блоков Азии – АСЕАН. Вьетнам и Индонезия, как лидеры блока, должны решить вопрос стремительного экономического роста с переходом на «зелёную» энергетику, минуя этап длительной зависимости от угля, характерной для всего региона, и адаптировать собственные уникальные энергетические ресурсы к новым экономическим условиям.

Объект исследования – энергетический сектор стран АСЕАН на примере Индонезии и Вьетнама.

Предмет исследования – политика в области внедрения и развития возобновляемой и альтернативной энергетики в Индонезии и Вьетнаме под влиянием климатических сдвигов.

Цель исследования – обзор деятельности правительства государств в области «зелёной» энергетики на территории Индонезии и Вьетнама.

Задачи исследования:

- 1) изучить подходы стран к внедрению возобновляемой и альтернативной энергетики;
- 2) рассмотреть основные государственные программы поддержки и развития отрасли;
- 3) оценить усилия по достижению климатических норм.

Методология и методы исследования. В работе применены общенаучные методы сравнительного анализа, сопоставления и обобщения.

Разработанность темы исследования. В российской научной среде вопросы

внедрения и развития «зелёной» энергетики наиболее часто затрагиваются авторами, занимающимися областью энергетического перехода, такими как С.И. Коданева [8], И.А. Гулиев, Ю.В. Соловова [5], П.И. Севостьянов, А.В. Матюхин [15].

Место и роль энергетического сектора Индонезии исследуются в работах таких авторов, как М.С. Головин, Н.Н. Дудкин, А.С. Печатнова [11], Г.В. Григорьян [4], Г.М. Костюнина [9]. Вопросы энергетики Вьетнама поднимали А.Ф. Нгуен [12], Г.М. Костюнина [10].

Результаты исследования. Основным источником энергии в Азии является уголь. В то время как европейские и американские рынки начинают закрывать свои угольные электростанции, грязное топливо остаётся основным игроком в глобальных энергетических системах, особенно в Азии. В первую очередь это связано с растущими потребностями в энергии. В структуре потребления у многих представителей АСЕАН лидирующую позицию занимает уголь – 59 % в Индонезии, 56 % в Филиппинах, 41 % в Камбодже и т.д. Второе место после угля занимают нефть и газ (рисунок).

Основные источники потребления энергии по категориям, 2024 г., % /

Main sources of energy consumption by category, 2024, %*

*Источник: составлено автором на основе Energy Connects, Asia's energy transition: a journey towards sustainability, 2024. – URL: <https://www.energyconnects.com/opinion/features/2024/june/asia-s-energy-transition-a-journey-towards-sustainability> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст: электронный

АСЕАН играет важнейшую роль в движении внедрения возобновляемых источников энергии в 10 государствах-членах. АСЕАН способствует коллективному прогрессу с помощью нескольких ключевых инициатив. Страны-члены населяют свыше 700 млн человек, с ежегодно увеличивающимися запросами в области потребления

энергии в любой производной, а темпы роста спроса на электроэнергию данного региона в мире являются самыми высокими [14].

В первую очередь включается разработка структуры по внедрению технологий улавливания и хранения углекислого газа, а также дорожная карта по развитию возобновляемой энергетики. АСЕАН реализует ряд инициатив

для достижения своих целей по переходу к возобновляемой и альтернативной энергетике. Ожидается, что система улавливания будет играть ключевую роль в усилиях АСЕАН по достижению цели углеродной нейтральности к 2050 г. Политические рекомендации для государств-членов, которые необходимо рассмотреть и реализовать в ближайшие годы, изложены в нормативно-правовых актах АСЕАН¹. Поскольку многие из стран АСЕАН являются уязвимыми к угрозам изменения климата, энергетическая устойчивость и безопасность также считаются наиболее актуальными вопросами. Соответственно, государства – члены группировки – признают необходимость перехода к низкоуглеродной экономике, чтобы обеспечить региональное энергоснабжение и доступ к энергии для всех, а также внести свой вклад в глобальные действия по сдерживанию роста средней глобальной температуры [19].

АСЕАН заключил энергетическое сотрудничество с АТЭС (2021–2025 гг.), которое включает цели и инициативы, направленные на повышение энергетической безопасности и устойчивости во всём регионе. Взаимодействие с АТЭС включает содействие интеграции экологически чистых и возобновляемых источников энергии в региональную энергосистему и оптимизацию экологически чистых угольных технологий в рамках перехода к развитию с низким уровнем выбросов. Ключевые цели на 2025 г. включают снижение энергоёмкости на 32 % (по сравнению с уровнем 2005 г.), увеличение доли возобновляемых источников энергии до 23 % в энергобалансе стран АСЕАН и доли возобновляемых источников энергии установленной мощности до 35 %².

Создан Центр энергетики АСЕАН. В восьмом энергетическом обзоре АСЕАН, опубликованном в сентябре 2024 г., прогнозируются задержки в достижении целевых показателей энергоёмкости и сочетания возобновляемых источников энергии в регионе, которые в настоящее время ожидаются к 2026 и 2030 гг. соответственно. Перед государствами – членами АСЕАН – стоит двойная задача – удовлетворить быстро растущий спрос на энергию

¹ ASEAN, ASEAN Energy Transition Pathway Toward the 2030 Agenda. – URL: <https://aseanenergy.org/publications/asean-energy-transition-pathway-toward-the-2030-agenda> (дата обращения: 20.06.2025). – Текст: электронный.

² ASEAN Centre for Energy, ASEAN Plan of Action for Energy Cooperation (APAEC) 2016–2025 Phase II, 2020. – URL: <https://aseanenergy.org/publications/asean-plan-of-action-for-energy-cooperation-apaec-phase-ii-2021-2025> (дата обращения: 01.02.2025). – Текст: электронный.

и одновременно перейти к устойчивой энергетике. Для преодоления этих препятствий и достижения амбициозных целей, поставленных АСЕАН, необходимы скоординированные региональные усилия. Однако ожидалось, что АСЕАН превысит свой целевой показатель по доле возобновляемых источников энергии установленной мощности на 4 %³.

Прогрессу по-прежнему препятствуют такие проблемы, как непоследовательная реализация политики правительств государств – стран АСЕАН – и различия в энергетической инфраструктуре членов интеграции [2].

Рассмотрим деятельность по реализации инициатив АСЕАН крупнейшими его участниками – Индонезией и Вьетнамом.

Индонезия использует свои богатые природные ресурсы и стратегические инициативы, чтобы стать лидером в регионе в области возобновляемых источников энергии, уделяя особое внимание:

– эффективному использованию геотермальных ресурсов. Государство расположено на Тихоокеанском огненном кольце, в котором находится большое количество вулканов. Страна активно использует геотермальную энергию, вырабатываемую ими, обладая 40 % мировых потенциальных геотермальных ресурсов. Индонезия входит в тройку стран-лидеров по выработке геотермальной энергии, уступая только США и Филиппинам [7]. Президентский указ № 112 от 2022 г. об ускорении развития возобновляемых источников энергии для энергоснабжения определяет геотермальную энергию как имеющую право на конкретные финансовые стимулы и государственную поддержку⁴;

– разработке документов стратегического развития в отрасли энергетики. Государственная программа «Just Energy Transitions Partnerships» поддерживает переход Индонезии от использования угля, сосредоточившись на пяти областях инвестирования:

1) развитие инфраструктуры передачи и распределения электроэнергии;

2) досрочный вывод из эксплуатации и управляемый поэтапный отказ от угольных электростанций;

³ ASEAN Centre for Energy, 8th ASEAN Energy Outlook (AOE8) 2023-2050, 2023. – URL: <https://aseanenergy.org/the-8th-asean-energy-outlook> (дата обращения: 01.02.2025). – Текст: электронный.

⁴ PresidenRepublik Indonesia, Presidential Regulation No. 112 of 2022 concerning the Acceleration of Development of Renewable Energy for Electric Power Supply, 2022. – URL: <https://www.abnrlaw.com/news/long-awaited-presidential-regulation-signals-transition-to-greener-energy-in-indonesia> (дата обращения: 01.02.2025). – Текст: электронный.

3) ускорение использования возобновляемых источников энергии с возможностью диспетчеризации;

4) расширение производственных мощностей по использованию возобновляемых источников энергии;

5) укрепление производственно-сбытовых цепочек использования возобновляемых источников энергии¹;

– трансформации нормативно-правового регулирования отрасли энергетики. Правительство Индонезии внесло значительные законодательные изменения для выполнения своих обязательств по переходу к энергетике. Запрещается строительство новых угольных электростанций (за некоторыми исключениями, включая угольные электростанции, которые уже включены в план развития электроэнергетики государственной коммунальной компании), упрощается процесс закупок для проектов в области возобновляемой энергетики и устанавливаются предельные цены для тарифов на возобновляемую энергию [13]. В 2024 г. поправки к действующему законодательству смягчили требования к местному содержанию в проектах электроэнергетической инфраструктуры, снизив минимальные пороговые значения как для возобновляемых, так и для невозобновляемых электростанций. Кроме того, для некоторых проектов, финансируемых из-за рубежа, предусмотрены исключения из требований о местном содержании, а минимальные требования к местному содержанию для экспорта электроэнергии будут изложены в готовящемся постановлении [16].

Ориентация Индонезии на возобновляемые источники энергии и реформы позволяет ей преодолевать трудности и достигать своих целей в области изменения климата. Такие инициативы, как «JETP» и корректировка политики, стимулируют развитие низкоуглеродной экономики, повышают энергетическую безопасность и способствуют экономическому росту [20].

Вторым крупным представителем АСЕАН является Вьетнам – лидер в области оффшорной ветроэнергетики, который активно пересматривает нормативно-правовую базу.

Энергетический сектор Вьетнама переживает трансформацию законодательного регулирования и стратегических инициатив. Значимые изменения затронули «Закон об

электроэнергетике»² и Национальный план развития энергетики («PDP»)³.

Приведём изменения.

1. Закон об электроэнергетике 2024 г. Приведённый закон, который вступил в силу с 1 февраля 2025 г., знаменует собой кардинальное изменение в нормативно-правовой базе Вьетнама для энергетического сектора. Он расширяет определение возобновляемых источников энергии и включает новое определение, охватывающее экологически чистый водород и экологически чистый аммиак, устанавливает принципы развития возобновляемой энергетики в регионах с высоким потенциалом при одновременной интеграции оффшорных систем ветроэнергетики и накопления энергии в национальную энергосистему, уделяет приоритетное внимание крупномасштабным проектам по созданию кластеров электростанций на возобновляемых источниках энергии и поощряет проекты в области солнечной и ветряной энергетики, объединяющие системы хранения энергии, экологически чистого водорода или производства экологически чистого аммиака [18]. Вьетнам также опубликовал консультативный проект подзаконных актов, содержащий подробные рекомендации по процедурам разработки и стимулированию различных форм проектов в области возобновляемых источников энергии⁴.

2. Реформы регулирования. Истечание срока действия механизмов льготных тарифов и проблемы с несоблюдением нормативных требований существенно повлияли на сектор возобновляемых источников энергии Вьетнама⁵. Осознавая эти проблемы, Правительство Вьетнама и Министерство промышленности и торговли в 2024 г. приняли несколько законодательных актов, направ-

² Ministry of Industry and Trade of the Socialist Republic of Vietnam, the Law on Energy. – URL: <https://moit.gov.vn/tin-tuc/phat-trien-nang-luong/gioi-thieu-luat-dien-luc-so-61-2024-qh15.html> (дата обращения: 21.06.2025). – Текст: электронный.

³ Green Finance & Development Center, Vietnam's Eight National Power Development Plan, 2023. – URL: <https://greenfdc.org/vietnams-eight-national-power-development-plan-pdp8> (дата обращения: 21.06.2025). – Текст: электронный.

⁴ Watson Farley & Williams, Powering Asian's future: legal insights on energy transition trends for 2025. – URL: <https://www.wfw.com/articles/powering-asias-future-legal-insights-on-energy-transition-trends-for-2025> (дата обращения: 01.02.2025). – Текст: электронный.

⁵ Petrovietnam, Power Industry and Renewable Energy, 2025. – URL: <https://pvn.vn/sites/en/Pages/detailv4.aspx?NewsID=e48d426a-0e42-4e2d-a0c5-cefd438b49a3> (дата обращения: 01.04.2025). – Текст: электронный.

¹ JEPTE Indonesia, The Comprehensive Investment and Policy Plan, 2023. – URL: <https://jetp-id.org> (дата обращения: 01.02.2025). – Текст: электронный.

ленных на устранение пробелов в законодательстве [17].

3. Изменения в стратегических документах. В обновлённом Национальном плане развития энергетики от 28 декабря 2024 г. Вьетнам пересмотрел свой план реализации «PDP», уделив особое внимание расширению возобновляемых мощностей и совершенствованию сетевой инфраструктуры. Основные изменения включают добавление проектов по использованию ветра, гидроэнергии, биомассы и отходов для получения энергии. План также включает пилотный проект по созданию системы аккумуляторного хранения мощностью 7 МВт в Кхань-

хое, который, как ожидается, послужит моделью для будущих проектов по хранению¹.

Активный подход Вьетнама к законодательной реформе и развитию инфраструктуры не только способствует переходу страны к энергетике, но и создаёт благоприятную среду для инвесторов, ищущих долгосрочные возможности в секторе возобновляемых источников энергии. Особенно данный вопрос актуален во взаимодействии с КНР как наиболее крупным торговым партнёром Вьетнама [6].

Сравнительный анализ энергетического сектора Индонезии и Вьетнама* / Comparative analysis of the energy sector in Indonesia and Vietnam

Критерий / Criteria	Вьетнам / Vietnam	Индонезия / Indonesia
Доля угля в энергетике / Share of coal in the energy sector	~35–40 %	~60 %
Ключевой сектор ВИЭ / Key renewable energy sector	Солнечная энергетика (16 ГВт) / Solar energy (16 GW)	Геотермальная энергетика (2,3 ГВт с потенциалом роста до 24 ГВт) / Geothermal energy (2.3 GW with growth potential up to 24 GW)
Участие в JEPT / Participation in JEPT	15,5 млрд долл. США / bil. USD	20 млрд долл. США / bil. USD
Основной барьер для развития / Main barrier to development	Слабая сетевая инфраструктура / Weak network infrastructure	Угольная зависимость / Coal dependence
Потенциал в рамках АСЕАН / Potential within ASEAN	Экспорт ветровой и солнечной энергии / Export of wind and solar energy	Передовой игрок рынка геотермальной энергетики / Advanced player in the geothermal energy market

*Источник: составлено автором на основе [14; 17].

У стран АСЕАН есть возможность сотрудничества не только с известными американскими и европейскими производителями оборудования, но и с разработчиками из Китая, которые в настоящее время потеснили западные технологии на рынке, например китайская компания «Goldwind» активно производит ветряные турбины для удовлетворения спроса со стороны вьетнамских энергетических компаний [1]. Конкуренция со стороны китайских производителей оборудования усиливается, а масштабы их различных технологий превосходят западные. Китайские производители оборудования также осваивают рынки стран АСЕАН, на которых до недавнего времени сотрудничество ограничивалось исключительно с европейскими или американскими производителями². Экономист Мухамед

Якин считает, что энергетический переход в странах АСЕАН как в краткосрочной, так и в долгосрочной парадигме влияет на уровень безработицы в странах данного блока. Внедрение новых технологий создаёт новые рабочие места как на производстве, так и в научно-учебных заведениях для подготовки необходимых кадров [21].

Вместе с тем существует ряд ограничений для активного и непрерывного развития «зелёной» энергетики в странах АСЕАН.

В первую очередь, изменение климата приводит к более частым и экстремальным погодным явлениям, которые очень характерны для данного региона. Солнечные батареи должны быть более устойчивы к граду, ураганам и чрезмерной жаре, а также быть готовыми к потенциальным лесным пожарам. Ветряные турбины должны справляться с высокой нагрузкой на систему во время тайфунов³. Владельцы проектов и активов должны подходить к выбору поставщиков и подрядчиков с позиции долгосрочной перспективы,

¹ Vietnam Green Finance and Development Center, Vietnam's Eight National Power Development Plan (PDP8), 2024. – URL: <https://greenfdc.org/vietnams-eight-national-power-development-plan-pdp8> (дата обращения: 01.02.2025). – Текст: электронный.

² Energy Connects, Asia's energy transition: a journey towards sustainability, 2024. – URL: <https://www.energyconnects.com/opinion/features/2024/june/asia-s-energy-transition-a-journey-towards-sustainability> (дата обращения: 29.01.2025). – Текст: электронный.

³ Petrovietnam, Power Industry and Renewable Energy, 2025. – URL: <https://pvn.vn/sites/en/Pages/detailv4.aspx?NewsID=e48d426a-0e42-4e2d-a0c5-cefd438b49a3> (дата обращения: 01.04.2025). – Текст: электронный.

отдавая предпочтение не самым экономически выгодным, а наиболее надёжным и стабильным вариантам. Это обусловлено тем, что обеспечение жизнеспособности и устойчивого развития проекта требует не только краткосрочных инвестиций, но и комплексного подхода к управлению рисками.

В государствах Юго-Восточной Азии наблюдается слабый уровень страхования проектов по возобновляемой энергетике. В рамках данной отрасли существует острая необходимость проведения детального анализа и систематизации рисков, с которыми она сталкивается, что требует междисциплинарного подхода, включающего сотрудничество с разработчиками программного обеспечения, а также с коллегами по отрасли. Целью такого взаимодействия является не только идентификация потенциальных угроз, но и разработка комплексных решений для их минимизации, а также создание эффективных механизмов страхования, которые позволят обеспечить устойчивое развитие и стабильность отрасли в условиях динамичной внешней среды. Например, страховая отрасль могла бы полагаться на системы отслеживания погоды, чтобы понимать риски, связанные с проектами, и использовать другие новые технологии, которые появляются в настоящее время¹.

Заключение. Таким образом, АСЕАН как организационная структура является активным инициатором по внедрению передовых технологий, позволяющих адаптироваться к новому энергетическому переходу. В рамках организации существуют механизмы поддержки развития возобновляемой и альтернативной энергетики стран-членов. Орга-

низация сотрудничает и с другими интеграционными блоками, такими как АТЭС, в который входят многие страны – члены АСЕАН. Одними из наиболее развитых стран блока в области «зелёной» энергетики являются Индонезия и Вьетнам, которые разработали национальные планы развития энергетической отрасли под влиянием глобальных изменений. Индонезия плавно переходит к «зелёной» энергетике, но существующий ряд барьеров отчасти замедляет это движение. При успешной реализации национальных программ есть вероятность того, что государство сможет стать региональным лидером в геотермальной и солнечной энергетике, что привлечёт существенные инвестиции в экономику, которые в настоящее время поступают от Японии и Китая. Вьетнам также активно стремится развивать возобновляемую энергетику, но имеет больше инфраструктурных и финансовых барьеров, чем Индонезия.

Для Вьетнама и Индонезии взаимосвязь трансформации энергопотребления и климатических индикаторов имеет высокую значимость. Климатические угрозы, такие как наводнения, тайфуны, являются для стран экзистенциальными рисками, что подчёркивает важность энергетического перехода. Ограниченные возможности по развитию гидроэнергетики стран приведут к неизбежному переходу на возобновляемые источники энергии и отказу от угля, что впоследствии повлечёт за собой снижение выбросов в атмосферу и снизит климатические риски для энергосистемы. Трансформация энергопотребления – это не просто экономическая необходимость, но и важнейший инструмент управления рисками.

Список литературы

1. Астафьева Е.М. Юго-Восточная Азия и Южно-Тихоокеанский регион: актуальные проблемы развития 2023 // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. Т. 5, № 4. С. 262–286. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-262-286
2. Горкина Т.И. Особенности энергетического перехода азиатских стран // Вестник Московского университета. Серия 5. География. 2023. № 3. С. 18–29. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.78.3.2. EDN: TFQ7IE
3. Григорьян Г.В. Политика стран Юго-Восточной Азии по «энергетическому переходу» // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2023. № 2. С. 65–74. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-2-59-065-074. EDN: KTP1ZY
4. Григорьян Г.В. Особенности политики энергетического перехода Индонезии: роль иностранного бизнеса в достижении целей декарбонизации // Анализ и прогноз. Журнал ИМЭМО РАН. 2024. № 2. DOI: 10.20542/afij-2024-2-57-71. EDN: QIHYUE
5. Гулиев И.А., Соловова Ю.В. Энергетический переход: понятие и исторический анализ. Особенности текущего энергетического перехода // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2021. № 10. С. 98–105. DOI: 10.17513/vaael.1874. EDN: IJTTJM

¹ QBE Singapore, Risk Insights and Expertise, 10 steps to building a resilient energy transition in Asia. – URL: <https://www.qbe.com/sg/newsroom/risk-insights-and-expertise/10-steps-to-building-a-resilient-energy-transition-in-asia> (дата обращения: 01.02.2025). – Текст: электронный.

6. Доленина О.Е., Подкладова А.С. Трансграничное сотрудничество как фактор экономического развития регионов Китая // Азиатско-Тихоокеанский регион: экономика, политика, право. 2023. Т. 25, № 3. С. 47–59. DOI: 10.24866/1813-3274/2023-3/47-59. EDN: QMTKMH
7. Канаев Е.А., Федоренко Д.О. Единая энергосистема АСЕАН: глобальный, региональный и страновой аспекты // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2024. № 1. С. 95–111. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-1-1-62-095-111
8. Коданева С.И. Энергетический переход: перспективы и механизмы реализации // Россия и современный мир. 2022. № 4. С. 162–183. DOI: 10.31249/rsm/2022.04.09. EDN: BMXKDS
9. Костюнина Г.М. Водородная энергетика в странах АСЕАН // Российский внешнеэкономический вестник. 2024. № 2. С. 38–54. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-2-38-54. EDN: CIJVQK
10. Костюнина Г.М. Перспективы развития водородной энергетики во Вьетнаме // Российский внешнеэкономический вестник. 2025. № 5. С. 94–109. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-5-94-109. EDN: WHJICW
11. Головин М.С., Дудкин Н.Н., Печатнова А.С. Особенности производства и использования транспортного биотоплива в отдельных развивающихся странах (часть I) // Экономика и управление. 2024. Т. 30, № 7. С. 781–790. DOI: 10.35854/1998-1627-2024-7-781-790. EDN: VVTWGY
12. Нгуен А.Ф. Вызовы и возможности развития топливно-энергетического комплекса Вьетнама // Инновации и инвестиции. 2023. № 4. С. 309–312. EDN: ZVLRR
13. Никулина С.И. Формирование национальной модели «зелёной» экономики в Индонезии: особенности стратегического планирования и государственной поддержки // Экономика и управление. 2021. Т. 27, № 5. С. 336–344. DOI: 10.35854/1998-1627-2021-5-336. EDN: EHJDHC
14. Рогожин А.А. Green Tech – новая сфера экономических интересов Китая в ЮВА // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2024. Т. 2, № 2. С. 45–54. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-2-2-63-045-054
15. Севостьянов П.И., Матюхин А.В. «Энергетический переход» в современной международной повестке // Обозреватель. 2022. № 2. С. 19–31. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_02_19. EDN: ZAKVXX
16. Aryanto Y. The Risk of Disorderly Energy Transition to Indonesian Oil & Gas Sector // Proceedings of the 1st International Conference on Contemporary Risk Studies, ICONIC-RS 2022. 2022. DOI: 10.4108/eai.31-3-2022.2320668
17. Gavi K., Emmanuel M. Transformational Leadership in Sustainable Energy Transitions: A Comparative Study of Deoca Group (Vietnam) and Iraq's Energy Sector Reforms. 2025. URL: https://www.researchgate.net/publication/388894512_Transformational_Leadership_in_Sustainable_Energy_Transitions_A_Comparative_Study_of_Deoca_Group_Vietnam_and_Iraq's_Energy_Sector_Reforms (дата обращения: 21.06.2025). Текст: электронный.
18. Nguyen T., Hoang A. The Securitization Process of Energy Issues in Vietnam and Its Implications for Vietnam-ASEAN Energy Cooperation // IOP Conference Series: Earth and Environmental Science. 2025. 1511. 012019. DOI: 10.1088/1755-1315/1511/1/012019
19. Safrina R., Utama N. ASEAN energy transition pathway toward the 2030 agenda // Environmental Progress & Sustainable Energy. 2023. Т. 42, № 4. DOI: 10.1002/ep.14101 EDN: JDAYMA
20. Wahyudi H., Lenni S., Sutarto S. CSR Index of Energy Sector Companies in Indonesia // International Journal of Energy Economics and Policy. 2024. No. 14. С. 40–45. DOI: 10.32479/ijep.16918. EDN: OODCAY
21. Yaqin M., Aryani A. Energy Transition, Unemployment, and Inequality: Evidence from ASEAN Countries // International Journal of Energy, Environment and Economics. 2025. № 3. Р. 53–74.

References

1. Astafieva EM. Southeast Asia and the south pacific: current development issues – 2023. *South East Asia: Actual Problems of Development*. 2023;5(4):262–286. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-5-4-61-262-286 (In Russian).
2. Gorkina TI. Special features of energy transition in Asian countries. *Lomonosov Geography Journal*. 2023;(3):18–29. DOI: 10.55959/MSU0579-9414.5.78.3.2. EDN: TFQTCIE (In Russian).
3. Grigoryan HV. Policy of the southeast Asian countries on “energy transition”. *South East Asia: Actual Problems of Development*. 2023;(2):65–74. DOI: 10.31696/2072-8271-2023-2-2-59-065-074. EDN: KTPIZY (In Russian).
4. Grigoryan GV. Characteristics of Indonesia's energy transition policy: the role of foreign business in decarbonization. *Analysis and Forecasting. IMEMO Journal*. 2024;(2). DOI: 10.20542/afij-2024-2-57-71. EDN: QIHYUE (In Russian).
5. Guliyev IA, Solovova YuV. Energy transition: concept and historical analysis. Key features of the current energy transition. *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021;(10):98–105. DOI: 10.17513/vaael.1874. EDN: IJTTJM (In Russian).
6. Dolenina OE, Podkladova AS. Cross-border cooperation as a factor of economic development of China regions. *Pacific Rim: Economics, Politics, Law*. 2023;25(3):47–59. DOI: 10.24866/1813-3274/2023-3/47-59. EDN: QMTKMH (In Russian).

7. Kanaev EA, Fedorenko DO. ASEAN power grid: global, regional and intra-country aspects. *South East Asia: Actual Problems of Development*. 2024;(1):95–111. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-1-1-62-095-111 (In Russian).
8. Kodanova SI. Energy transition: perspectives and mechanisms of realization. *Russia and the Contemporary World*. 2024;(4):162–183. DOI: 10.31249/rsm/2022.04.09. EDN: BMXKDS (In Russian).
9. Kostyunina GM. Hydrogen energy in Asean countries. *Russian Foreign Economic Journal*. 2024;(2):38–54. DOI: 10.24412/2072-8042-2024-2-38-54. EDN: CIJVKQ (In Russian).
10. Kostyunina GM. Prospects for hydrogen energy in Vietnam. *Russian Foreign Economic Journal*. 2025;(5):94–109. DOI: 10.24412/2072-8042-2025-5-94-109. EDN: WHJICW (In Russian).
11. Golovin MS, Dudkin NN, Pechatnova AS. Specific features of production and use of transport biofuels in selected developing countries (part I). *Economics and Management*. 2024;30(7):781–790. DOI: 10.35854/1998-1627-2024-7-781-790. EDN: VVTWGY (In Russian).
12. Nguyen APh. Challenges and opportunities for the development of the fuel and energy complex of Vietnam. *Innovation & Investment*. 2023;(4):309–312. EDN: ZVLRRL (In Russian).
13. Nikulina SI. Formation of the national model of green economy in Indonesia: special features of strategic planning and government support. *Economics and Management*. 2021;27(5):336–344. DOI: 10.35854/1998-1627-2021-5-336. EDN: EHJDHC (In Russian).
14. Rogozhin AA. Green tech as a new area of China's economic interests in southeast Asia. *South East Asia: Actual Problems of Development*. 2024;2(2(63)):45–54. DOI: 10.31696/2072-8271-2024-2-2-63-045-054 (In Russian).
15. Sevostyanov PI, Matiukhin AV. «Energy transition» in the modern international agenda. *Observer*. 2022;(2):19–31. DOI: 10.48137/2074-2975_2022_02_19. EDN: ZAKVXX (In Russian).
16. Aryanto Y. The Risk of Disorderly Energy Transition to Indonesian Oil & Gas Sector. In: Proceedings of the 1st International Conference on Contemporary Risk Studies, ICONIC-RS 2022; 2022. DOI: 10.4108/eai.31-3-2022.2320668
17. Gavi K, Emmanuel M. Transformational Leadership in Sustainable Energy Transitions: A Comparative Study of Deoca Group (Vietnam) and Iraq's Energy Sector Reforms; 2025. Available at: https://www.researchgate.net/publication/388894512_Transformational_Leadership_in_Sustainable_Energy_Transitions_A_Comparative_Study_of_Deoca_Group_Vietnam_and_Iraq's_Energy_Sector_Reforms (accessed 21.06.2025).
18. Nguyen T, Hoang A. The Securitization Process of Energy Issues in Vietnam and Its Implications for Vietnam-ASEAN Energy Cooperation. In: IOP Conference Series: Earth and Environmental Science; 2025. DOI: 10.1088/1755-1315/1511/1/012019
19. Safrina R, Utama N. ASEAN energy transition pathway toward the 2030 agenda. *Environmental Progress & Sustainable Energy*. 2023;42(4). DOI: 10.1002/ep.14101 EDN: JDAYMA
20. Wahyudi H, Lenni S, Sutarto S. CSR Index of Energy Sector Companies in Indonesia. *International Journal of Energy Economics and Policy*. 2024;(14 (6)):40–45. DOI: 10.32479/ijep.16918. EDN: OODCAY
21. Yaquin M, Aryani A. Energy Transition, Unemployment, and Inequality: Evidence from ASEAN Countries. *International Journal of Energy, Environment and Economics*. 2025;(3): 53–74.

Информация об авторе

Грозыкин Максим Геннадьевич, аспирант, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, г. Москва, Россия; grozykinmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9858-1300>. Область научных интересов: мировая экономика, энергетический сектор, энергетический переход.

Information about the author

Grozykin Maksim G., Postgraduate Student, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia; grozykinmaxim@yandex.ru, <https://orcid.org/0009-0002-9858-1300>. Research interests: global economy, energy sector, energy transition.

Статья поступила в редакцию 21.07.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 26.09.2025.

Received 2025, July 21; approved after review 2025, September 15; accepted for publication 2025, September 26.

Научная статья**УДК 339.138****DOI 10.21209/2227-9245-2025-31-3-101-111****Формирование потребительских предпочтений студентов вузов г. Самары на рынке кредитных услуг****Айрат Маратович Измайлов^{1,2}**¹*Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Россия*²*Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара, Россия*
airick73@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5193-1994>

Ввиду того что в России доля студентов от общего числа населения весьма значительна, актуальным представляется исследование вопросов потребительских предпочтений данной прослойки населения в области кредитных продуктов. Объект исследования – студенты вузов г. Самары. Предмет исследования – потребительские предпочтения студентов вузов г. Самары в области кредитных продуктов и услуг. Цель исследования – изучение потребительских предпочтений студентов университетов при выборе кредитных услуг, предоставляемых различными кредитными организациями. Задачи исследования: сделать литературный обзор наиболее цитируемых работ в области формирования потребительских предпочтений молодого поколения для формирования теоретической рамки исследования; разработать специализированную анкету-опросник, нацеленную на выявление ключевых потребительских предпочтений среди молодых людей, обучающихся в вузах; провести социологическое исследование с последующей обработкой полученных результатов; сформулировать выводы и рекомендации. В качестве ключевых инструментов для проведения исследования выбраны такие как теоретический (анализ научного пласта работ в области исследований формирования потребительских предпочтений среди молодёжи), социологический (разработка специализированной анкеты-опросника с последующей организацией и проведением анонимного опроса), статистический (обработка полученных результатов, их оценка и интерпретация в целях формирования выводов и рекомендаций). Сформулирован вывод о том, что студенты относятся к особой группе населения, с одной стороны, отличающейся спектром своих потребностей, а с другой – как правило, не обладающей должными знаниями в области финансовой грамотности и характеризующейся низким уровнем осведомлённости о доступных кредитных продуктах. На формирование потребительских предпочтений студентов, согласно сделанным выводам, могут оказывать влияние такие факторы, как повышение уровня финансовой грамотности, улучшение способов информирования студентов о возможностях использования кредитных и финансовых продуктов, субсидирование кредитов.

Ключевые слова: молодёжь, студенты, студенческая молодёжь, кредитные организации, кредитные продукты, кредитные услуги, предпочтения, формирование предпочтений, потребительские предпочтения, социологический опрос

Для цитирования

Измайлов А.М. Формирование потребительских предпочтений студентов вузов г. Самары на рынке кредитных услуг // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 101–111. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-101-111

Original article**Building Consumer Preferences of Students in Credit Market
(Case of Universities in Samara)****Airat M. Izmailov^{1,2}**¹*Samara State Medical University, Samara, Russia*²*Volga Region State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia*airick73@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5193-1994>

Due to the fact that in Russia the share of students in the total population is quite significant, the study of issues of consumer preferences of this segment of the population in the field of credit products seems relevant. The object of the study is students of universities in the city of Samara. The subject of the study is consumer preferences of students of universities in the city of Samara in the field of credit products and services. The goal of the study is the analysis of consumer preferences of university students in choosing credit services provided by various credit institutions. The author has outlined the following tasks: firstly, to carry out a theoretical analysis of the most cited works in the field of formation of consumer preferences of students in order to identify key research trends in the selected problem area; secondly, to develop a specialized questionnaire aimed

© Измайлов А.М., 2025

Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution 4.0 International (CC-BY 4.0)

at identifying key consumer preferences among young people studying at universities; thirdly, to carry out a sociological study with subsequent statistical processing of the results; fourthly, to formulate conclusions and recommendations. The following are chosen as key tools for the study: theoretical (analysis of the scientific layer of works in the field of research into the formation of consumer preferences among students), sociological (development of a specialized questionnaire with subsequent organization and conduct of an anonymous survey), statistical (processing of the results, their assessment and interpretation in order to form conclusions and recommendations). The conclusion is formulated that students belong to a special group of the population, on the one hand, differing in the range of their needs, and on the other hand, as a rule, not possessing the necessary knowledge in the field of financial literacy and characterized by a low level of awareness of available credit products. According to the conclusions made, the following factors can influence the formation of students' consumer preferences: increasing the level of financial literacy, improving tools for informing students about the possibilities of using credit and financial products, subsidizing loans, information support for students on lending issues.

Keywords: youth, students, student youth, credit institutions, credit products, credit services, preferences, formation of preferences, consumer preferences, sociological survey

For citation

Izmailov A.M. Building Consumer Preferences of Students in Credit Market (Case of Universities in Samara) // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 101–111. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-101-111

Введение. В настоящее время кредитные услуги и продукты во всём многообразии своего проявления являются неотъемлемой частью жизни практически любого человека. Цифровые технологии, проникшие во все возможные области человеческих взаимоотношений, существенно расширяют доступность кредитных продуктов, которые в свою очередь активно развиваются (усложняются и адаптируются под динамично меняющиеся условия внешней среды).

На наш взгляд, кредитные продукты как социально-экономическое явление можно отнести к достаточно гибкому и адаптивному инструменту, предоставляющему молодым людям возможность для роста. С одной стороны, в настоящее время кредитные продукты развиваются в беспрецедентных условиях, при которых возможны быстрый рост и развитие благодаря цифровым технологиям. С другой стороны, эти же самые цифровые технологии формируют условия для развития агрессивной конкурентной среды, в которой между банковскими структурами идёт борьба за потребителей. Молодое поколение в этом случае занимает место одного из главных сегментов, на который нацеливается потребительское кредитование. Именно потребительское кредитование имеет большие перспективы к развитию среди молодого поколения, что требует более детальных научных исследований.

Международные аспекты молодёжного кредитования охватывают широкий спектр вопросов – от обеспечения финансовой доступности до содействия молодёжному предпринимательству. К ключевым тенденциям развития международного молодёжного кре-

дитования можно отнести стремление к повышению уровня финансовой грамотности, явный акцент на образовательное кредитование, кредитную поддержку молодёжного предпринимательства, цифровизацию кредитования, стремление к управлению рисками.

Согласно данным Центрального Банка РФ показатели наиболее востребованных кредитных продуктов (кредитов наличными, кредитной карты, ипотеки, автокредита) в динамике последних лет обладают выраженной позитивной тенденцией. Более подробно данная тенденция отражена на рис. 1.

Согласно рис. 1 лишь число лиц, получавших кредит наличными, ежеквартально колеблется, в целом сохраняя стабильность.

Среди пользователей кредитных продуктов немалая доля представлена именно молодыми людьми, которые, как правило, обучаются в вузах или ссузах.

По данным статистического сборника, ежегодно публикуемого Высшей школой экономики, в 2022 г. совокупная численность учащихся (включая высшее, среднее, начальное образование, аспирантуру, ординатуру и иные ступени) составила 32,6 млн человек¹ [15]. Годом позже данный показатель возрос до 32,9 млн человек [14]. Исходя из политico-экономических процессов, происходящих в настоящее время, можно сделать предположение о том, что данный показатель в следующем отчетном году будет ещё выше.

Учитывая приведённые тренды, можно с уверенностью утверждать, что учащаяся молодёжь относится к большой группе потенци-

¹ Образование в цифрах: 2023: краткий статистический сборник / Т. А. Варламова, Л. М. Гохберг, О. К. Озерова [и др.]. – М.: ИСИЭЗ ВШЭ, 2023. – 132 с.

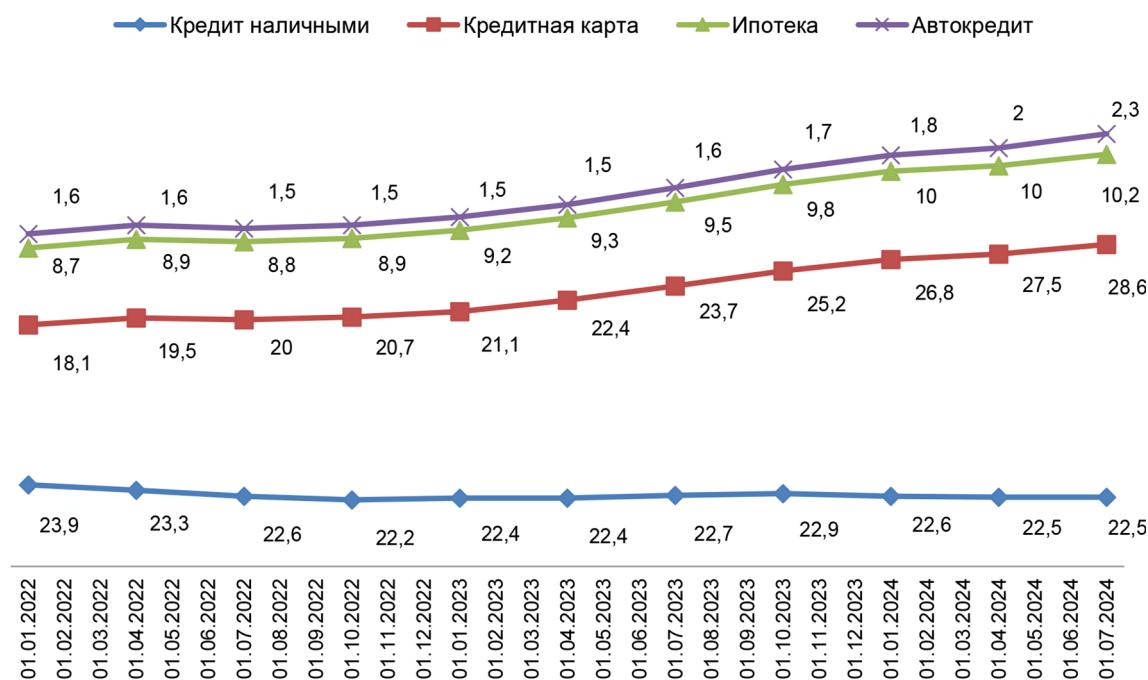

Рис. 1. Данные по динамике использования кредитных продуктов населением Российской Федерации согласно Центральному Банку РФ (млн чел)* / **Fig. 1.** Data on the dynamics of the credit products use by the population of the Russian Federation (million people) according to the Central Bank of the Russian Federation (million people) (compiled by the author based on* [11])

* Источник. Составлено автором на основе [11].

альных потребителей кредитных продуктов и услуг.

Актуальность исследования. Актуальность исследования заключается в растущем рынке потенциальных потребителей кредитных продуктов и услуг на фоне активно развивающихся цифровых технологий, способствующих ускорению и упрощению доступа к возможностям кредитных организаций.

Основной проблемой, находящейся в фокусе внимания автора исследования, является процесс формирования потребительских предпочтений молодых людей, обучающихся в высших учебных заведениях г. Самары, в условиях воздействия целого спектра различных факторов. Контуры научной проблематики исследования очерчены потребностью в уточнении векторов развития кредитных продуктов, активно прогрессирующих в условиях цифровизации.

Объект исследования – молодые люди, обучающиеся в вузах г. Самары.

Предмет исследования – потребительские предпочтения студентов вузов г. Самары в области кредитных продуктов и услуг.

Цель исследования – анализ потребительских предпочтений студентов университетов в выборе кредитных услуг, предоставляемых различными кредитными организациями.

Задачи исследования. Для достижения поставленной цели автором исследования обозначены следующие задачи: сделать литературный обзор наиболее цитируемых работ в области формирования потребительских предпочтений молодого поколения для формирования теоретической рамки исследования; разработать специализированную анкету-опросник, нацеленную на выявление ключевых потребительских предпочтений среди молодых людей, обучающихся в вузах; провести социологическое исследование с последующей обработкой полученных результатов; сформулировать выводы и рекомендации.

Научная новизна состоит в исследовании процесса формирования потребительских предпочтений студентов, обучающихся в вузах г. Самары, в условиях влияния целого спектра различных факторов.

Методология и методы исследования. В качестве ключевых инструментов для проведения исследования выбраны такие как теоретический (анализ научного пласта работ в области исследований формирования потребительских предпочтений среди студентов), социологический (разработка специализированной анкеты-опросника с последующей организацией и проведением анонимного опроса), статистический (обработка полученных

результатов, их оценка и интерпретация в целях формирования выводов и рекомендаций).

Автором разработана анкета-опросник на базе «Гугл-формы». Ссылка на анкетирование распространялась дистанционно, через социальные сети. Анкетирование было добровольным и анонимным. Анкета состояла из двух групп вопросов: личностных и основных. Личностные вопросы направлены на идентификацию портрета анкетируемого, основные вопросы – на получение первичных данных для анализа предмета исследования. Совокупная выборка участников исследования составила 231 человек. Выборка формировалась методом случайного выбора из числа обучающихся в разных вузах г. Самары.

Разработанность темы исследования.

Работ, посвящённых исследованиям студенческих предпочтений в той или иной сфере, достаточно много, причем они фигурируют как в отечественной социологической науке, так и в зарубежной [17–20]. Среди учёных, исследовавших факторы, влияющие на формирование студенческих потребительских предпочтений, есть такие авторы, как S.V. Dukhnovsky [2], R.M. Zulkifli, M.A. Husssain, B. W.A. Rahman, Sh.S. Duisenbayeva [7].

Среди зарубежных исследователей авторы Qi. Yao, Ch. Hu, J. Du исследовали формирование потребительских предпочтений к приобретению различного рода люксовых брендов и роль в данном выборе фактора престижа бренда [10]. В данной области имеются работы таких авторов, как F. Rahimnia, N.H. Arian, исследующих вопросы брендовых покупок среди иранских потребителей [8]. Вопросы роли ценности люксового бренда изучены в работе K. Petravičiūtė, B. Šeinauskienė, A. Rūtelionė, K. Krukowski [6].

Авторы V. Yakın, H. Güven, S. David и другие исследователи рассматривали влияние на формирование потребительских предпочтений когнитивного диссонанса [9]. Целью их исследования стало изучение взаимосвязи между когнитивным диссонансом и факторами лояльности к бренду, а также их влияния на поведение потребителей по жалобам с точки зрения различий между турецкими и румынскими потребителями.

Роль лояльности в потребительском выборе покупателей исследовали L. Catic, M. Poturak [1], которые рассматривали различие в факторах лояльности к бренду в зависимости от социально-демографических характеристик (возраста, образования, уровня дохода) потребителей кондитерских изделий,

а также связи между факторами лояльности к бренду и лояльностью к бренду потребителей кондитерских изделий в Сербии.

Похожее исследование на материалах испанских потребителей опубликовано в работе E. Delgado-Ballester, J.L. Munuera-Aleman [3]. Влияние бренда на предпочтения туркменских потребителей проанализированы в работе A. Isik, M.F. Yasar [4].

Некоторые аспекты роли лидеров мнений в формировании потребительских предпочтений исследованы в трудах S.V. Kurovsky, D.A. Mishin, N.M. Ermakova [5]. В статье поднимается вопрос о том, как характеристики лидера мнений могут повлиять на поведение потребителей в контексте российского рынка парфюмерии и косметики.

Отечественные учёные также активно занимаются вопросами формирования потребительских предпочтений, в том числе среди студенческой молодёжи [16]. Например, общие аспекты потребительского поведения студенческой молодёжи в условиях глобализации и цифровизации рассмотрены в трудах А.Л. Кузевановой и О.С. Тупиковой [14].

А.П. Волков рассматривает формирование потребительских предпочтений студентов на рынке пищевой продукции [12]. Главным фактором при этом он называет количество располагаемых финансовых средств у обучающихся вузов и сузов.

А.А. Клинина в своих работах исследует формирование потребительских предпочтений студентов в выборе одежды [13]. Основным фактором при этом она называет стремление повысить свой социальный статус за счёт дорогой одежды.

Предпочтения студентов в выборе карьерной траектории изучены в трудах Л.В. Темновой, А.А. Киричек [15], которые рассматривают потребительские предпочтения молодых людей в выборе направления освоения той или иной профессиональной сферы. Главным выводом в работе стало утверждение о том, что молодые люди склонны выбирать себе будущую профессию исходя из своих внутренних побуждений, а также под влиянием авторитетов, в основном из числа родителей и родственников.

Анализируя широкий спектр различных научных публикаций, исследующих определённые аспекты формирования потребительских предпочтений у студентов, можно выделить ряд наиболее значимых из них, оказывающих наибольшее влияние на мотивы, которыми руководствуются студенты при выборе покупки, в том числе и в сфере

кредитной продукции. Основные факторы отражены на рис. 2, который составлен на основе анализа работ различных учёных, исследовавших вопрос формирования потребительских предпочтений у студенческой молодёжи. Приведены четыре основных блока факторов, способных влиять на формирование потребительских предпочтений

у студентов. Отметим, что каждый из выделенных блоков, такие как финансовые ограничения и ориентированность на экономию, высокая технологическая грамотность и онлайн-ориентация, стремление к самовыражению и социальной активности, потребность в удобстве и быстроте, включает ещё и другие факторы.

Рис. 2. Факторы, влияющие на особенности потребительских предпочтений у студентов / **Fig. 2.** Factors influencing the characteristics of consumer preferences among students

Блок финансовых ограничений и ориентированность студентов на экономию включают такие факторы, как ограниченность финансовых ресурсов у студентов ввиду зависимости от родителей или других покровителей, стремление приобретать необходимые продукты и услуги по скидкам и акциям, большое внимание к ценам на искомые продукт и услуги, стремление приобрести альтернативные товары по более низким ценам.

Блок факторов стремления к самовыражению и социальной активности включает такие факторы, как модные тенденции, интерес к новым технологиям, активный образ жизни.

Блок потребности в удобстве и быстроте включает такие факторы, как использование цифровых приложений, ускоряющих процес-

сы получения блага, стремление к обладанию скоростным доступом в интернет.

Блок факторов, касающийся высокой технологической грамотности и ориентированности на онлайн-взаимодействие, включает такие факторы, как активное использование социальных сетей, приверженность активному использованию мобильных приложений.

Результаты исследования. Подавляющее большинство участников исследования являлись девушками (67,5 %), в то время как остальная доля – юношами (32,5 %).

Возрастной диапазон участников исследования выглядит следующим образом: около половины общей выборки (44,6 %) составляют участники 17, 18 лет; чуть более трети респондентов – 19, 20 лет; чуть более

13 % опрошенных – 21–24 лет. Наименьшая доля выборки представлена студентами в возрасте 25, 26 лет. Соответственно, большинство участников исследования были в возрасте 17–20 лет, что фактически соответствует возрасту студентов 1–3-х курсов.

Половина опрошенных на период проведения исследования обучались на 1-м курсе вузов г. Самары. Остальная выборка представлена студентами 2–5-х курсов.

Структура участников исследования, распределённая по вузам, отражена на рис. 3.

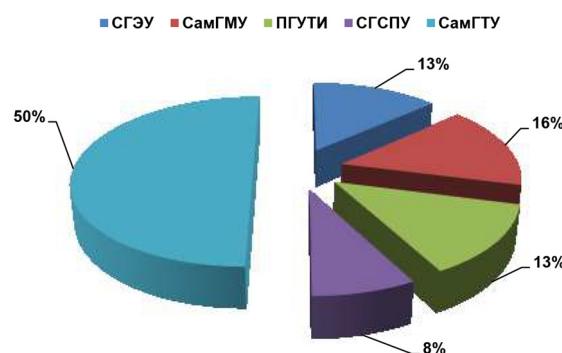

Рис. 3. Распределение участников исследования по вузам / Fig. 3. Distribution of research participants by universities

Чуть более четверти опрошенных (26,8 %) являлись студентами Самарского государственного экономического университета, примерно столько же респондентов (26,4 %) обучались в Поволжском государственном университете телекоммуникаций и информатики. Около трети анкетируемых (31,2 %) на период опроса обучались в Самарском государственном медицинском университете, чуть более 15 % опрошенных – в Самарском государственном социально-педагогическом университете.

Более 58 % респондентов не являлись официально трудоустроеными на момент прохождения анонимного опроса. Около четверти опрошенных (24,4 %) являлись официально трудоустроеными. Неофициально работали 16 % респондентов. Встречались ответы, где студенты указывали, что они работают по гражданско-правовому договору.

Следующий вопрос касался причин возможного обращения за кредитом (рис. 4).

Согласно рис. 4, большинство участников исследования вовсе не планируют обращаться за кредитом в ближайшее время, в то время как другими популярными вариантами ответа стали покупка техники (13 %), оплата жилья (9,1 %) и погашение ипотеки (11,3 %).

Следующий вопрос касался потребительских предпочтений относительно подходящего кредита (рис. 5).

Более половины участников опроса отметили, что они не рассматривают возможность кредитования. Однако из тех студентов, кто все-таки намерен или допускает возможность кредитования в ближайшее время, могут обратиться за такими вариантами кредитования, как потребительский кредит (14,7 %), студенческий кредит (9,8 %), автокредит (89 %) либо просто оформление кредитной карты (11,3 %).

Рис. 4. Ответы на вопрос «Какова у вас может быть основная причина обращения за кредитом?» / Fig. 4. Answers to the question “What might be your main reason for applying for a loan?”

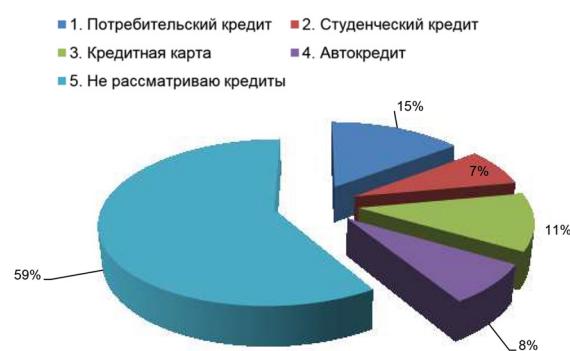

Рис. 5. Ответы на вопрос «Какие у Вас имеются потребительские предпочтения относительно кредита, подходящего для себя?» / Fig. 5. Answers to the question “What are your consumer preferences regarding the type of loan that is right for you?”

Следующий вопрос касался важности факторов, оказывающих влияние при возможном выборе кредитного продукта. Наиболее значимый фактор, который учитывается более чем 54 % опрошенных, – процентная ставка. Далее по степени популярности идёт репутация банка, важность которого отметили 17,8 % респондентов. Условия погашения кредита, как один из важных элементов,

влияющих на выбор кредитного продукта, отмечают 17,4 % опрошенных студентов. Соответственно, важнее всего для молодёжи в вопросах выбора кредита именно процентная ставка.

Следующий вопрос касался субъективной оценки респондентами уровня своей финансовой грамотности. Более 58 % опрошенных относят себя к людям, обладающим средним уровнем финансовой грамотности, в то время как 14,8 % отмечают высокий уровень финансовой грамотности. Низкий уровень финансовой грамотности отмечают 9,1 % респондентов, а очень низкий уровень финансовой грамотности признают чуть более 5 %. Можно сказать, что основная масса опрошенных относят себя к категории со средним уровнем финансовой грамотности.

Следующий вопрос касался источника получения информации о кредитах. Наибольшая доля опрошенных высказались о том, что они не интересуются информацией о кредитах, в то время как 28,3 % студентов отметили, что источником информации о кредитных продуктах для них стал интернет.

Консультации в банках и обсуждения с друзьями выступают источниками для 9,6 и 5,7 % респондентов соответственно. Реклама и средства массовой информации являются источником информации для 18,3 % опрошенных. Из этого следует, что основными источниками информации о кредитных продуктах становятся электронные ресурсы.

Следующий вопрос касался частоты рассмотрения возможности получения кредитных продуктов участниками исследования. Более 43 % участников исследования не задумывались об этом вовсе, в то время как иногда задумываются об этом 11,7 % студентов. Никогда не задумывались о данном вопросе 18,7 % опрошенных.

Следующий вопрос касался опасений, которые могут испытывать участники исследования. У трети опрошенных (33 %) опасение вызывают именно процентные ставки. Долговая нагрузка выступает фактором опасения у 37,4 % опрошенных, непонимание финансовых терминов является фактором опасения для 9,1 % опрошенных. Таким образом, опасений нет всего у 14,8 % опрошенных студентов.

Следующий вопрос касался приемлемых сроков кредитования. У 15,6 % приемлемым является срок менее одного года, у четверти (25,1 %) – 1–3 года, у 8,7 % – 3–5 лет. Основная доля ответивших на поставленный во-

прос не планируют брать кредиты в обозримом будущем.

Следующий вопрос касался возможной суммы кредитования респондентов. Более 58 % опрошенных не планируют кредитоваться. Из тех, кто всё-таки допускает такой вариант развития событий, 16 % предполагают сумму кредитования в размере 50–100 тыс. р., 10 % опрошенных – 100–300 тыс. р., 8 % – более 300 тыс. р.

Соответственно, наиболее часто встречающимся вариантом ответа относительно возможной суммы кредитования стал вариант 50–100 тыс. р.

Следующий вопрос касался отношения респондентов к онлайн-кредитованию. Более половины опрошенных (51,5 %) не интересуются этим, 13 % относятся нейтрально, десятая часть опрошенных (10 %) отрицательно относятся к данному явлению, более 5 % не слышали о таком.

Следующий вопрос касался потребительских предпочтений относительно услуг, которые участники исследования хотели бы получить при возможном оформлении кредита (рис. 6).

- 1. Страхование жизни и здоровья
- 2. Консультации по финансовому планированию
- 3. Программы лояльности и скидки
- 4. Возможность досрочного погашения без штрафов
- 5. Не интересуют дополнительные услуги

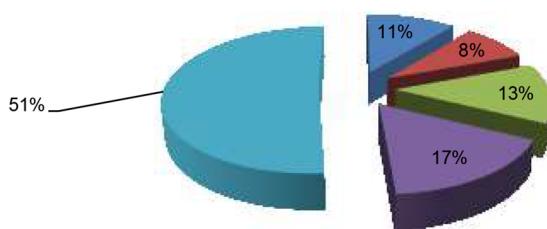

Рис. 6. Ответы на вопрос «Какие у Вас могли быть потребительские предпочтения относительно дополнительных услуг, которые Вы хотели бы получить при оформлении кредита?» / **Fig. 6.** Responses to the question “What consumer preferences might you have regarding additional services that you would like to receive when applying for a loan?”

Как следует из рис. 8, более 50 % анкетируемых не планируют брать кредит. Однако в качестве дополнительных услуг 16,5 % респондентов хотели бы рассмотреть возможность досрочного погашения без штрафов, 13 % готовы рассмотреть возможность участия в программах лояльности и скидок.

Следующий вопрос касался опыта отказов в кредитах у участников исследования. Отказы получали 14,4 % общей выборки

участников исследования. Более 67 % респондентов никогда не оформляли кредит, 16 % опрошенных получали одобрения при обращении за кредитом.

Следующий вопрос касался уровня субъективной оценки уровня конкуренции среди банков на рынке кредитных продуктов и услуг. Анализ показывает, что 21,6 % студентов отмечают высокий уровень конкуренции на кредитном рынке, в то время как четверть опрошенных (25,5 %) высказались за то, что конкуренция средняя, 12,1 % опрошенных сказали, что они не интересуются данным вопросом.

Следующий вопрос касался мнения студентов относительно предпочтений по способам погашения кредитов. Наиболее приемлемым способом погашения кредитов для молодёжи является формат ежемесячных платежей. Погашение самого кредита и его тела по-отдельности является предпочтительным для 8,7 % студентов. Гибкий график платежей – наиболее приемлемый вариант для 9,1 % респондентов. Досрочное погашение кредита предпочтительно для 14,3 % опрошенных участников исследования. Не задумывались над поставленным вопросом 43,3 % анкетируемых.

Следующий вопрос касался отношения студентов к рекламе кредитных продуктов и услуг. Положительно относятся к данному виду продвижения 11,7 % опрошенных, нейтральное отношение отмечено у 25,1 %, отрицательное отношение – у 19 %. Не замечают подобную рекламу около 10 % респондентов. Мнение по данному вопросу отсутствует у 35,9 % участников онлайн-опроса.

Следующий вопрос касался уровня информированности относительно кредитов с государственной поддержкой для студентов. Более 32 % участников слышали и информированы о таких продуктах, в то время как 67,8 % не осведомлены о существовании такой поддержки студентов.

Следующий вопрос касался субъективного мнения студентов, участвовавших в опросе, относительно того, считают ли они необходимым создавать государству специальные программы для студентов в области предоставления кредитных продуктов. По мнению 47,6 % опрошенных студентов, необходимо создавать такие программы, в то время как обратного мнения придерживаются 12,6 % опрошенных. Не имеют мнения на этот счёт 39,4 % респондентов.

Завершающий вопрос исследования касался субъективного мнения участников от-

носительно тех изменений, которые они хотели бы видеть на рынке кредитных продуктов и услуг. Основная доля опрошенных не думали об этом вопросе, в то время как снижение процентных ставок представляет интерес для 28,1 % молодёжи.

Увеличение доступности информации о кредитах интересно около 10 % опрошенных. Разработка специальных программ интересна для 16 % опрошенных.

Выводы. Проведённый социологический анализ потребительских предпочтений студентов на рынке кредитных услуг даёт возможность сформулировать некоторые предложения и рекомендации.

1. Формирование и внедрение специализированных курсов по финансовой грамотности для студентов вузов и ссузов, нацеленных на повышение уровня осведомлённости и привитие навыков по управлению своими финансовыми ресурсами. Речь идёт об учреждениях, где в настоящее время отсутствуют курсы по финансовой грамотности, которые могут проходить в формате лекций, тренингов, вебинаров и т.п. Кроме того, возможна организация информационного обеспечения студентов специализированными буклетами и листовками с основными принципами финансовой грамотности.

2. Разработка специальных кредитных продуктов для студенческого сообщества, где учитывались бы отсутствие у студентов регулярного дохода и определённая степень зависимости от родителей, родственников и случайных заработков. Кроме того, условия получения и обеспечения кредитных продуктов должны давать возможность студентам получать отсрочки по обслуживанию кредита.

3. Стимуляция трудоустройства студентов. Возможность присутствия студентов на рынке кредитных продуктов зависит, прежде всего, от объёмов финансовых средств, зарабатываемых ими. Для повышения шансов на получение кредитования со стороны банков и прочих видов финансовых организаций рекомендуется стимулировать трудоустройство студентов.

4. Субсидирование кредитов, оформляемых студентами для оплаты аренды или покупки жилья. Выявлено, что одним из важных факторов, мотивирующих студентов на использование кредитных продуктов, является необходимость оплаты аренды жилья (в редких случаях – ипотеки). В таком случае целесообразно рассмотреть возможность формирования кредитного продукта, дополнительно

субсидируемого государством в целях поддержки той категории студентов, которые обращаются за кредитами в целях обеспечения себя жильем.

5. Информационная поддержка студентов по вопросам кредитования.

6. Регулярное осуществление социологических опросов и мониторинга потребительских предпочтений среди молодёжи с целью выявления наиболее востребованных в определённый момент видов кредитных услуг у студентов.

7. Разработка образовательных мероприятий, направленных на формирование у студентов ответственного подхода к кредитованию, включая информирование о послед-

ствиях наличия задолженности и важности своевременного погашения кредитов.

8. Разработка и внедрение специализированных тематических онлайн-платформ, направленных на объединение потребителей в лице студентов вузов и ссузов, а также кредитных учреждений. Целями такой платформы могут выступать создание и поддержание диалога между потребителем и продавцом услуг.

Практическая применимость результатов исследования может заключаться в возможности использования результатов социологического опроса для разработки мероприятий региональной программы повышения финансовой грамотности населения Самарской области.

Список литературы

1. Catic L., Poturak M. Influence of brand loyalty on consumer purchase behavior // International Journal of Research in Business and Social Science. 2022. Vol. 11, no. 8. P. 83–91. DOI: 10.20525/ijrbs.v11i8.2024. EDN: IJKTTK
2. Dukhnovsky S. V. Dynamics of career preferences in management students // Psychology in Education. 2022. Vol. 4, no. 2. P. 164–172. DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-2-164-172. EDN: XGSVON
3. Delgado-Ballester E., Jose Luis Munuera-Aleman J.L. Brand trust in the context of consumer loyalty // European Journal of Marketing. 2001. Vol. 35, no. 11–12. P. 1238–1258. DOI: 10.1108/EUM0000000006475. EDN: EBLFWJ
4. Isik A., Yasar M.F. Effects of Brand on Consumer Preferences: A study in Turkmenistan // Eurasian Journal of Business and Economics. 2015. Vol. 8, no. 16. P. 139–150. DOI: 10.17015/ejbe.2015.016.08. EDN: VQEYYP
5. Kurovsky S. V., Mishin D. A., Ermakova N. M. Evaluation of the Opinion Leader Characteristics Influence on Consumer Behavior in Perfumery and Cosmetics Retail // Russian Economic Developments. 2024. Vol. 31, no. 7. P. 31–43. EDN: HCEPGC
6. Petravičiūtė K., Šeinauskienė B., Rūtelionė A., Krukowski K. Linking Luxury Brand Perceived Value, Brand Attachment, and Purchase Intention: The Role of Consumer Vanity // Sustainability. 2021. Vol. 13, no. 12. P. 6912. DOI: 10.3390/su13126912. EDN: PMKMTN
7. Zulkifli R. M., Hussain M. A., Rahman B. W. A., Duisenbayeva Sh. S. Preferences of educators and students in vocational colleges regarding teaching methods // Perspectives of Science and Education. 2022. No. 1. P. 159–170. DOI: 10.32744/pse.2022.1.10. EDN: SCUAMB
8. Rahimnia F., Arian N. H. Luxury consumption and the moderating role of attitude toward counterfeits: The case of an emerging market // Journal of General Management. 2021. Vol. 47, no. 1. P. 41–55. DOI: 10.1177/03063070211013335. EDN: UARZFT
9. Yakin V., Güven H., David S. The Effect of Cognitive Dissonance Theory and Brand Loyalty on Consumer Complaint Behaviors: A Cross-Cultural Study // Sustainability. 2023. Vol. 15, no. 6. P. 4718. DOI: 10.3390/su15064718. EDN: KWQUML
10. Yao Qi., Hu Ch., Du J. Influence of consumption resources on observers' attitudes towards luxury brands: the perspective of power distance belief // The Journal of Product & Brand Management. 2023. Vol. 32, no. 8. P. 1191–1206. DOI: 10.1108/jpbm-03-2022-3920. EDN: DDPPAY
11. Анопченко А.И., Россинская М.В. Потребительские предпочтения и факторы, влияющие на выбор лекарственных средств: анализ клиентского пути // Russian Economic Bulletin. 2024. Т. 7, № 4. С. 283–290. DOI: 10.58224/2658-5286-2024-7-4-283-290. EDN: JENWSZ
12. Волков А.П. Потребительские предпочтения студентов на рынке пищевой продукции // Школа молодых учёных по проблемам гуманитарных наук: материалы областного профильного семинара. Липецк: Липецкий государственный педагогический университет им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С. 57–59. EDN: RUSUTZ
13. Калинина А.А. Исследование потребительских предпочтений студентов города Томска при выборе одежды // Аллея науки. 2017. Т. 1, № 15. С. 374–379. EDN: YMDMMX
14. Кузеванова А.Л., Тупикова О.С. Потребительское поведение российской студенческой молодёжи в условиях глобализации // Бизнес. Образование. Право. 2017. № 3. С. 15–18. EDN: WPWVMB
15. Тадтаева, Н. В. Финансовая грамотность населения России // Экономика и управление: проблемы, решения. 2024. Т. 7, № 12. С. 129–134. DOI: 10.36871/ek.up.r.2024.12.07.016. EDN: BDMUST

16. Темнова Л.В., Киричек А.А. Карьерные траектории выпускников российских вузов естественнонаучного и гуманитарного направлений подготовки // Перспективы науки и образования. 2024. № 2. С. 97–113. DOI: 10.32744/pse.2024.2.6. EDN: DLRYLF
17. Хасаншина, А.А. Финансовая грамотность и её влияние на экономическое поведение домохозяйств // Экономика и управление: научно-практический журнал. 2024. № 4. С. 92–96. DOI: 10.34773/EU.2024.4.15. EDN: BHVBDG
18. Хижная А.В., Назарова А.Н., Назарова Е.Н. Взаимосвязь понятий «финансовая грамотность», «финансовое образование» и «финансовая культура» // Проблемы современного педагогического образования. 2023. № 81-1. С. 260–261. EDN: OPUFMN
19. Хрипко Ю.А. Цифровизация и финансовая грамотность как факторы унификации контрольной функции финансовых домашних хозяйств // Профессорский журнал. Серия «Экономические науки». 2024. № 3. С. 50–56. DOI: 10.18572/3034-2341-2024-3-3-50-56. EDN: FOBVES
20. Якуничева А.Е. Финансовая грамотность и финансовая отчётность как помощники инвесторов при принятии решений // Скиф. Вопросы студенческой науки. 2023. № 4. С. 409–417. EDN: EPMDMN

References

1. Catic L., Poturak M. Influence of brand loyalty on consumer purchase behavior. *International Journal of Research in Business and Social Science*. 2022;11(8):83–91. DOI: 10.20525/ijrbs.v11i8.2024. EDN: IJKTTK
2. Dukhnovsky SV. Dynamics of career preferences in management students. *Psychology in Education*. 2022;4(2):164–172. DOI: 10.33910/2686-9527-2022-4-2-164-172. EDN: XGSVON
3. Delgado-Ballester E, Jose Luis Munuera-Aleman JL. Brand trust in the context of consumer loyalty. *European Journal of Marketing*. 2001;35(11–12):1238–1258. DOI: 10.1108/EUM0000000006475. EDN: EBLFWJ
4. Isik A., Yasar M. F. Effects of Brand on Consumer Preferences: A study in Turkmenistan. *Eurasian Journal of Business and Economics*. 2015;8(16):139–150. DOI 10.17015/ejbe.2015.016.08. EDN: VQEYYP
5. Kurovsky SV, Mishin DA, Ermakova NM. Evaluation of the Opinion Leader Characteristics Influence on Consumer Behavior in Perfumery and Cosmetics Retail. *Russian Economic Developments*. 2024;31(7):31–43. EDN: HCEPGC
6. Petravičiūtė K, Šeinauskienė B, Rūtelionė A, Krukowski K. Linking Luxury Brand Perceived Value, Brand Attachment, and Purchase Intention: The Role of Consumer Vanity. *Sustainability*. 2021;13(12):6912. DOI: 10.3390/su13126912. EDN: PMKMTN
7. Zulkifli R. M., Hussain M. A., Rahman B. W. A., Duisenbayeva Sh. S. Preferences of educators and students in vocational colleges regarding teaching methods. *Perspectives of Science and Education*. 2022;(1):159–170. DOI: 10.32744/pse.2022.1.10. EDN: SCUAMB
8. Rahimnia F, Arian NH. Luxury consumption and the moderating role of attitude toward counterfeits: The case of an emerging market. *Journal of General Management*. 2021;47(1):41–55. DOI: 10.1177/03063070211013335. EDN: UARZFT
9. Yakin V, Güven H, David S. The Effect of Cognitive Dissonance Theory and Brand Loyalty on Consumer Complaint Behaviors: A Cross-Cultural Study. *Sustainability*. 2023;15(6):4718. DOI: 10.3390/su15064718. EDN: KWQUML
10. Yao Qi, Hu Ch, Du J. Influence of consumption resources on observers' attitudes towards luxury brands: the perspective of power distance belief. *The Journal of Product & Brand Management*. 2023;32(8):1191–1206. DOI: 10.1108/jpbm-03-2022-3920. EDN: DDPPAY
11. Anopchenko AI, Rossinskaya MV. Consumer preferences and factors influencing choice of medicines: a client journey analysis. *Russian Economic Bulletin*. 2024;7(4):283–290. DOI: 10.58224/2658-5286-2024-7-4-283-290. EDN: JENWSZ (In Russian).
12. Volkov AP. Consumer preferences of students in the food market. In: School of Young Scientists in the Humanities: Materials of the regional profile seminar. Lipetsk: Lipetskii gosudarstvennyi pedagogicheskii universitet im. PP. Semenova-Tyan-Shanskogo; 2018. P. 57–59. EDN: RUSUTZ (In Russian).
13. Kalinina AA. A study of consumer preferences of Tomsk students when choosing clothes. Alley of Science. 2017;1(15):374–379. EDN: YMDDMMX (In Russian).
14. Kuzevanova AL, Tupikova OS. The consumer behavior of Russian youth in the conditions of globalization. *Business. Education. Right*. 2017;(3):15–18. EDN: WPWVMB (In Russian).
15. Tadtaeva NV. Financial literacy of the Russian population. *Economics and Management: Problems, Solutions*. 2024;7(12):129–134. EDN: BDMUST (In Russian).
16. Temnova LV, Kirichek AA. Career trajectories of graduates of Russian universities of natural sciences and humanities. *Perspectives of Science and Education*. 2024;2(68):97–113. DOI: 10.32744/pse.2024.2.6. EDN: DLRYLF (In Russian).
17. Khasanshina AA. Financial literacy and its impact on economic behavior of households. *Economics and Management: Research and Practice Journal*. 2024;(4):92–96. DOI: 10.34773/EU.2024.4.15. EDN: BHVBDG (In Russian).

18. Khizhnaya AV, Nazarova AN, Nazarova EN. The relationship between the concepts of "financial literacy", "financial education" and "financial culture". *Problems of Modern Teacher Education*. 2024;(4):92–96. EDN: OPUFMH (In Russian).

19. Khrapko YuA. Digitalization and financial literacy as factors of unification of the control function of household finances. *The Professorial Journal. Series: Economic Sciences*. 2024;(3):50–56. DOI: 10.18572/3034-2341-2024-3-3-50-56. EDN: FOBVES (In Russian).

20. Yakunicheva AE. Financial literacy and financial reporting as decision-making assistants to investors. *Sciff. Questions of Students Science*. 2023;(4):409–417. EDN: EPMDMN (In Russian).

Информация об авторе

Измайлов Айрат Маратович, канд. наук, доцент кафедры научных и инновационных технологий в здравоохранении, Самарский государственный медицинский университет, г. Самара, Россия; доцент кафедры цифровой экономики, Поволжский государственный университет телекоммуникаций и информатики, г. Самара, Россия; airick73@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5193-1994>, SPIN-код: 9395-5435, AuthorID: 634963. Область научных интересов: формирование потребительских предпочтений.

Information about the author

Izmailov Airat M., Candidate of Economics, Assistant Professor, Scientific and Innovative Technologies in Healthcare Department, Samara State Medical University, Samara, Russia; Associate Professor, Department of Digital Economy, Volga Region State University of Telecommunications and Informatics, Samara, Russia; airick73@bk.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5193-1994>, SPIN-код: 9395-5435, AuthorID: 634963. Research interests: formation of consumer preferences.

Статья поступила в редакцию 31.07.2025; одобрена после рецензирования 15.09.2025; принята к публикации 26.09.2025.

Received 2025, July 31; approved after review 2025, September 15; accepted for publication 2025, September 26.

Научная статья**УДК 336.7****DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-112-130****Использование финансовой отчётности для оценки деятельности коммерческого банка: управление финансовым результатом (на примере ПАО «Банк ВТБ»)****Владимир Олегович Федорович¹, Татьяна Владимировна Федорович²**¹*Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск, Россия*¹*Сибирская академия финансов и банковского дела, г. Новосибирск, Россия*²*Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, г. Новосибирск, Россия*¹*klania2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5585-2994>*²*tani_vf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2450-0822>*

Актуальность исследования обусловлена поиском современных направлений развития финансового менеджмента, таких как управление капиталом, комплексное управление пассивами и активами, управление ресурсами и финансовыми накоплениями банка. Исследование базируется на анализе финансовой отчётности крупного российского банка – ПАО «Банк ВТБ», что предполагает анализ и оценку банковских операций с позиции доходности, ликвидности и риска. В статье демонстрируется подход, позволяющий дать экономическую оценку и возможность для управления операционными, трансляционными, кредитными, депозитными, процентными и валютными рисками. Объект исследования – процесс формирования финансовых показателей банка. В статье представлены результаты анализа современной методологии и методических подходов управления финансовым результатом на примере ПАО «Банк ВТБ». Приведены результаты анализа финансовой отчётности и расчётных финансовых показателей банка за 2020–2024 гг. Цель исследования – поиск методов и инструментов, способствующих совершенствованию управления финансовым результатом. Поставленная цель обусловила решение задач, связанных с анализом теоретических подходов управления финансовым результатом, исследованием методического инструментария его оценки, формированием аналитического блока исследования для объективного сравнения с конкурентами, разработкой рекомендаций по совершенствованию управления финансовыми активами на базе оценки рисков. Исследование основано на методах индукции, дедукции и общего познания. Для совершенствования управления предусматриваются сравнительный анализ финансово-экономической отчётности банка с показателями других банков, метод экспертизы оценок, факторный анализ, моделирование финансовых показателей и анализ регуляторных требований. Результаты исследования доказали, что при использовании методов логического, статистического, факторного анализа и моделирования можно использовать сценарные подходы как основной инструмент разработки плана организационно-экономических мероприятий по улучшению управления финансовыми результатами банка. Выводы основаны на практических рекомендациях по формированию комплексного инновационного подхода к управлению финансовым результатом, который учитывает специфику банка и современные тенденции развития национальной экономики. В рамках исследования предложены новые методики анализа доходов и расходов, позволяющие более точно идентифицировать прибыльные и убыточные сегменты деятельности банка, что даёт возможность оптимизировать операции и повышает их общую доходность при рациональном управлении денежными потоками.

Ключевые слова: банковский финансовый менеджмент, управление капиталом банка, финансовая отчётность банка, доходность, ликвидность, риск, доходность капитала, показатели банковской прибыльности, оценка и управление риском, совершенная конкуренция

Для цитирования

Федорович В.О., Федорович Т.В. Использование финансовой отчётности для оценки деятельности коммерческого банка: управление финансовым результатом (на примере ПАО «Банк ВТБ») // Вестник Забайкальского государственного университета. 2025. Т. 31, № 3. С. 112–130. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-112-130

© Федорович В. О., Федорович Т.В., 2025

Original article**Use of Financial Statements to Evaluate the Performance of Commercial Bank:
Managing Financial Results (Using the Example of Bank VTB (PJSC))****Vladimir O. Fedorovich¹, Tatyana V. Fedorovich²**¹*Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia*¹*Siberian Academy of Finance and Banking, Novosibirsk, Russia*²*Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering, Novosibirsk, Russia*¹*klania2002@mail.ru <https://orcid.org/0000-0002-5585-2994>*²*tani_vf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2450-0822>*

The relevance of the study is determined by the search for modern trends in the development of financial management: capital management, integrated management of liabilities and assets, management of resources and financial savings of the bank. The study is based on the analysis of the financial statements of a large Russian bank – VTB Bank PJSC, which involves the analysis and evaluation of banking operations in terms of profitability, liquidity and risk. The article demonstrates an approach that allows for an economic assessment and the possibility of managing operational, translation, credit, deposit, interest rate and currency risks. The object of the study is the process of forming the bank's financial indicators. The article presents the results of an analysis of the modern methodology and methodological approaches to financial performance management using VTB Bank PJSC as an example. The results of the analysis of the financial statements and calculated financial indicators of the bank for 2020-2024 are given. The goal is to find methods and tools to help improve the management of financial results. The stated objective necessitated solving problems related to the analysis of theoretical approaches to financial performance management, the study of methodological tools for its assessment, the development of an analytical research block for objective comparison with competitors, and the development of recommendations for improving financial asset management based on risk assessment. The study is based on induction, deduction, and general knowledge methods. To improve management, a comparative analysis of the bank's financial and economic reporting with those of other banks, expert assessments, factor analysis, financial performance modeling, and an analysis of regulatory requirements are included. The study results demonstrate that, when using logical, statistical, factor analysis, and modeling methods, scenario approaches can be used as the primary tool for developing a plan of organizational and economic measures to improve the bank's financial performance management. The conclusions are based on practical recommendations for developing a comprehensive innovative approach to financial performance management that takes into account the specifics of the bank and current trends in the national economic development. The study proposes new methods for analyzing income and expenses, allowing for a more accurate identification of profitable and unprofitable segments of a bank's operations, which makes it possible to optimize operations and increase their overall profitability through rational cash flow management.

Keywords: bank financial management, bank capital management, bank financial reporting, profitability, liquidity, risk, return on capital, bank profitability indicators, risk assessment and management, perfect competition

For citation

Fedorovich V.O., Fedorovich T.V. Using Financial Statements to Evaluate the Performance of a Commercial Bank: Managing Financial Results (Using the Example of Bank VTB (PJSC)) // Transbaikal State University Journal. 2025. Vol. 31, no. 3. P. 112–130. DOI: 10.21209/2227-9245-2025-31-3-112-130

Введение. В современном экономическом окружении банков, характеризующемся высокой конкурентоспособностью и перманентными изменениями в действующем законодательстве, управление финансовыми результатами становится одной из ключевых задач для всех банковских учреждений. Эффективное управление финансовыми результатами в значительной степени определяет не только финансовое состояние банка, но и его экономическую, организационную устойчивость, деловую репутацию и конкурентоспособность на рынке. ПАО «Банк ВТБ» сталкивается с многочисленными вызовами,

связанными с изменениями в экономической среде, требованиями регуляторов и ожиданиями клиентов. Управление финансовыми результатами на основе анализа финансовой отчётности включает анализ и оценку текущих финансовых показателей, разработку стратегий для повышения доходности, а также внедрение инновационных методов и инструментов для улучшения финансового состояния банка.

Среди банков России ПАО «Банк ВТБ» в 2024 г. по данным компании «Медиалогия» занял второе место в медиа-рейтинге, на первом месте – ПАО «Сбербанк». По инфор-

мации журнала *Forbes*, в 2024 г. ПАО «Банк ВТБ» занял второе место в рейтинге финансовой надёжности банков.

Актуальность исследования обусловлена поиском современных направлений развития банковского финансового менеджмента в сегменте его финансового управления, а именно управления капиталом банка, комплексным управлением его пассивами и активами, управлением ресурсами, финансовыми накоплениями. Исследование действующей системы банковского финансового менеджмента базируется на анализе финансовой отчётности крупного российского банка – ПАО «Банк ВТБ», что предполагает анализ и оценку банковских операций с позиции доходности, ликвидности и риска, которые предоставляют объективную возможность определить основные направления реновации активов банка. На примере действующего ПАО «Банк ВТБ» представлены результаты исследования реального финансового состояния и его функционирования в рыночных условиях совершенной конкуренции с трудно прогнозируемыми и трудно управляемыми всевозможными различными рисками. В статье демонстрируется подход, позволяющий дать экономическую оценку и предоставить возможность для управления такими рисками, как операционные, трансляционные, кредитные, депозитные, процентные, валютные и т. п.

Объект исследования – процесс формирования финансовых показателей банка, определение аналитических инструментов для управления его финансовым результатом и рисками.

Предмет исследования – финансовые отношения, возникающие в ходе разработки инновационных направлений новых методических подходов для совершенствования управления финансовым результатом, включая управление ссудами, инвестициями в ценные бумаги и ликвидностью, отношения, которые характеризуются приёмами (финансовыми рычагами) и методами анализа финансового баланса банка для определения чистой прибыли и оценки эффективности его работы.

Цель исследования – поиск методов и инструментов, способствующих совершенствованию управления финансовым результатом в ПАО «Банк ВТБ». В рамках исследования рассмотрены актуальные теоретические аспекты управления финансовыми результатами в банковской сфере, проведён анализ существующих практик

планирования результатов деятельности структурных подразделений банка, а также выявлены проблемы и недостатки в текущей системе управления ими.

Задачи исследования, которые потребовали своего решения для достижения поставленной цели:

- анализ теоретических основ управления финансовым результатом в банковской сфере;
- исследование методического инструментария оценки и анализа финансового результата;
- формирование аналитического блока исследования для сравнительного анализа конкурентов;
- разработка рекомендаций по совершенствованию управления;
- оценка рисков при внедрении усовершенствованной системы управления;
- формирование механизма контроля и мониторинга эффективности.

Методология исследования базируется на изучении и обновлении действующих методологических баз и разработке нового комплексного инновационного подхода к управлению финансовыми результатами, который учитывает масштаб и организационную специфику ПАО «Банк ВТБ», а также современные экономические тенденции, имеющие место в современной мировой банковской практике и национальной экономике Российской Федерации. В рамках исследования предложены новые методологические подходы и методические основы анализа доходов и расходов коммерческого банка, позволяющие более точно идентифицировать прибыльные и убыточные сегменты его деятельности, что даст возможность оптимизировать финансовые операции и повысить общую доходность его финансовой деятельности.

Разработанность темы исследования. Основные теоретические обоснования, включающие семантические и фундаментальные экономические определения, базовые категории, профессиональную терминологию с обоснованием и анализом методов воздействия государства через соответствующую налоговую и инвестиционную политику, направленную на поддержание и активизацию системы функционирования банков в современных экономических условиях развития РФ, представлены в трудах таких учёных-исследователей, как В. В. Ковалев, который понимает «финансовый результат как разницу между доходами организации и её затратами [1]. Н. А. Толкачева характеризует «финансовый результат как

прирост или уменьшение капитала предприятия в процессе осуществления им финансово-хозяйственной деятельности, который выражается в виде прибыли или убытка» [2], О.В. Ефимова придерживается мнения о том, что «финансовый результат является прибылью, но действительным конечным результатом является тот, правом распоряжаться которым обладают собственники. Под таким конечным результатом подразумевается прирост чистых активов банка» [3]. Г.В. Савицкая считает, что «финансовые результаты деятельности предприятия характеризуются суммой полученной прибыли и уровнем рентабельности» [4]. Я.В. Соколов утверждает, что «финансовый результат – это разница между доходами и расходами предприятия или, как трактует мировая практика, прирост/убыль его чистых активов» [5]. Г.С. Панова характеризует финансовый результат как «разность между выручкой и затратами на её получение, что в итоге даёт прибыль или убыток» [6]. Н.П. Кондрakov понимает под финансовым результатом «разницу между выручкой от реализации продукции (работ, услуг) в действующих ценах без НДС и акцизов, экспортных пошлин и других вычетов, согласно действующему законодательству РФ, и затратами на производство продукции. При этом выручка от реализации скорректирована на разницу прочих доходов и расходов»¹. И.А. Лысов рассматривает финансовые результаты как показатель, который отражает совместный результат от производственной и коммерческой деятельности предприятия в виде выручки от реализации, а также конечный результат финансовой деятельности в виде прибыли и чистой прибыли [7].

Остаются нерешёнными и требуют отдельного изучения, обоснования новые аспекты показателя финансового результата деятельности банка, для понимания которых усиливается интеграция цифровых технологий в управление финансами, включая использование базы больших данных, искусственного интеллекта и автоматизации процессов, что способствует повышению эффективности и снижению затрат. Необходима разработка адаптивной кредитной политики, способной приспосабливаться к изменениям в экономической среде, что позволяет минимизировать кредитные риски и повышает качество кредитного портфеля. Результатом является реальный план мероприятий по

улучшению управления финансовыми результатами банка.

Соответственно, исследование представляет собой анализ результативных финансовых показателей банка (финансовых отчётов) и разработку плана мероприятий для их улучшения, что позволит ПАО «Банк ВТБ» укрепить свои позиции на финансовом рынке и повысить долгосрочную устойчивость бизнеса. Финансовый результат отражается в бухгалтерском отчёте о прибылях и убытках, где указываются все доходы и расходы за период, а также чистая прибыль или чистые убытки после вычета всех расходов из доходов. Финансовый результат представляет собой обобщающий показатель, демонстрирующий итоги экономической деятельности предприятия. Он является ключевым индикатором эффективности, который позволяет оценить не только успешность работы организации, но и результативность использования имеющихся ресурсов [8–10]. Отчёт о финансовых результатах является важнейшей формой бухгалтерской отчётности в России и содержит систематизированную информацию о финансовом положении организации за отчётный период, включая данные о доходах и расходах по стандартным видам деятельности. Каждый показатель в отчёте имеет свой уникальный код, что обеспечивает единобразие и сопоставимость данных.

Финансовый результат является основой для принятия стратегических решений, индикатором экономического здоровья предприятия, показателем качества управления, базой для планирования деятельности, критерием оценки эффективности, основой для формирования дивидендной политики, фактором инвестиционной привлекательности, индикатором конкурентоспособности, показателем устойчивости развития и базой для оценки рисков [11–13]. В современных экономических условиях финансовый результат становится более комплексным показателем, учитывающим влияние внешних факторов, требующим применения новых методов анализа, включающим показатели устойчивого развития, экологические и социальные аспекты, цифровизацию процессов учёта, показатели цифровой трансформации, влияние глобализации, применение международных стандартов и показатели инновационного развития.

Особое внимание уделяется промежуточным результирующим показателям, которые позволяют детализировать результаты по отдельным подразделениям, видам деятельности и реализуемым банковским продуктам. В

¹ Кондрakov Н.П. Бухгалтерский (финансовый, управленческий) учёт: учебник. – 3-е изд. – М.: Проспект, 2019. – 717 с.

целях улучшения финансовых результатов коммерческие банки также могут использовать следующие направления совершенствования своей деятельности: расширение номенклатуры предоставляемых услуг и продуктов, стимулирование продуктивной деятельности персонала посредством улучшения системы его мотивации, привлечение новых клиентов за счёт повышения качества обслуживания, расширение сети филиалов, повышение уровня диверсификации (по отраслям и клиентам), развитие партнёрских отношений со стабильными экономическими субъектами, а также повышение гибкости и оперативности реагирования на изменения экономической и политической обстановки в стране.

Таким образом, финансовый результат представляет собой не просто арифметическую разницу между доходами и расходами, а комплексный интегрированный показатель, отражающий эффективность использования ресурсов банка и качество управления его деятельностью. Финансовый результат – важнейший инструмент принятия управленческих решений, позволяющий оценить текущее состояние банка и определить перспективы его развития, который служит основой для стратегического планирования, оценки инвестиционной привлекательности и определения потенциала стратегического экономического роста в условиях постоянно меняющейся экономической и финансовой среды.

Анализ современных методических подходов и инструментов управления финансовым результатом банка. В современных экономических условиях функционирования банка управление финансовым результатом представляет собой комплексную систему организационно-экономических мер, направленных на максимизацию прибыли при оптимальном уровне риска. Финансовый результат является ключевым индикатором эффективности деятельности банка, отражающим итоги его организационной, коммерческой и финансово-экономической деятельности [14; 15]. Для оценки эффективности управления финансовым результатом используются приведённые далее ключевые показатели.

1. Рентабельность продаж (R_{prod}):

$$R_{prod} = (P/V) \times 100 \%, \quad (1)$$

где P – прибыль от продаж / profit from sales;

V – выручка от продаж / sales revenue.

2. Рентабельность продаж (R_a):

$$R_a = (P/A) \times 100 \%, \quad (2)$$

где A – средняя стоимость активов / average asset value.

3. Экономическая рентабельность (ER):

$$ER = (NP/CAP) \times 100 \%, \quad (3)$$

где NP – чистая прибыль / net profit;

CAP – капитал организации / capital of the organization.

4. Рентабельность собственного капитала (ROE):

$$ROE = (NP/E) \times 100 \%, \quad (4)$$

где E – собственный капитал / equity capital.

Процесс управления финансовым результатом включает следующие этапы: планирование целевых показателей, разработку организационно-экономических мероприятий по достижению целей, организацию системы контроля, мониторинг и анализ отклонений, корректировку управленческих решений. При внедрении системы управления финансовым результатом необходимо учитывать следующие факторы: масштаб деятельности банка, организационную специфику банковской группы (филиалы и представительства), сложность организационной структуры соподчинения структурных звеньев, доступность ресурсов, уровень квалификации персонала, информационное обеспечение. Эффективность внедрения инструментов финансового менеджмента оценивается через динамику таких показателей, как темпы роста прибыли, уровень рентабельности, структура затрат, денежные потоки, показатели ликвидности, показатели финансовой устойчивости. При этом особое значение имеет система внутреннего контроля, которая включает проверку достоверности финансовой отчётности, контроль соблюдения бюджетных ограничений, мониторинг выполнения плановых показателей, анализ отклонений фактических показателей от плановых, выявление причин отклонений, разработку корректирующих мероприятий. Для повышения эффективности управления финансовым результатом рекомендуется внедрять современные информационные системы, развивать систему управленческого учёта, совершенствовать механизмы контроля, повышать квалификацию персонала, оптимизировать бизнес-процессы, развивать систему мотивации персонала.

Управление доходами осуществляется на двух основных уровнях: высшем (управление банком в целом) и микроуровне (управление отдельными направлениями деятельности, продуктами и рабочими местами). Эффективное управление финансовым результатом требует комплексного подхода, включающего как традиционные методы анализа и пла-

нирования, так и современные инструменты банковского финансового менеджмента. Эффективность системы управления финансовым результатом определяется способностью организации достигать поставленных целей при оптимальном использовании имеющихся ресурсов и минимизации рисков [16–18]. Выбор конкретных методов и инструментов управления финансовым результатом должен осуществляться с учётом специфики деятельности банка, его размера, отраслевой принадлежности и стадии жизненного цикла. При этом важно обеспечить баланс между различными методами и инструментами, чтобы создать эффективную систему управления, способную адаптироваться к изменяющимся условиям внешней и внутренней среды.

Анализ оперативного управления финансовым результатом и оценка системы их

учёта и анализа. Организационно-правовая структура ПАО «Банк ВТБ» включает головной офис, региональные филиалы и представительства как в России, так и за рубежом. ПАО «Банк ВТБ» является публичным акционерным обществом, акции которого торгуются на Московской и Лондонской фондовых биржах. Основной акционер – государство, что обеспечивает стабильность и поддержку со стороны государства¹. На рис. 1 представлена организационная структура ПАО «Банк ВТБ», которая имеет дивизиональную структуру управления с чётким разделением функциональных направлений.

ПАО «Банк ВТБ» постоянно совершенствует свои продукты и услуги, чтобы соответствовать потребностям клиентов и оставаться конкурентоспособным на рынке, активно внедряет инновации, автоматизирует процессы и улучшает качество обслуживания.

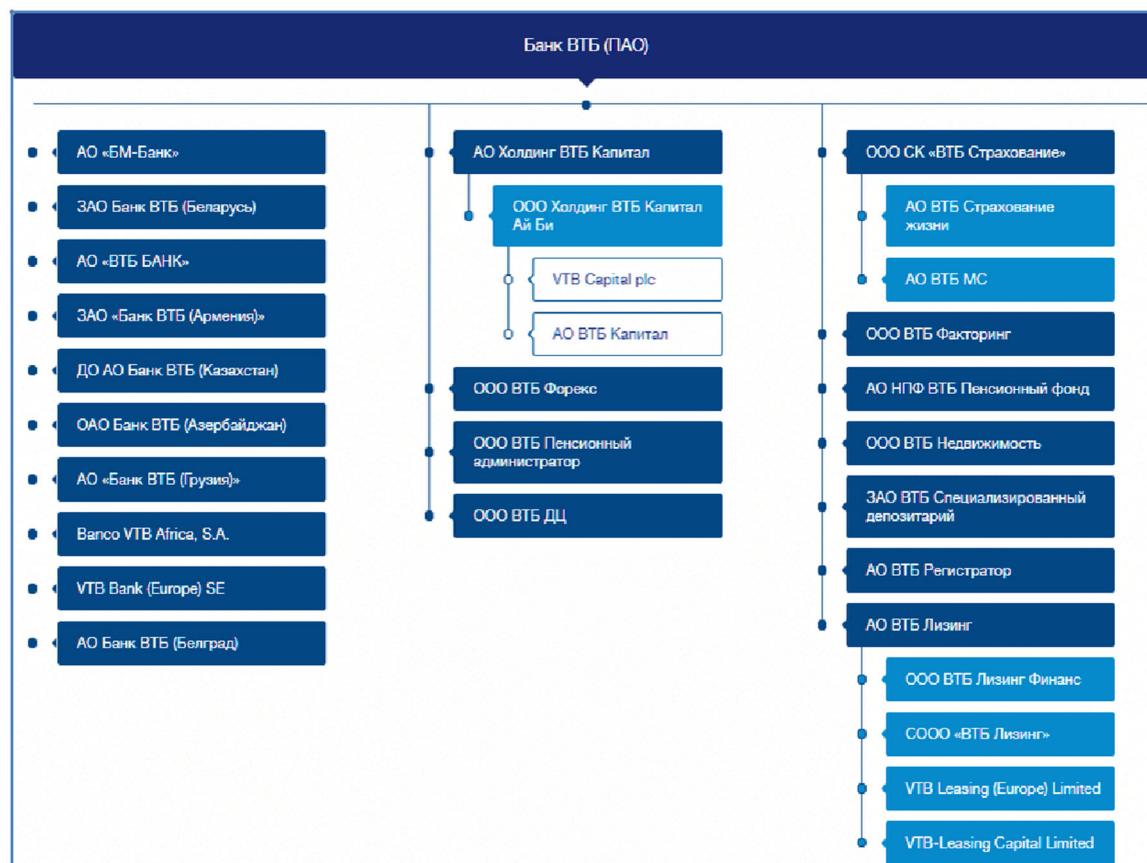

Рис. 1. Организационная структура ПАО «Банк ВТБ» / Fig. 1. Organizational structure of VTB Bank

¹ Самые прибыльные сферы бизнеса в 2020–2021 гг. – URL: https://www.sberbank.ru/ru/s_m_business/pro_business/samye-pribylnye-sfery-biznesa-v-2020-2021-godah (дата обращения: 23.03.2024). – Текст: электронный; Официальная годовая отчётность ПАО «Банк ВТБ» за 2022 г. – URL: <https://www.vtb.ru/media-files/vtb.ru/sitepages/ir/statements/annual> (дата обращения: 01.05.2025). – Текст: электронный; Официальная годовая отчётность ПАО «Банк ВТБ» за 2023–2024 гг. – URL: https://www.vtb.ru/media-files/vtb.ru/sitepages/ir/financial-results/annual-reports/VTB_GO_2023_rus.pdf (дата обращения: 01.05.2025). – Текст: электронный.

Рис. 2. Доля рынка группы ВТБ в России по состоянию на 31 декабря 2023 г. /

Fig. 2. VTB Group market share in Russia as at December 31, 2023

Стабильность банка во многом обусловлена диверсификацией активов и грамотным управлением рисками, что позволяет банку сохранять высокие показатели даже в условиях рыночной волатильности. Важным аспектом является также внедрение современных технологий автоматизированных систем управления, что позволяет банку оптимизировать внутренние процессы и повышать их эффективность. Внедрение таких систем способствует снижению временных затрат на обработку данных и повышению точности финансовых прогнозов.

Прежде всего, отмечается довольно значительное снижение чистой прибыли банка, которое достигло 62,6 % в 2020 г. Такая отрицательная динамика усугубляется тем, что ещё в 2019 г. наблюдалось снижение прибыли на 14,6 %, что свидетельствует о формировании устойчивой негативной тенденции. Серьёзной проблемой является несбалансированность доходов и расходов, где темпы прироста доходов существенно отстают от роста расходов, что создаёт дополнительное давление на финансовый результат и требует пересмотра политики управления затратами. Операционные расходы продолжают увеличиваться, как и расходы на формирование резервов, что негативно сказывается на общей эффективности деятельности банка.

Обязательства ПАО «Банк ВТБ» в миллиардах рублей в 2019–2023 гг. отражены на рис. 3.

В области управления рисками также наблюдаются существенные недостатки. Отрицательная переоценка нефинансовых активов, рост производственных рисков у

корпоративных клиентов и увеличение проблемных задолженностей создают дополнительные угрозы финансовой стабильности, при этом организационные процессы также оставляют желать лучшего: отсутствует единый документ по инвестиционному планированию, наблюдаются несогласованность планов между подразделениями и недостаточная координация между головным офисом и филиалами.

Макроэкономические вызовы, такие как нестабильная экономическая ситуация, геополитический кризис и проблемы с доверием к банковской системе, усугубляются внутренними клиентскими проблемами. Корпоративные клиенты сталкиваются с трудностями при обслуживании кредитов, растёт дебиторская задолженность, снижается активность юридических лиц¹ [19]. Депозитное управление также требует улучшений: отсутствует оптимальная стратегия хранения средств, не согласованы условия депозитов кредитов, недостаточно внимания уделяется привлечению молодого поколения клиентов. Стратегические недостатки проявляются в отсутствии чёткого инвестиционного планирования, недостаточно проработанных показателях формирования инвестиционных ресурсов и слабой оценке перспектив развития. Вместе с тем ПАО «Банк ВТБ» с каждым годом привлекает более значительное количество срочных депозитов (рис. 4).

¹ Об определении системно-значимых кредитных организаций и подходов к их регулированию. Доклад Банка России для общественных консультаций. – М.: Банк России, 2020. 30 с. – URL: http://cbk.ru/Content/Document/File/98619/Consultation_Paper_200123.pdf (дата обращения: 01.05.2025). – Текст: электронный.

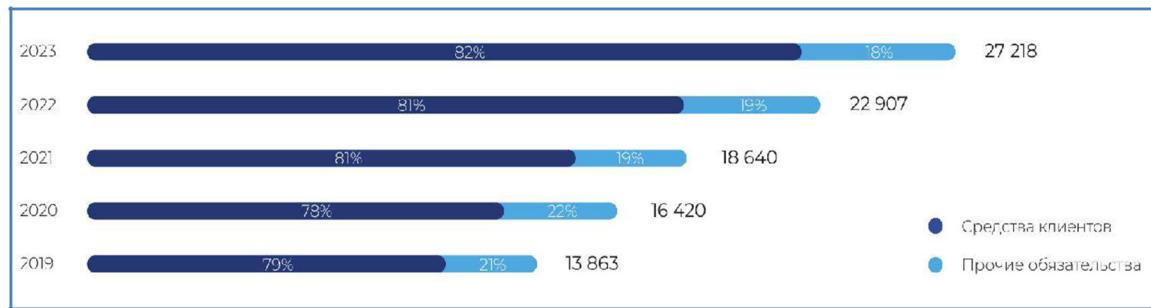

Рис. 3. Обязательства банка, млрд р. / Fig. 3. Bank liabilities, billion rubles

Рис. 4. Средства клиентов физических лиц группы ПАО «Банк ВТБ», млрд р. / Fig. 4. Funds of individual clients of the VTB Bank PJSC group, billion rubles

Операционные сложности выражаются в росте прочих операционных расходов, увеличении убытков по обязательствам и проблемах с курсовыми разницами. Всё это приводит к несбалансированности пассивов и оборотных средств, что снижает общую финансовую устойчивость банка. Последствия указанных проблем многогранны: снижается общая эффективность деятельности банка, ухудшаются финансовые показатели, повышается рискованность операций, теряется конкурентное преимущество, снижается доверие клиентов.

Несмотря на значительные внешние вызовы, включая санкционное давление и экономические колебания, банк сумел не только сохранить свои позиции на рынке, но и значительно улучшить ключевые финансовые показатели. За последние годы ПАО «Банк ВТБ» достиг впечатляющих результатов в управлении финансовыми потоками: чистая прибыль в 2023 г. составила 432,3 млрд р., что на 32 % превышает показатель 2021 г. Особенно примечательно восстановление рентабельности капитала (ROE) до уровня 22,9 % в 2024 г. после существенного падения в 2022 г. ПАО «Банк ВТБ» демонстрирует устойчивую рыночную позицию, занимая второе место по объёму активов в России с долей 18 % на банковском рынке. Эффективное управле-

ние финансовым результатом обеспечивается комплексным подходом к оптимизации бизнес-процессов. ПАО «Банк ВТБ» продуктивно управляет процентной маржой, что подтверждается ростом чистого процентного дохода на 18 % по сравнению с 2021 г. Особое внимание уделяется качеству активов и системе управления рисками, что подтверждается нормативом достаточности капитала Н20 на уровне 9,1 %. ПАО «Банк ВТБ» демонстрирует высокую эффективность в работе с клиентской базой, насчитывающей более 24,5 млн активных розничных клиентов и эффективно диверсифицирует источники дохода, развивает цифровые сервисы и оптимизирует операционные процессы. Важными факторами успеха являются также государственная поддержка и профессиональное управление, обеспечивающее соответствие международным стандартам.

Совершенствование управления финансовым результатом: оптимизация методики учёта доходов и расходов. Оптимизация методики учёта доходов и расходов должна быть направлена на повышение эффективности банковского финансового менеджмента и улучшение качества принимаемых управлеченческих решений. В современных условиях, когда банк сталкивается с

необходимостью адаптации к новым экономическим реалиям и санкционным ограничениям, совершенствование системы учёта становится критически важным фактором его успешного развития. Первоочередным направлением оптимизации является внедрение современных цифровых технологий в процесс учёта, что предполагает автоматизацию рутинных операций, использование искусственного интеллекта для анализа больших данных и машинного обучения для прогнозирования финансовых и денежных потоков. Такой подход позволит существенно сократить время обработки информации и минимизировать вероятность ошибок [20–22]. Менеджерам банка необходимо регулярно дорабатывать свои приложения по юридическим лицам «Бизнес-платформа ВТБ» и физическим лицам «ВТБ Онлайн», т.к. для многих это один из ключевых положений при выборе банка. В настоящее время в приложениях постоянно происходят сбои или не работают необходимые иконки. Для улучшения работы необходимы:

- 1) модернизация технической базы – обновление серверного оборудования и программного обеспечения для повышения стабильности работы;
- 2) усиление команды разработчиков – привлечение дополнительных специалистов для оперативного устранения ошибок и внедрения новых функций;

3) улучшение пользовательского интерфейса – пересмотр навигации, добавление подсказок и упрощение процесса выполнения типовых операций;

4) внедрение системы мониторинга – создание инструментов для отслеживания сбоев в режиме реального времени;

5) регулярное тестирование – проведение нагрузочных тестов и тестирование новых функций перед их запуском.

Продемонстрируем основные статьи доходов и расходов банка ВТБ:

- процентные доходы: 761,4 млрд р. (2023 г.);
- комиссионные доходы: 250 млрд р. (2023 г.);
- административно-хозяйственные расходы: 180 млрд р. (2023 г.);
- расходы на персонал: 150 млрд р. (2023 г.).

Основные статьи доходов и расходов ПАО «Банк ВТБ» за 2023 г. представлены на рис. 5.

Основные статьи доходов и расходов в процентном соотношении:

- процентные доходы: 45 %;
- комиссионные доходы: 15 %;
- административно-хозяйственные расходы: 10 %;
- расходы на персонал: 9 %;
- прочие статьи: 21 %.

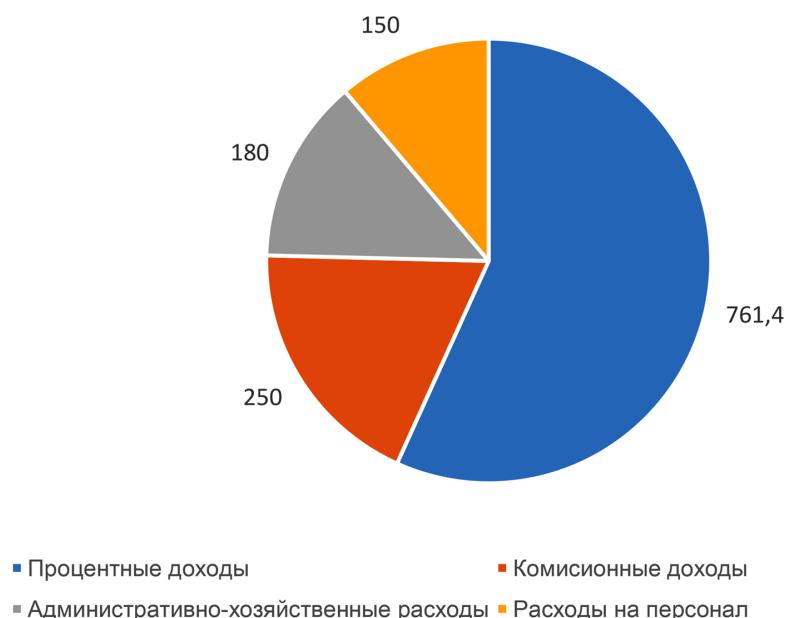

Рис. 5. Основные статьи доходов и расходов ПАО «Банк ВТБ» за 2023 г., млрд р. / Fig. 5. Main items of income and expenses of PJSC VTB Bank for 2023, billion rubles

Для внедрения детализированной градации финансовых потоков в банке необходимо создать единую классификацию справочников по всем направлениям деятельности. Важно автоматизировать процессы обогащения данных и внедрить многоуровневую систему учёта по типам операций, подразделениям, категориям клиентов и временными периодами. При внедрении оптимизации будут достигнуты:

- снижение административно-хозяйственных расходов на 10,2 % (18 млрд р.);
- сокращение расходов на персонал на 5–10 % (7,5–15 млрд р.);
- увеличение комиссионных доходов на 50 % (125 млрд р.).

Разница до и после внедрения оптимизации в финансы ПАО «Банк ВТБ» представлена на рис. 6.

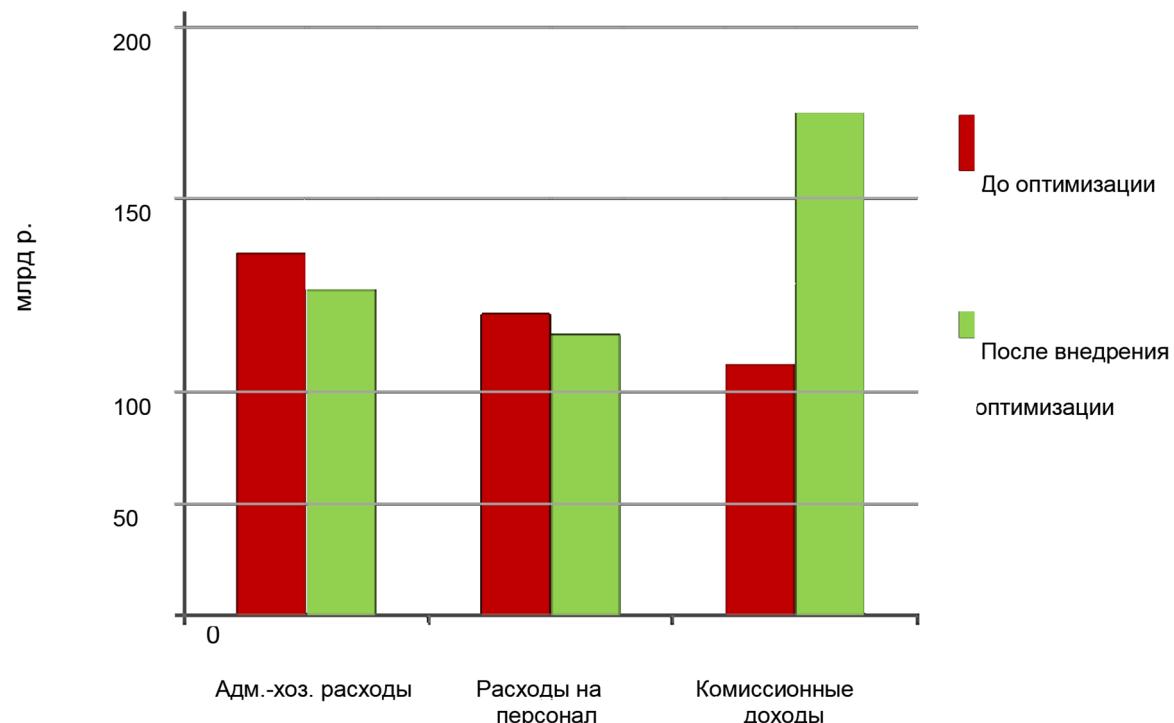

Рис. 6. Основные статьи доходов и расходов ПАО «Банк ВТБ» за 2023 г., млрд р. /
Fig. 6. Main items of income and expenses of PJSC VTB Bank for 2023, billion rubles

Сравнение текущих расходов и оптимизированных:

- текущие расходы на персонал: 150 млрд р.;
- оптимизированные расходы на персонал: 135–142,5 млрд р.;
- текущие административно-хозяйственные расходы: 180 млрд р.;
- оптимизированные административно-хозяйственные расходы: 162 млрд р.

Особое внимание следует уделить интеграции системы учёта с другими информационными системами банка. Создание единой цифровой платформы, объединяющей учёт доходов и расходов с системами управления рисками, анализа клиентской базы и планирования, обеспечит более полное представление о финансовом состоянии банка и повысит качество принимаемых решений.

Оптимизация методики должна включать совершенствование системы внутреннего контроля [23]. Необходимо внедрить дополнительные механизмы проверки данных, усилить роль службы внутреннего аудита и создать систему раннего предупреждения о возможных отклонениях в финансовых показателях, что повысит надёжность учёта и обеспечит своевременное выявление потенциальных проблем.

Текущий уровень контроля: 75 %.
Планируемый уровень контроля: 90 %.
Сроки достижения: 12 мес.

Важным элементом оптимизации является развитие системы управленческой отчётности. Следует внедрить более гибкие инструменты формирования отчётов, позволяющие получать необходимую информацию в режиме реального времени, что даст

возможность руководству банка оперативно реагировать на изменения рыночной ситуации и принимать своевременные управленические решения [24–26]. Для внедрения гибких инструментов формирования отчётов в ПАО «Банк ВТБ» необходимо создать систему с трёхзвенной архитектурой на базе современных аналитических платформ, что повысит заинтересованность сотрудников в качественном выполнении своих обязанностей, а именно:

- точность учёта: 95 % → 99 %;
- своевременность отчётности: 90 % → 98 %;
- точность прогнозирования: 85 % → 95 %.

Значимым аспектом является обеспечение соответствия методики учёта международным стандартам финансовой отчётности, что потребует внедрения дополнительных процедур контроля качества данных, совершенствования системы внутреннего документооборота и повышения квалификации персонала. Прогнозируемый эффект от оптимизации:

- рост прибыли: 40 % (173 млрд р.);
- увеличение эффективности продаж: 15–20 %;
- сокращение операционных расходов: 15–20 млрд р.;
- повышение производительности труда: 20–25 %.

Оптимизация методики учёта доходов и расходов должна быть комплексной и учитывать все особенности деятельности банка. Только такой подход позволит достичь желаемого результата и обеспечить эффективное управление финансовыми потоками в условиях постоянно меняющейся рыночной среды. При реализации всех предложенных мер ожидаются:

- общий рост эффективности: 35–40 %;
- снижение издержек: 15–20 %;
- увеличение комиссионных доходов: 50 %;
- повышение качества учёта: 25–30 %.

Показатели по совершенствованию управления финансовым результатом ПАО «Банк ВТБ» приведены в табл. 1.

Таблица 1 / Table 1

**Совершенствование управления финансовым результатом ПАО «Банк ВТБ»* /
Improving the financial performance management of VTB Bank PJSC***

<i>Показатель / Indicator</i>	<i>Текущее значение на 2023 г. / Current value for 2023</i>	<i>Целевое значение на 2024 г. / Target value for 2024</i>	<i>План действий для выполнения / Action plan for implementation</i>	<i>Ответ- ственный / Responsible</i>	<i>Срок выполнения/ Completion date</i>
Чистая прибыль / Net profit	432,2 млрд р. / billion rubles	650 млрд р. /billion rubles	Оптимизация операционных расходов, увеличение доходов от кредитования / Optimization of operating expenses, increase in income from lending	Финансовый Директор / Financial Director	12 мес./months
Рентабельность активов (ROA) / Return on Assets (ROA)	1,5 %	2,0 %	Повышение эффективно- сти использования активов, снижение просроченной за- долженности/ Increasing the efficiency of asset use, reducing overdue debt	Главный бухгалтер / Chief Accountant	18 мес./months
Рентабельность капитала (ROE) / Return on Equity (ROE)	10 %	12 %	Увеличение доходности инве- стиций, оптимизация структу- ры капитала / Increasing the return on investment, optimizing the capital structure	Инвестицион- ный менеджер / Investment manager	24 мес./months
Коэффициент достаточности капитала / Capital adequacy ratio	12 %	15 %	Увеличение собственного капитала, снижение рисковых активов / Increase in equity, decrease in risky assets	Риск-менед- жер / Risk manager	12 мес./months
Просроченная задолженность / Overdue debt	5 %	3 %	Улучшение системы оценки кредитоспособности, внедре- ние программ реструктури- зации долгов / Improving the creditworthiness assessment system, implementing debt restructuring programs	Кредитный Аналитик / Credit Analyst	12 мес./months

*Источник. Составлено и рассчитано авторами.

Таким образом, совершенствование управления финансовым результатом ПАО «Банк ВТБ» требует комплексного подхода, включающего использование современных технологий, оптимизацию процессов, развитие персонала и улучшение клиентского сервиса. Данные меры помогут банку не только повысить свою прибыльность, но и укрепить позиции на рынке, обеспечивая устойчивое развитие в долгосрочной перспективе.

Применение метода «по мере готовности» для учёта выручки и затрат в ПАО «Банк ВТБ» представляет собой важный элемент системы финансового учёта, позволяющий более точно отражать результаты деятельности банка. Данный метод особенно актуален для долгосрочных финансовых операций и проектов, где результат достигается постепенно в течение определённого периода времени. Метод «по мере готовности» предполагает признание выручки и затрат пропорционально выполненной работе или достигнутому результату в определённый момент времени. В контексте деятельности банка это означает, что доходы и расходы признаются не в момент завершения операции, а по мере выполнения отдельных этапов. На практике данный метод можно применить при реализации крупных инвестиционных проектов, ипотечного кредитования и обслуживания корпоративных клиентов. Например, при выдаче долгосрочных кредитов банк учитывает процентные доходы по мере их начисления, что позволяет более точно отражать финансовое положение и результаты деятельности. Преимущества использования метода «по мере готовности» в банковской деятельности очевидны. Во-первых, он обеспечивает более точное соответствие доходов и расходов в отчётом периоде. Во-вторых, позволяет избежать резких колебаний финансовых показателей при выполнении долгосрочных операций. В-третьих, способствует более эффективному управлению денежными потоками и прогнозированию будущих результатов. При внедрении данного метода необходимо разработать специальную систему контроля и оценки степени готовности проектов, которая включает регулярный мониторинг выполнения работ, оценку достигнутых результатов и корректировку плановых показателей, что позволит банку своевременно реагировать на изменения в ходе реализации проектов и принимать необходимые управленческие решения. В практике ПАО «Банк ВТБ» данный метод может применяться в следующих случаях:

- долгосрочные кредитные операции (срок – 3–5 лет);
- инвестиционные проекты (срок реализации – 2–4 года);
- проектное финансирование (срок – до 7 лет);
- услуги доверительного управления (средний срок – 3–5 лет);
- структурные финансовые продукты (срок – 1–3 года).

Преимущества использования метода «по мере готовности» для ВТБ:

- 1) более точное отражение финансового результата в каждом отчётом периоде;
- 2) соответствие фактического денежного потока признаваемым доходам и расходам;
- 3) снижение риска возникновения значительных колебаний финансового результата;
- 4) повышение качества финансовой отчётности;
- 5) соответствие международным стандартам финансовой отчётности.

Пример 1. Расчёт на основе реальных данных.

Банк ПАО «Банк ВТБ» предоставил кредит в размере 100 млн р. на 5 лет под 10 % годовых.

При методе «по мере готовности»:

$$\begin{aligned}
 & \text{– годовая выручка: } 100\ 000\ 000 \times 10\% = \\
 & = 10\ 000\ 000 \text{ р.;} \\
 & \text{– ежемесячная выручка: } 10\ 000\ 000 / 12 = \\
 & = 833\ 333 \text{ р.;} \\
 & \text{– за 5 лет общая выручка: } 10\ 000\ 000 \times 5 = \\
 & = 50\ 000\ 000 \text{ р.}
 \end{aligned}$$

Пример 2. Проектное финансирование.

ПАО «Банк ВТБ» финансирует строительство торгового центра на сумму 500 млн р. Срок строительства – 2 года.

Распределение затрат по этапам: подготовительный этап (3 мес.) – 10 % от суммы; строительство фундамента (6 мес.) – 30 %; возведение стен и перекрытий (9 мес.) – 40 %; отделка и благоустройство (6 мес.) – 20 %. При методе «по мере готовности»:

$$\begin{aligned}
 & \text{– за 1-й квартал: } 500\ 000\ 000 \times 10\% = \\
 & = 50\ 000\ 000 \text{ р.;} \\
 & \text{– за 2–4-й кварталы: } 500\ 000\ 000 \times 30\% = \\
 & = 150\ 000\ 000 \text{ р.;} \\
 & \text{– за 5–8-й кварталы: } 500\ 000\ 000 \times 40\% = \\
 & = 200\ 000\ 000 \text{ р.;} \\
 & \text{– за 9–10-й кварталы: } 500\ 000\ 000 \times 20\% = \\
 & = 100\ 000\ 000 \text{ р.}
 \end{aligned}$$

При применении данного метода в учёте доходов банк признаёт процентные доходы по мере начисления процентов за фактически прошёлший период, а не в момент погашения кредита, что позволяет избежать резких

колебаний финансового результата при выдаче крупных кредитов или их погашении.

В части учёта затрат метод «по мере готовности» позволяет распределять расходы на обслуживание долгосрочных проектов пропорционально выполненным работам. Например, при проектном финансировании затраты на сопровождение проекта признаются в течение всего периода его реализации.

Применение данного метода требует от банка:

- разработки чётких критериев определения степени готовности;
- создания системы мониторинга выполнения работ;
- внедрения специальных учётных процедур;
- повышения квалификации персонала;
- модернизации информационных систем.

В результате внедрения метода «по мере готовности» ПАО «Банк ВТБ» получает возможность:

- более точно прогнозировать финансовые результаты;
- улучшить качество управленческой отчётности;
- повысить прозрачность финансовой отчётности;
- обеспечить сопоставимость показателей в динамике;
- улучшить контроль над финансовыми потоками.

При использовании данного метода важно обеспечить:

- адекватную оценку степени готовности;
- своевременность признания доходов и расходов;
- достоверность учётных данных;
- соответствие учётной политики фактическим условиям деятельности.

Применение метода «по мере готовности» позволяет создать более надёжную сис-

тему учёта, обеспечивающую достоверное представление финансового положения банка и результатов его деятельности.

В основе факторного анализа лежит декомпозиция совокупного финансового результата на составляющие компоненты, каждый из которых подвергается детальному изучению. Основными направлениями анализа являются процентные и непроцентные доходы и расходы, структура активов пассивов, эффективность использования ресурсов, качество кредитного портфеля и рыночные показатели деятельности банка. Процентные доходы банка формируются преимущественно от кредитования корпоративных клиентов и частных лиц. За последний отчётный период объём процентных доходов составил 850 млрд р., показав рост на 12 % по сравнению с предыдущим годом. Ключевыми факторами роста стали увеличение объёма кредитного портфеля на 15 % и повышение средней процентной ставки на 0,5 п.п. Детализированный кредитный портфель ПАО «Банк ВТБ» представлен на рис. 7.

Непроцентные доходы, включающие комиссионные поступления, доходы от валютных операций и торговли ценными бумагами, достигли 250 млрд р. Основной прирост обеспечили комиссионные доходы от обслуживания корпоративных клиентов и операций с платёжными картами. Процентные расходы, связанные с привлечением средств физических и юридических лиц, составили 450 млрд р. Снижение стоимости привлечённых ресурсов на 0,3 п.п. позволило оптимизировать расходы на обслуживание обязательств. Операционные расходы банка достигли 320 млрд р., при этом эффективность операционных затрат (*cost/income ratio*) составила 38 %, что свидетельствует о высоком качестве управления расходами. Основными драйверами оптимизации стали цифровизация процессов и оптимизация филиальной сети [27].

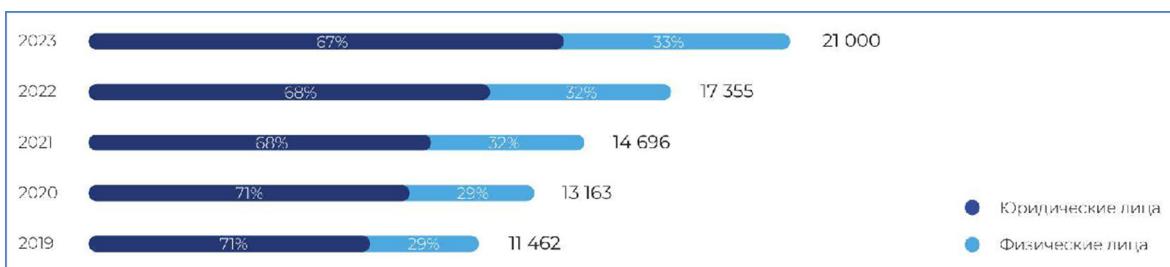

Рис. 7. Кредитный портфель, млрд р. / Fig.7. Credit portfolio, billion rubles

Анализ структуры доходов показывает, что процентные доходы формируют 77 % совокупной выручки банка, что характерно для классического коммерческого банка. Непроцентные доходы составляют 23 %, демонстрируя потенциал для дальнейшего развития. Качество кредитного портфеля оценивается по уровню просроченной задолженности, который составляет 4,5 % общего объёма кредитов. Резервы под обесценение кредитов сформированы в размере 120 млрд р., что обеспечивает достаточный уровень покрытия потенциальных потерь. Рыночные показатели деятельности демонстрируют устойчивый рост: чистая процентная маржа составляет 4,2 %, рентабельность активов (ROA) – 1,8 %, рентабельность собственного капитала (ROE) – 12 %.

Для повышения эффективности управления рекомендуется [28]:

- развивать комиссионный бизнес и повышать долю непроцентных доходов;
- внедрять автоматизированные системы управления рисками;
- усиливать контроль над операционными расходами;
- развивать цифровые каналы обслуживания клиентов;
- оптимизировать структуру привлечённых средств;
- повышать качество кредитного портфеля.

По результатам факторного анализа определены ключевые резервы повышения эффективности:

- рост процентных доходов на 15 % за счёт оптимизации процентной маржи;
- увеличение непроцентных доходов на 25 % через развитие новых направлений бизнеса;

- снижение операционных расходов на 10 % за счёт цифровизации процессов;
- повышение качества кредитного портфеля.

Реализация предложенных мероприятий позволит повысить рентабельность активов до 2,1 %, а рентабельность капитала – до 14 %, что соответствует лучшим показателям банковского сектора.

Более детальный анализ можно провести по формуле Дюпона [29; 30]. Формула Дюпона позволяет разложить рентабельность собственного капитала (ROE) на составляющие компоненты, что помогает более детально оценить эффективность управления финансовыми результатами в ПАО «Банк ВТБ». Формула Дюпона представляет собой разложение ROE на три основных фактора: рентабельность продаж (ROS), оборачиваемость активов (TATO) и финансовый рычаг (FL).

Формула Дюпона выглядит следующим образом:

$$ROE = ROS \times TATO \times FL. \quad (5)$$

Исходные расчётные данные по факторному анализу представлены в табл. 2. Анализ рентабельности собственного капитала (ROE) ПАО «Банк ВТБ» за 2021–2024 гг. показывает нестабильную динамику показателя. В 2021 г. ROE составил 2,37 %, что указывает на относительно невысокую, но положительную отдачу на вложенный собственниками капитал. В 2022 г. произошло значительное снижение рентабельности до отрицательного значения (-4,07 %), что свидетельствует об убыточной деятельности банка в этот период и потере части собственного капитала.

Таблица 2 / Table 2

Факторный анализ ПАО «Банк ВТБ»*/ Factor analysis of PJSC VTB Bank*

Показатель/ Indicator	Годы анализируемого периода			
	2021	2022	2023	2024
Чистая прибыль, млрд р./Net profit, billion rubles	327,4	-667,5	432,2	551,4
Выручка, млрд р. / Revenue, billion rubles	830	1000	1100	1170
Средняя стоимость активов, млрд р. /Average value of assets, billion rubles	20 858	24 378	26 700	29 000
Средняя стоимость собственного капитала, млрд р. /Average cost of equity, billion rubles	137 66	16 333	18 156	19 720
Рентабельность продаж (ROS) /Return on Sales	39,4 %	-66,7 %	39,3 %	47,1 %
Оборачиваемость активов (TATO)/ Asset turnover ratio	3,97 %	4,09 %	4,12 %	4,03 %
Финансовый рычаг (FL) /Financial leverage	151,5 %	149,2 %	147,1 %	147 %
Рентабельность собственного капитала (ROE)/ Return on Equity	2,37 %	-4,07 %	2,38 %	2,79 %

*Источник. Рассчитано авторами.

Однако уже в 2023 г. ПАО «Банк ВТБ» смог вернуться к положительной рентабельности на уровне 2,38 %, что говорит о восстановлении финансовой стабильности и способности генерировать прибыль для акционеров. В 2024 г. наблюдается дальнейший рост ROE до 2,79 %, что свидетельствует о постепенном улучшении эффективности использования собственного капитала и повышении инвестиционной привлекательности банка. На рис. 8 наглядно представлена динамика.

Комплексная реализация предложенных мер позволит банку повысить эффективность управления финансовым результатом на 30 %, укрепить свои позиции на рынке и обеспечить устойчивый рост в долгосрочной перспективе. При этом важно учитывать необходимость постоянного мониторинга и адаптации стратегии управления финансовым результатом к изменяющимся рыночным условиям и требованиям регулятора.

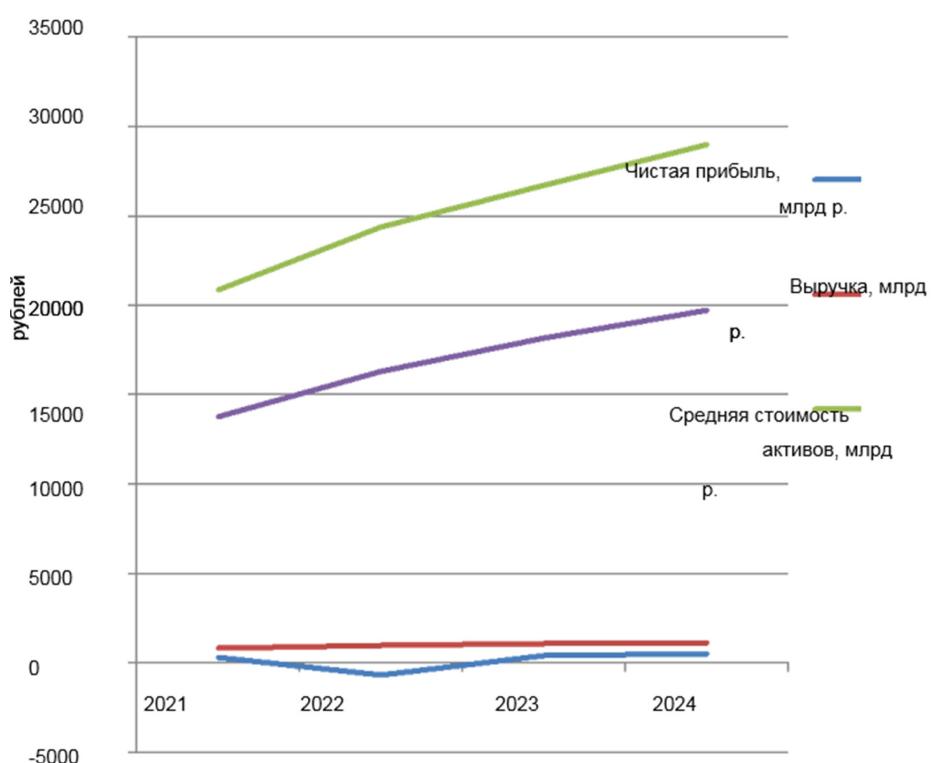

Рис. 8. Динамика ключевых показателей / Fig. 8. Dynamics of key indicators

Выводы и рекомендации. Проведённый анализ текущего состояния банка показал, что, несмотря на устойчивые позиции на рынке и положительные финансовые показатели (чистая прибыль – 432,2 млрд р. за 2023 г., ROA – 1,8 %, ROE – 12 %), существует значительный потенциал для повышения эффективности управления финансовым результатом. Исследование структуры доходов банка выявило диспропорцию между процентными (77 %) и непроцентными (23 %) доходами, что требует развития комиссионного бизнеса и диверсификации источников прибыли. Анализ операционных расходов показал возможность оптимизации *cost/income ratio* с текущих 38 % до целевого показателя 35 % через автоматизацию процессов и опти-

мизацию затрат на персонал. Особое внимание уделено качеству кредитного портфеля, где выявлена необходимость снижения уровня просроченной задолженности с 5 до 3 % и оптимизации резервов под обесценение кредитов. Исследование процентной маржи определило потенциал для её повышения с 4,2 до 4,5 % путём оптимизации структуры привлеченных средств. Разработаны комплексные меры по совершенствованию управления финансовым результатом, включающие развитие цифровых технологий, модернизацию системы мотивации персонала, создание единой платформы риск-менеджмента, оптимизацию структуры капитала и повышение его достаточности до норматива не менее 12,5 %.

Оптимизация структуры активов и пассивов банка позволит увеличить доходность на 8 % и снизить затраты на 6 %. Внедрение системы регулярного мониторинга финансовых результатов обеспечит оперативную реакцию на изменения рыночной конъюнктуры и повысит адаптивность банка на 12 %.

Для успешной реализации предложенных мер необходимо использовать метод «по мере готовности», который предполагает поэтапное внедрение изменений с учётом готовности инфраструктуры, наличия необходимых ресурсов, квалификации персонала и текущей рыночной ситуации. Контроль эффективности внедряемых изменений будет осуществляться с помощью формулы Дюпона, позволяющей разложить рентабельность собственного капитала на составляющие: прибыльность, оборачиваемость и финансовый рычаг. Решены задачи, поставленные в ходе исследования и подведены результаты реализации предложенных мер: рост чистой прибыли на 25 % (до 500 млрд р.), повышение ROA до 2,1 %, увеличение ROE до 14 %, снижение операционных расходов на 12 %. Дополнительными эффектами станут увеличение рыночной стоимости банка на 25 %, повышение удовлетворённости клиентов на 18 %, сокращение времени обработки операций на 40 %, рост производительности труда на 25 %.

Реализация предложенных мероприятий потребует инвестиций порядка 45 млрд р. в течение двух лет при сроке окупаемости 18 мес. Комплексный подход к совершенствованию управления финансовым результатом позволит банку повысить эффективность на 30 %, укрепить рыночные позиции и обеспечить устойчивый рост в долгосрочной перспективе. Исследование подтвердило, что успешная реализация предложенных мер возможна при условии постоянного мониторинга и адаптации стратегии управления финансовым результатом к изменяющимся рыночным условиям и требованиям регулятора. Особое значение имеют трансформация бизнес-процессов, развитие кадрового потенциала и модернизация технологической инфраструктуры.

Таким образом, проведённое исследование позволило разработать научно-обоснованную программу совершенствования управления финансовым результатом банка. Её реализация обеспечит повышение конкурентоспособности банка, укрепит доверие клиентов и партнёров, а также создаст объективную основу для дальнейшего развития и расширения его присутствия на финансовом рынке. Предложенные меры носят универсальный характер и могут быть адаптированы для применения в других крупных банках с учётом их специфики и текущего состояния.

Список литературы

1. Kovalev V.V., Kovalev V.V. Accounting in modern economics: influence of neoclassical tradition // Proceedings of the Third International Economic Symposium (IES 2018). Saint Petersburg, 2019. P. 286–296. DOI: 10.2991/ies-18.2019.33. EDN: HOWYFB
2. Толкачева Н.А. Адаптация методологии финансовой диагностики к целям оценки финансового потенциала экономического роста компаний // Финансы, деньги, инвестиции. 2023. № 2. С. 16–21. DOI: 10.36992/2222-0917_2023_2_16. EDN: GUPAYX
3. Булыга Р.П., Сафонова И.В., Ефимова О.В., Рожнова О.В. Учётно-контрольные инструменты создания устойчивой ценности в условиях инклюзивной экономики: монография. М.: КноРус, 2024. 208 с. EDN: NMHCTI
4. Савицкая Г.В. Актуализация существующих подходов к определению продолжительности операционного и финансового циклов // Экономический анализ: теория и практика. 2018. Т. 17, № 8. С. 1564–1583. DOI: 10.24891/ea.17.8.1564. EDN: UWOPRQ
5. Соколов Я.В., Соколов В.Я. Как нам перейти на МСФО // Финансы и бизнес. 2011. № 4. С. 207–213. EDN: OUNLUV
6. Панова Г.С. Адаптационный потенциал банков в глобальной экономике // Банковские услуги. 2023. № 9. С. 2–13. DOI: 10.36992/2075-1915_2023_09_2. EDN: PPIRBI
7. Лысов И.А. Понятие, сущность и значение финансовых результатов предприятия // Вестник НГИЭИ. 2021. № 3 (46). С. 25–31.
8. Бернштайн Л.А. Анализ финансовой отчётности: теория, практика и интерпретация. М.: Финансы и статистика, 2003. 694 с.
9. Буевич С.Ю. Методологические аспекты функционирования проектного офиса в коммерческом банке // Экономика и предпринимательство. 2018. № 2. С. 1307–1311. EDN: YUJQLZ
10. Быков А.П., Гончарова М.В. Управление глобализацией российской банковской системы как условие экономического роста и финансового суверенитета страны // Экономический анализ: теория и практика. 2008. № 7. С. 20–27. EDN: HNHDPD

11. Быковская Е.В. Анализ финансовых результатов деятельности банка // Аудитор. 2013. № 4. С. 2–4.
12. Герасимова Е.Б. Стандартизация анализа кредитоспособности клиента банка // Экономические науки. 2024. № 238. С. 63–67. DOI: 10.14451/1.238.63. EDN: MGBAQD
13. Горюнова В.В. Влияние Базеля III на российский банковский сектор и его регулирование // Актуальные проблемы и перспективы развития экономики: российский и зарубежный опыт. 2019. № 3. С. 114–117. EDN: KYKCST
14. Елизарова Э.Д. Анализ финансовых результатов банка (на примере ПАО «Московский кредитный банк») // Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. Т. 11, № 12А. С. 383–389. DOI: 10.34670/AR.2021.91.68.030. EDN: QCABEX
15. Полюшко Ю.Н., Каримов Б.Р. Анализ эффективности формирования финансового результата банка (на примере ПАО ВТБ) // Экономика и бизнес: теория и практика. 2021. № 1-2. С. 59–62. DOI: 10.24411/2411-0450-2021-1067. EDN: FRMNAU
16. Губина О.В., Матвеева М.А. Сравнительная характеристика современных методов и моделей прогнозирования банкротства организации // Научные записки Орел ГИЭТ. 2011. № 1. С. 71–77. EDN: PCLPID
17. Еремина О.И., Тимакова Л.С. Анализ финансового результата деятельности коммерческого банка // Контентус. 2022. № 10. С. 34–42. DOI: 10.24411/2658-6932-2022-10000. EDN: KZERPQ
18. Рощупкина Е.М., Сафонова И.В. Правовые и методические аспекты формирования информации о финансовых рисках в отчётности // Бухгалтерский учёт, анализ и аудит: история, современность и перспективы развития: сб. ст. XIX Междунар. науч. конф. СПб., 2024. С. 180–186. EDN: KEPFUU
19. Роуз Питер С. Банковский менеджмент. М.: Дело Лтд, 1995. 768 с.
20. Федорович В.О. Стратегическое и оперативное финансирование деятельности корпорации: особенности выбора источников // Дайджест-финансы. 2013. № 3. С. 39–49. EDN: PXABGJ
21. Федорович В.О., Федорович Т.В. Корпоративная ценность бизнеса: асимметричность информации при расчёте экономической добавленной стоимости // Финансовая аналитика: проблемы и решения. 2019. Т. 12, № 2 (348). С. 183–203. DOI: 10.24891/fa.12.2.183. EDN: PQZUAR
22. Фетисов Г.Г. Устойчивость коммерческого банка и рейтинговые системы её оценки. М.: Финансы и статистика, 2014. 188 с.
23. Еремина О.И., Кулагина О.В. Развитие цифровых технологий в сфере банковского обслуживания физических лиц // Контентус. 2020. № 12. С. 31–36. DOI: 10.24411/2658-6932-2020-10116. EDN: TNBLGJ
24. Черкасов В.Е. Банковские операции: финансовый анализ. М.: Консалтбанкир, 2014. 288 с.
25. Щербакова Г.Н. Анализ и оценка банковской деятельности на основе отчетности, составленной по российским и международным стандартам. М.: Вершина, 2014. 464 с.
26. Федорович В.О., Федорович Т.В., Конципко Н.В. Анализ рынка ипотечного кредитования в сибирском регионе // Глобальная трансформация национальных рыночных систем в ходе формирования экономики знаний: материалы междунар. науч.-практ. конф.: в 2 ч. Хабаровск, 2013. Ч. 2. С. 202–208. EDN: VLSEBJ
27. Tarkhanova E.A. Innovations and sustainability in the financial and banking sectors // Terra Economicus. 2018. Т. 16, № 2. С. 75–82. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-2-75-8. EDN: XUCNKX
28. Тогузова И.З., Саакян Е.М. Оценка рисков финансовой деятельности ПАО «ВТБ» на основе анализа его финансового состояния // Вестник экономической безопасности. 2019. № 4. С. 335–339. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10268. EDN: OVGML
29. Fedorovich T.V. Improvement of methodology for the analysis of construction indicators // IOP Conference Series: Materials Science and Engineering: XIII International Scientific Conference Architecture and Construction 2020. Novosibirsk, 2020. P. 012046. DOI: 10.1088/1757-899X/953/1/012046. EDN: SYLXDK
30. Fedorovich V.O., Fedorovich T.V. Corporate business value: Asymmetric information in calculating economic value added // Financial Analytics: Science and Experience. 2019. No. 2. P. 183–203. DOI: 10.24891/fa.12.2.183

References

1. Kovalev VV, Kovalev VV. Accounting in modern economics: influence of neoclassical tradition. In: Proceedings of the Third International Economic Symposium (IES 2018). Saint Petersburg; 2019. P. 286–296. DOI: 10.2991/ies-18.2019.33. EDN: HOWYFB
2. Tolkacheva NA. Adaptation of financial diagnostics methodology for the purpose of assessing financial potential of a company's economic growth. *Finances, Money, Investments*. 2023;(2):16-21. DOI: 10.36992/2222-0917_2023_2_16. EDN: GUPAYX (In Russian).
3. Bulyga RP, Safonova IV, Efimova OV, Rozhnova OV. Accounting and control tools for creating sustainable value in an inclusive economy. Moscow: KnORus; 2024. 208 p. EDN: NMHCTI (In Russian).

4. Savitskaya GV. Current approaches to calculating the operating and financial cycle duration: an update. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2018;17(8):1564–1583. DOI: 10.24891/ea.17.8.1564. EDN: UWOPRQ (In Russian).
5. Sokolov YaV, Sokolov VYa. How can we switch to IFRS. *Finance and Business*. 2011;(4):207–213. EDN: OUNLUV (In Russian).
6. Panova GS. Adaptive potential of banks in the global economy. *Banking Services*. 2023;(9):2–13. DOI: 10.36992/2075-1915_2023_09_2. EDN: PPIRBI (In Russian).
7. Lysov IA. Concept, essence and significance of the financial results of the enterprise. *Bulletin of NGIEI*. 2021;(3):25–31. (In Russian).
8. Bernstein LA. Financial Statement Analysis: Theory, Practice, and Interpretation. Moscow: Finansy i statistika; 2003; 694 p. (In Russian).
9. Buevich SYu. Methodological aspects of project management office at commercial bank. *Economy and Entrepreneurship*. 2018;(2):1307–1311. EDN: YUJQLZ (In Russian).
10. Bykov AP, Goncharova MV. Managing the Globalization of the Russian Banking System as a Condition for Economic Growth and the Country's Financial Sovereignty. *Economic Analysis: Theory and Practice*. 2008;(7):20–27. EDN: HNHDPD (In Russian).
11. Bykovskaya EV. Analysis of Financial Results of Bank Activities. *Auditor*. 2013;(4):2–4. (In Russian).
12. Gerasimova EB. Standardization of the analysis of the bank's client's creditworthiness. *Economic Sciences*. 2024;(238):63–67. DOI: 10.14451/1.238.63. EDN: MGBAQD (In Russian).
13. Goryunova VV. The impact of Basel III on the Russian banking sector and its regulation. *Actual Problems and Prospects of Economic Development: Russian and Foreign Experience*. 2019;(3):114–117. EDN: KYKCCT (In Russian).
14. Elizarova ED. Analysis of bank financial results (the example of PJSC "Moscow credit bank"). *Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2021;11(12A):383–389. DOI: 10.34670/AR.2021.91.68.030. EDN: QCABEX (In Russian).
15. Polyushko YuN, Karimov BR. Analysis of the efficiency of formation of the bank's financial results (on the example of PJSC VTB). *Economy and Business: Theory and Practice*. 2021;(1-2):59–62. DOI: 10.24411/2411-0450-2021-1067. EDN: FRMNAU (In Russian).
16. Gubina OV, Matveeva MA. Comparative characteristics of modern methods and models for predicting corporate bankruptcy. *Scientific Notes of the Orel State Institute of Electronic Technology*. 2011;(1):71–77. EDN: PCLPID (In Russian).
17. Eremina OI, Timakova LS. Analysis of the financial result of commercial bank activity. *Contentus*. 2022;(10):34–42. DOI: 10.24411/2658-6932-2022-10000. EDN: KZERPQ (In Russian).
18. Roshchupkina EM, Safonova IV. Legal and methodological aspects of the formation of information on financial risks in the financial statements. In: Accounting, analysis and audit: history, modernity and development prospects. Collection of materials of the XIX international scientific conference. St. Petersburg; 2024. P. 180–186. (In Russian).
19. Rouz Piter S. Banking management. Moscow: Delo Ltd; 1995. 768 p. (In Russian).
20. Fedorovich VO. Strategic and operational financing of corporation activities: features of the choice of sources. *Digest Finance*. 2013;(3):39–49. EDN: PXABGJ (In Russian).
21. Fedorovich VO, Fedorovich TV. Corporate business value: asymmetric information in calculating economic value added. *Financial Analytics: Science and Experience*. 2019;12(2):183–203. DOI: 10.24891/fa.12.2.183. EDN: PQZUAR (In Russian).
22. Fetisov GG. Commercial Bank Stability and Rating Systems for Its Assessment. Moscow: Finansy i statistika; 2014. 188 p. (In Russian).
23. Eremina OI, Kulagina OV. Development of digital technologies in the sphere of banking services for individuals. *Contentus*. 2020;(12):31–36. DOI: 10.24411/2658-6932-2020-10116. EDN: TNBLGJ (In Russian).
24. Cherkasov VE. Banking Operations: Financial Analysis. Moscow: Konsaltbankir; 2014. 288 p. (In Russian).
25. Shcherbakova GN. Analysis and Assessment of Banking Activities Based on Reporting Compiled in Accordance with Russian and International Standards. Moscow: Vershina; 2014. 464 p. (In Russian).
26. Fedorovich VO, Fedorovich TV, Kontsipko NV. Analysis of the mortgage lending market in the Siberian region. In: Global transformation of national market systems during the formation of the knowledge economy. Proceedings of the international scientific and practical conference: in 2 parts. Khabarovsk; 2013. Part 2. P. 202–208. EDN: VLSEBJ (In Russian).
27. Tarkhanova EA. Innovations and sustainability in the financial and banking sectors. *Terra Economicus*. 2018;16(2):75–82. DOI: 10.23683/2073-6606-2018-16-2-75-8. EDN: XUCNKX
28. Toguzova IZ, Saakyan EM. Risk assessment of financial activities of PJSC «VTB» based on analysis of its financial condition. *Bulletin of Economic Security*. 2019;(4):335–339. DOI: 10.24411/2414-3995-2019-10268. EDN: OVGMXL (In Russian).
29. Fedorovich TV. Improvement of methodology for the analysis of construction indicators. In: IOP Conference Series: Materials Science and Engineering: XIII International Scientific Conference Architecture and Construction 2020. Novosibirsk; 2020. P. 012046. DOI: 10.1088/1757-899X/953/1/012046. EDN: SYLXDK

30. Fedorovich VO, Fedorovich TV. Corporate business value: Asymmetric information in calculating economic value added. *Financial Analytics: Science and Experience*. 2019;(2):183–203. DOI: 10.24891/fa.12.2.183

Информация об авторах

Федорович Владимир Олегович, д-р экон. наук, профессор, профессор кафедры менеджмента на транспорте, Сибирский государственный университет путей сообщения, г. Новосибирск, Россия; профессор кафедры финансов и кредита, Сибирская академия финансов и банковского дела, г. Новосибирск, Россия; klania2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5585-2994>. Область научных интересов: экономика и финансы крупных индустриальных корпораций.

Федорович Татьяна Владимировна, д-р экон. наук, доцент, профессор кафедры экономики, управления, социологии и педагогики, Новосибирский государственный архитектурно-строительный университет, г. Новосибирск, Россия; tani_vf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2450-0822>. Область научных интересов: финансы, бухгалтерский учёт и отчётность крупных корпоративных образований.

Information about the authors

Vladimir O. Fedorovich, Doctor of Economics, Professor, Professor, Transport Management department, Siberian Transport University, Novosibirsk, Russia; Professor, Finance and Credit department, Siberian Academy of Finance and Banking, Novosibirsk, Russia; klania2002@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-5585-2994>. Research interests: economics and finance of large industrial corporations.

Tatyana V. Fedorovich, Doctor of Economics, Associate Professor, Professor, Economics, Management, Sociology and Pedagogy department, Novosibirsk State University of Architecture and Civil Engineering, Novosibirsk, Russia; tani_vf@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-2450-0822>. Research interests: finance, accounting and reporting of large corporate entities.

Вклад авторов в статью

Федорович Владимир Олегович – анализ методов формирования финансовых результатов банков, исследование динамики активов, расчёты финансовых и экономических показателей для управления ликвидностью и финансовой устойчивостью, исследование финансовой отчётности, разработка методологии исследования, сбор материалов, библиографии, написание текста.

Федорович Татьяна Владимировна – разработка сценарных подходов управления активами банка, анализ финансовых инструментов и работы с формами финансовой отчётности банка для формирования политики управления ликвидностью и резервами, написание текста.

Конфликт интересов. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

The authors' contribution to the article

Fedorovich Vladimir Olegovich – analysis of the methods for forming financial results of banks, study of asset dynamics, calculation of financial and economic indicators for liquidity and financial stability management, study of financial statements, development of the research methodology, collection of materials, bibliographies, writing of the text.

Fedorovich Tatyana Vladimirovna – development of the scenario approaches to bank asset management, analysis of financial instruments and work with bank financial reporting forms to form a liquidity and reserve management policy, writing of the text.

Conflict of Interest. The authors declare no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 01.08.2025; одобрена после рецензирования 19.09.2025; принята к публикации 22.09.2025.

Received 2025, August 01; approved after review 2025, September 19; accepted for publication 2025, September 22.

ЮБИЛЕЙНЫЕ ДАТЫ ANNIVERSARY DATES

90-летний юбилей Юргенсона Георгия Александровича

90th Anniversary of Georgy Aleksandrovich Yurgenson

Георгий Александрович – доктор геолого-минералогических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, почетный гражданин Читинской области (Забайкальского края), заслуженный ветеран СО РАН, полный кавалер почётного знака «Горняцкая слава». Награждён золотым знаком «Горняк России»

Георгий Александрович Юрженсон в 1959 г. окончил геологический факультет Казанского государственного университета им. В.И. Ульянова-Ленина по специальности «Геология и разведка месторождений полезных ископаемых» и получил квалификацию инженера-геолога – разведчика с правом ведения взрывных работ. В июле того же года по распределению приехал в Забайкалье, с которым связал всю свою жизнь: работал в Читинском геологическом управлении (1959–1961 гг.) старшим коллектором, геологом, начальником поискового отряда в геолого-съёмочных партиях, Забайкальском комплексном научно-исследовательском институте СО АН СССР младшим научным сотрудником (1961–1964 гг.), руководителем группы (1964–1965 гг.), заведующим отделом минералогии и петрографии (1965–1967 гг.), заведующим отделом физико-химических и минералогических исследований (1967–1977, 1980–1981 гг.), заведующим лабораторией минералогии и геммологии (1981–1995 гг.). С 1995 г. работал заведующим лабораторией, ведущим, главным научным сотрудником Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН. Одновременно в 1989–2022 гг. являлся профессором кафедр географии и химии Забайкальского государственного университета, в 2020–2024 гг. – заведующим организованной им межведомственной лаборатории минералогии и геохимии ландшафта Института природных ресурсов, экологии и криологии СО РАН и Забайкальского государственного университета. В 1977–1980 гг. работал в Афганистане.

В 1968 г. в Казанском государственном университете им. В.И. Ульянова-Ленина защитил кандидатскую диссертацию, в 1998 г. в Институте геологии и геофизики СО РАН в г. Новосибирске – докторскую. Подготовил 5 кандидатов и двух докторов наук.

Автор и соавтор более 700 научных публикаций, в том числе более 28 монографий, опубликованных в России, Индии, Афганистане, Китае, США, Италии, Чехии, Франции, Венгрии, Монголии. Имеет патент на изобретение. Общее число всех книг, автором и соавтором которых является Георгий Александрович, составляет 51.

(Yurgensonite) $K_2SnTiO_2(AsO_4)_2$

ленинградского отделения Советского и Российского фонда культуры (1987–2005 гг.). Председатель комиссии по гербу г. Читы (1992 г.). Член Совета по истории и культуре г. Читы (с 1996 г.). Актёр народного театра Окружного дома офицеров Забайкальского военного округа (1962–1972 гг.).

Научно-общественная деятельность. Почётный член Российского минералогического общества, один из организаторов его Читинского отделения (с 1968 г.), а с 1971 г. – председатель комиссии этого общества по современному гипергенному минералообразованию. Член Учёного совета Забайкальского отдела Русского географического общества. Действительный член Российской академии естественных наук (2007 г.), Международной академии минеральных ресурсов (2001 г.), Международной академии экологической безопасности (2000 г.), Русского географического общества (1961 г.), Европейского геохимического общества (European Association of Geochemistry) (2013 г.). Член Учёного совета по присуждению степени доктора геолого-минералогических наук Д.003.002.01 при ГИН СО РАН, г. Улан-Удэ. Председатель государственной экзаменационной комиссии ГИН СО РАН, согласно приказам Министерства науки и образования (2022–2024 гг.)

С 2006 г. по настоящее время – организатор Всероссийских симпозиумов с международным участием «Минералогия и геохимия ландшафта горнорудных территорий» и Всероссийских чтений памяти академика А.Е. Ферсмана по таким проблемам, как рациональное природопользование, современное минералообразование.

Награды. Заслуженный деятель науки РФ (2006 г.). Почётный член Российского минералогического общества (2010 г.). Почётный гражданин Читинской области (Забайкальского края) (2001 г.). Награждён медалями СССР (1970, 1985 гг.) и РФ («Патриот России», 2010), медалями «За заслуги в разведке недр» (1984 г.), «За заслуги перед Читинской областью» (2008 г.), медалью им. А.Е. Ферсмана «За заслуги в геологии» (2015 г.). Отличник разведки недр (1974 г.). Почётный разведчик недр РФ (2015 г.). Отличник культурного шефства над вооружёнными силами СССР (1967, 1972 гг.). Заслуженный ветеран СО РАН (2015 г.). Полный кавалер почётного знака «Горняцкая слава» (2019–2020 гг.). Награждён золотым знаком «Горняк России» (2020 г.), почётным знаком СО РАН «Золотая сигма» (2020 г.). Лауреат Всесоюзного (1967 г.) и дипломант Всероссийского (1967 г.) фестивалей искусств. Лауреат конкурса Российского геологического общества и Министерства природы РФ за лучшее издание по истории геологических исследований (2002 г.). Основатель научной школы «Забайкальская минералого-геохимическая школа» (2007 г.). Горной коллегией Высшего совета «Горнопромышленники России» присвоено звание лауреата золотого знака «Горняк России» (2025 г.).

*Л. В. Шумилова, доктор технических наук, доцент,
профессор кафедры инженерной экологии,
Забайкальский государственный университет,
действительный член РАЕН,
председатель Забайкальского регионального отделения РАЕН*

**Перечень требований и условий публикации статей в научном журнале
«Вестник Забайкальского государственного университета»**

Редакция принимает оригинальные, не опубликованные ранее статьи на русском, английском и китайском языках, соответствующие профилю и редакционной политике журнала. Объем статьи не должен превышать 1 а. л. = 40 тыс. знаков (с пробелами и учетом всех сносок), включая иллюстрации (1 иллюстрация форматом 190×270 мм составляет 1/6 авторского листа, или 6,7 тыс. знаков). Редакция журнала осуществляет независимое рецензирование статей. Все поступающие в редакцию материалы проверяются на оригинальность в лицензионной программе «Антиплагиат». Оригинальность текста должна составлять не менее 75 %.

Документы, необходимые для публикации:

- электронный вариант статьи. В имени файла указываются фамилия автора/ов и название статьи;
- электронный вариант заполненного издательского лицензионного договора;
- экспертное заключение о возможности опубликования статьи в открытой печати (сканированная копия).

Структура статьи

Метаданные статьи (заглавие, аннотация, ключевые слова, полные сведения об авторе/ах), сведения о финансировании, благодарности **предоставляются на русском и английском языках, в также языке основного текста статьи**.

Тип статьи.

Шифр и наименование научной специальности.

Индекс УДК.

Полные сведения об авторе/ах:

- имя, отчество, фамилия (полностью). Количество **соавторов** в статье должно быть **не более 5**. Первым указывается основной (ответственный) автор;
- наименование организации (учреждения), где работает или учится автор (без сокращений и обозначений организационноправовой формы юридического лица);
- адрес организации/учреждения, где работает или учится автор (город, страна);
- электронный адрес автора (e-mail);
- открытый идентификатор ученого – ORCID (при наличии);
- ученое звание;
- ученая степень;
- занимаемая должность;
- научные интересы;
- вклад авторов в статью.

Заглавие статьи. Максимальная длина заглавия рукописи составляет 10–12 слов. Заглавие должно быть лаконичным, информативным, содержать основные ключевые слова, характеризующие тему работы, без использования аббревиатур и формул.

Аннотация – 200–250 слов. Аннотация служит самостоятельным источником информации и должна быть понята без ссылок на текст или источники из полной статьи. В аннотацию не допускается включать аббревиатуры, которые раскрываются в полном тексте. Она должна отражать структуру статьи, включая такие разделы, как **актуальность, объект, цель, задачи, методы и материалы, результаты и выводы**.

Ключевые слова или словосочетания (не менее 10) отделяются друг от друга запятой. Ключевые слова должны соответствовать теме статьи и отражать ее предметную, терминологическую область. Не используют обобщенные и многозначные слова, а также словосочетания, содержащие причастные обороты.

Благодарности отдельным лицам и организациям.

Финансирование. Ссылки на источники финансирования: название спонсирующей организации (и при наличии номер проекта (гранта, программы, гос. задания и пр.)), при финансовой поддержке которой выполнялась работа.

Основной текст статьи. Рекомендуемая структура включает следующие разделы: **введение, актуальность, объект, предмет, цель, задачи, обзор литературы, методология и методы исследования, результаты исследования, обсуждение результатов, заключение (выводы)**. Название разделов **выделяется полужирным шрифтом**. Содержание частей рукописидается в соответствии с её жанром (эмпирическая, теоретическая, методологическая или обзорная статья).

Информация о конфликте интересов. В статье следует указать на реальный или потенциальный конфликт интересов. Если конфликта нет, то следует написать, что «автор(ы) заявляет(ют) об отсутствии конфликта интересов».

Список литературы. Статья должна иметь внутритекстовые ссылки на источники цитирования. Ссылки следует оформлять в квадратных скобках с указанием порядкового номера в списке литературы и страницы, несколько источников отделяются друг от друга точкой с запятой, например [7, с. 46], [1; 4]. В одной ссылке (в квадратных скобках) должно быть не более 3 наименований. Библиографическое описание документов оформляется в соответствии с требованиями ГОСТ Р 7.0.5.

Записи нумеруют и располагают в порядке цитирования источников в тексте статьи.

Необходимо правильно оформлять ссылки на источники. Следует указывать фамилии авторов, название журнала, год издания, том (выпуск), номер, страницы, DOI или адрес доступа в сети Интернет. Для монографий, сборников статей обязательно указывать издательство, год издания, страницы.

Список литературы должен содержать только научную литературу и включать не менее 25 источников, в том числе за последние 4 года – не менее 15, иностранных – не менее 10, авторских публикаций – не более 2. При наличии в источнике указываются DOI, EDN.

Учебные, учебно-методические пособия, методические рекомендации, практикумы, энциклопедии, архивные источники, карты, атласы, художественная литература, справочные, словарные и законодательные материалы не входят в список литературы и оформляются в статье в виде подтекстовых сносок.

Необходимо дополнительно повторить русскоязычный список литературы на латинице (References), оформленный согласно Ванкуверскому стилю цитирования (с транслитерацией в формате BSI). Нумерация записей в дополнительном списке должна совпадать с нумерацией записей в основном перечне библиографических ссылок.

Требования к оформлению формул, рисунков, таблиц

Все названия, подписи и структурные элементы рисунков, графиков, схем и таблиц оформляются на русском и английском языках через слэш (/).

Формулы. При использовании формул в тексте статьи рекомендуется применять Microsoft Equation 3. Пояснение значений символов и числовых коэффициентов рекомендуется приводить непосредственно под формулой в той же последовательности, в которой они даны. Формулы следует нумеровать порядковой нумерацией арабскими цифрами в круглых скобках, например, A = a + b, (1). Ссылки в тексте на порядковые номера формул оформляют в скобках, например, ... в формуле (1).

Рисунки, включенные в статью, должны быть четкими и подходящими для цифрового воспроизведения, с разрешением не менее 300 dpi (максимальный размер рисунка с надписью: ширина 145 мм, высота 235 мм). Рисунки следует предоставлять отдельным файлом в одном из следующих форматов: JPEG, GIF, PSD, BMP, TIFF. Изображения должны допускать перемещение в тексте и возможность изменения размеров.

Рисунки следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если рисунок один, он не нумеруется.

Рисунки и графики должны быть оригинальными и не использованными ранее в уже опубликованных работах. При необходимости включить ранее опубликованный иллюстративный материал желательно предоставить письменное согласие его правообладателя и обязательно оформить ссылку на первоисточник.

Графики, схемы и диаграммы необходимо оформлять в MS Word или MS Excel с предоставлением исходного файла.

Объем рисунков не должен превышать ¼ объема статьи.

Таблицы должны иметь тематические и нумерационные заголовки и ссылки на них в тексте.

Тематические заголовки должны отражать их содержание, быть точными, краткими, размещаться над таблицей. Таблицы следует нумеровать арабскими цифрами сквозной нумерацией. Если таблица одна, она не нумеруется.

Техническое оформление статьи

Статья набирается в программе Microsoft Word.

Параметры страницы: формат – А4, ориентация – книжная. Поля: верхнее и нижнее – 2 см, левое и правое – 2,5 см.

Шрифт – Times New Roman, размер – 14 пт, межстрочный интервал – 1,5, отступ первой строки – 1,25 см, выравнивание – по ширине, текст – без переносов. Запрещается использовать двойные пробелы в тексте, а также выполнять отступы (красная строка), используя пробелы.

Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются

Авторы несут полную ответственность за ссылочный аппарат, точность воспроизведения имен, цитат, формул, цифр

**Материалы статьи предоставляются ТОЛЬКО по электронной почте
VestnikZabGU@yandex.ru**

По вопросам публикации статей обращаться к ответственному секретарю
Ирине Владимировне Петровой по тел.: +7(924)385-68-01,
(3022) 41-67-18

**A list of Requirements and Conditions for the Publication of Articles in Scientific Journal
"Transbaikal State University Journal"**

Rules for publishing articles in the journal

The editors accept original, previously unpublished articles in Russian, English and Chinese that correspond to the profile and editorial policy of the journal. The article size should not exceed 1 author's sheet = 40 thousand characters (with spaces and taking into account all footnotes), including illustrations (1 illustration in 190x270 mm format is 1/6 of the author's sheet, or 6.7 thousand characters). The editors of the journal independently review articles. All materials submitted to the editors are checked for originality in the licensed program "Antiplagiat". The originality of the text must be at least 75%.

Documents required for publication:

- electronic version of the article. The file name indicates the last name of the author/s and the title of the article;
- electronic version of the completed publishing license agreement;
- expert opinion on the possibility of publishing the article in the open press (scanned copy).

Article structure

Article metadata (title, abstract, keywords, full details of the author/s), funding information, and acknowledgments are provided in Russian and English, as well as in the language of the main text of the article.

Article type

Code and name of the scientific specialty.

UDC index.

Full details of the author/s:

- first name, middle name, last name (in full). The number of co-authors in the article should not exceed 5. The main (responsible) author is indicated first;
- name of the organization (institution) where the author works or studies (without abbreviations and designations of the organizational and legal form of the legal entity);
- address of the organization/institution where the author works or studies (city, country);
- author's e-mail address (e-mail);
- open scientist identifier – ORCID (if available);
- academic title;
- academic degree;
- position held;
- scientific interests;
- authors' contribution to the article.

Article title. The maximum length of the manuscript title is 10-12 words. The title should be concise, informative, contain the main keywords characterizing the topic of the work, without using abbreviations and formulas.

Abstract – 200–250 words. The abstract serves as an independent source of information and should be understandable without references to the text or sources from the full article. The abstract is not allowed to include abbreviations that are disclosed in the full text. It should reflect the structure of the article, ***including such sections as relevance, object, purpose, objectives, methods and materials, results and conclusions.***

Keywords or phrases (at least 10) are separated from each other by commas. Keywords should correspond to the topic of the article and reflect its subject and terminological area. Generalized and polysemantic words, as well as phrases containing participial phrases, are not used.

Acknowledgments to individuals and organizations.

Funding. References to funding sources: name of the sponsoring organization (and, if available, the project number (grant, program, state assignment, etc.)), with whose financial support the work was carried out.

Main text of the article. The recommended structure includes the following sections: ***introduction, relevance, object, subject, goal, objectives, literature review, methodology and research methods, research results, discussion of results, conclusion (conclusions).*** The titles of the sections are highlighted in bold. The content of the parts of the manuscript is given in accordance with its genre (empirical, theoretical, methodological or review article).

Information on conflicts of interest. The article should indicate a real or potential conflict of interest. If there is no conflict, then it should be written that "the author(s) declare no conflict of interest."

References. The article should have in-text references to citation sources. References should be formatted in square brackets with the ordinal number in the list of references and the page, several sources are separated from each other by a semicolon, for example [7, p. 46], [1; 4]. One reference (in square brackets) should contain no more than 3 titles. Bibliographic description of documents is prepared in accordance with the requirements of GOST R 7.0.5.

Entries are numbered and arranged in the order of citation of sources in the text of the article. It is necessary to correctly format references to sources. It is necessary to indicate the authors' names, journal title, year of publication, volume (issue), number, pages, DOI or Internet access address. For monographs, collections of articles, it is necessary to indicate the publisher, year of publication, pages.

The list of references should contain only scientific literature and include at least 25 sources, including at least 15 for the last 4 years, at least 10 foreign, and no more than 2 author's publications. If available, the source indicates DOI, EDN.

Textbooks, teaching aids, methodological recommendations, workshops, encyclopedias, archival sources, maps, atlases, fiction, reference, dictionary and legislative materials are not included in the list of references and are presented in the article as footnotes.

It is necessary to additionally repeat the Russian-language list of references in Latin (References), formatted according to the Vancouver citation style (with transliteration in BSI format). The numbering of entries in the additional list must match the numbering of entries in the main list of bibliographic references.

Requirements for the design of formulas, figures, tables

All titles, captions and structural elements of figures, graphs, diagrams and tables are formatted in Russian and English using a slash (/).

Formulas. When using formulas in the text of the article, it is recommended to use Microsoft Equation 3. It is recommended to provide an explanation of the meaning of symbols and numerical coefficients directly below the formula in the same sequence in which they are given. Formulas should be numbered ordinally using Arabic numerals in round brackets, for example, $A = a + b$, (1). References in the text to ordinal numbers of formulas are made in brackets, for example, ... in formula (1).

Figures included in the article should be clear and suitable for digital reproduction, with a resolution of at least 300 dpi (maximum size of a figure with a caption: width 145 mm, height 235 mm). Figures should be provided as a separate file in one of the following formats: JPEG, GIF, PSD, BMP, TIFF. Images should be moveable in the text and resizable.

Figures should be numbered continuously using Arabic numerals. If there is only one figure, it is not numbered.

Figures and graphs should be original and not previously used in published works. If it is necessary to include previously published illustrative material, it is advisable to provide written consent from its copyright holder and be sure to provide a link to the original source.

Graphs, charts and diagrams must be formatted in MS Word or MS Excel with the provision of the source file.

The size of the figures should not exceed 1/4 of the article.

Tables must have subject and number headings and links to them in the text. Subject headings should reflect their content, be precise, brief, and placed above the table. Tables should be numbered with Arabic numerals, consecutively. If there is only one table, it is not numbered.

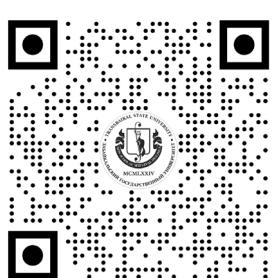
Technical design of the article

The article is typed in Microsoft Word.

Page parameters: format – A4, orientation – portrait. Margins: top and bottom – 2 cm, left and right – 2.5 cm.

Font - Times New Roman, size – 14 pt, line spacing – 1.5, first line indent – 1.25 cm, alignment – by width, text – without hyphenation. It is prohibited to use double spaces in the text, as well as to perform indentations (red line) using spaces.

Materials that do not meet the requirements will not be accepted for consideration

The authors are fully responsible for the reference apparatus, the accuracy of the reproduction of names, quotes, formulas, figures

Article materials are provided ONLY by e-mail VestnikZabGU@yandex.ru

For questions about the publication of articles, please contact the responsible secretary **Irina Vladimirovna Petrova** by phone: +7 (924) 385-68-01, (3022) 41-67-18 .

Научные журналы ЗабГУ

DOI: 10.21209

Включены в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёной степени доктора и кандидата наук

Гуманитарный вектор

ISSN 1996-7853

zab-nauka@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Сайт: <http://zabvektor.com/>

Журнал выходит с 1997 года, в процессе становления менялись название и редакционная политика. Идейно-концептуальное поле журнала ориентировано на рассмотрение ценностных ориентиров современного общества – новых и традиционных, значимых не только для личности и конкретного социума разных регионов, но и для мировой культуры в целом.

Приветствуются исследования междисциплинарного характера о социокультурных практиках разных территорий по следующим научным направлениям: философия, история, филология, востоковедение, медиакоммуникация и журналистика.

Индексация журнала

Учёные записки Забайкальского государственного университета

ISSN 2658-7114

zab-nauka@mail.ru

Выходит 4 раза в год

Сайт: <http://uchzap.com/>

Первый номер журнала «Учёные записки Читинского государственного педагогического института» вышел в 1957 г. Сегодня журнал является научным периодическим изданием по направлению «Образование и педагогические науки». Идейно-концептуальное поле журнала связано с проблемой непрерывного образования как условия конкурентоспособности человека в постиндустриальном мире.

Контент журнала посвящен проблемам непрерывного формального и информального образования, обсуждению отечественных и мировых практик дошкольного, школьного, среднего специального, высшего и дополнительного образования, возможности их апробации, адаптации и реализации в социокультурном и экономическом пространстве государства.

Вестник Забайкальского государственного университета

ISSN 2227-9245

vestnikzabgu@yandex.ru

Выходит 4 раза в год

Сайт: <http://zabvestnik.com/>

Первый выпуск «Вестника Читинского политехнического института» вышел в свет в 1995 г. Название менялось в соответствии с изменениями статуса вуза.

Основной миссией журнала является ознакомление российского, международного инженерного и научного сообщества с опытом внедрения научных разработок и результатами деятельности ученых в экономике, политологии, недропользовании, науках о Земле и окружающем мире.

Подробная информация о научных специальностях и требования к статье находятся на сайтах журналов

后贝加尔国立大学的学术论文

DOI: 10.21209

列入主要同行评审科学杂志和版本名单，博士和理科候选人学位论文的主要科学成果应在这些期刊和版本上发表。

人道主义载体

ISSN 1996-7853

zab-nauka@mail.ru

该杂志每年出版四期

网站: <http://zabvektor.com/>

该杂志自 1997 年开始出版，在创刊过程中更改了名称和编辑方针。该杂志的理念旨在思考现代社会的价值观--新的和传统的，对不同地区的特定社会和整个世界文化具有重要意义的价值观。

欢迎在以下学术领域开展有关不同地区社会文化实践的跨学科研究：哲学、历史、语言学、东方学、媒体传播和新闻学。

标号

科学家的邮件

ISSN 2658-7114

zab-nauka@mail.ru

该杂志每年出版四期

网站: <http://uchzap.com/>

该期刊第一期于 1957 年出版。如今，该期刊是教育和教育科学领域的科学期刊。该期刊的理念与作为后工业世界人类竞争力条件的终身学习问题有关。

该杂志专门讨论持续正规和非正规教育问题，讨论学前教育、学校教育、中等专业教育、高等教育和补充教育的国内和世界做法，以及在国家社会文化和经济空间中批准、调整和实施这些做法的可能性。

报信者

ISSN 2227-9245

vestnikzabgu@yandex.ru

该杂志每年出版四期

网站: <http://zabvestnik.com/>

1995 年创刊，随着大学地位的变化，名称也随之更改。

该期刊的主要使命是让俄罗斯和国际工程和科学界熟悉实施科学发展的经验以及经济学、政治学、地下资源利用、地球科学和周边世界的科学家活动的成果。

有关科学专业和文章要求的详细信息，请访问期刊网站